

Станислав Федотов

ТАНЕЦ МАСОК

Тени Обратной Стороны

Станислав Федотов

**Тени Обратной Стороны.
Часть 2. Танец масок**

«Автор»

2025

Федотов С.

Тени Обратной Стороны. Часть 2. Танец масок / С. Федотов —
«Автор», 2025

Странники пережили нашествие теней и буйство противотока, спасли десятки жизней — но теперь сами вынуждены бежать из королевства Гевинтер. Хуже того: часть души Этельфледы оказалась похищена. Чтобы вызволить её и самим наконец оказаться в безопасности, герои вынуждены продолжать путь. Они заключат союз с возродившимися богами, окажутся на пути священной войны — и, в конце концов, им придётся решать, встать ли на сторону величайшего из чародеев или его алчных противников. Айдан больше не щепка, плывущая по течению. Могущественные силы ищут союза — если не с ним самим, то с божествами, которые становятся его спутниками. Или это иллюзия? Сумеет ли он защитить себя и друзей, или его раздавит в схватке между масками?

© Федотов С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Так хочет Нор	6
Обед с некромантом	37
Престол над пропастью	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Станислав Федотов

Тени Обратной Стороны.

Часть 2. Танец масок

Так хочет Нор

Внизу шумел и плевался Ведер, лошади спотыкались и скользили на каменной крошке, ветер порой утихал, но чаще дул во всю глотку, пытаясь вытолкнуть бродяг с утёса и отбирая последние крохи тепла. Хронист молился – то за себя, то за Этельфледу: как бы она тоже не оступилась и не рухнула в голодный Ведер.

Порой кто-нибудь впереди медлил – тогда можно было просто постоять, любуясь ущельем. Скалы спускались к реке, как усаженные зубцами стены великаньего замка; их корни терялись в клубах пара над белесыми куполами бурной воды, которые скупое солнце украшало порою радужными разводами. Кое-где утёсы не выдерживали совместного натиска воды и времени – и вместо грозных бастiónов к Ведеру спускались шершавые плоскости осыпей. Низкорослые ели смыкали ряды на верхних галереях стен, вереницами спускались по склонам, караулили в небольших расщелинах, цепляясь корнями за мелкие трещины в камне. Увы, там, где ёлки отлично чувствовали себя, людям приходилось несладко. Хорошо ещё, что Кейтлин чувствовала направление, хоть и не могла объяснить, как именно, – должно быть, сущность внутри неё помогла. Узнав об этом, Бартель добродушно заметил, что с подобным талантом можно разыскивать не только попавших в беду подруг, но и более интригующие вещи, – девчонка похвалу не оценила и хлестнула его неприязненным взглядом.

Было уже далеко за полдень, когда тропа вильнула прочь от реки и вывела в глубокий и почти безветренный распадок, по дну которого бежал ручей, петляя между булыжниками, надувая прозрачные коленца над мелкими камешками. Иззябшие и обессилевшие путники побросали вещи на землю, напоили лошадей и запалили добрый костёр. Перекусили чем придётся – нарезали сыр, нарвали на тонкие полоски солонину, проглотили это всё, закусили хлебом и запили холоднющей водой из ручья. Ааренданец не погнушался разделить с остальными скудную трапезу и ещё добавил от себя засахаренных ягод с косточкой, длинных и морщинистых, которые он назвал финиками. На вкус хрониста они были немного приторными – но всё ж какое-то разнообразие. Впрочем, расположения попутчиков ааренданец этим не купил. Кейтлин всё время казалось, что чародей пялится на неё, как на занятную реликвию, поэтому она пересела, устроившись у него за спиной. Бартель понимающе улыбнулся. Остальным тоже было не по себе в его компании: все молчали, стараясь не встречаться с колдуном взглядами, как будто это могло помешать ему проникнуть в их воспоминания. Айдан размышлял о том, куда делся дознаватель, и жалел, что вместо воителей в бронзовых латах с ними отправили одного-единственного волшебника, и то не альвестца.

– Интересная у вас компания, – наконец изрёк Бартель и, не дождавшись реакции, обратился к Шаану: – Как гостя из далёкой Альдонии занесло на север?

– М-м, я представляю здесь инквизицию, – ответил тот. – К сожалению, я не могу сообщить...

– Все ведь поели, да? Отправляемся? – перебила его девчонка.

– Пожалуй, – Вальтер поднялся, и все за ним. – Хотя постойте, – он поднял предостерегающую ладонь. – Кто видел Альмасира?

– Я нет, – выпалил Айдан.

– Может, сдох наконец, – буркнула Кейтлин.

– Да поехали уже без него! – досадливо крикнул Годфруа. – Больно нужен.

– Не могу не согласиться, – слегка насмешливо промолвил Вальтер.

Но Кейтлин как-то всех убедила, что, если не дожидаться её верного слугу и тюремщика, может случиться что-нибудь ужасное. Как ни закатывал глаза рыцарь, как ни плевался Виллем – решили не рисковать и вновь расселись вокруг остывающих углей. От нечего делать Валь-

тер снова взобрался на холм, осмотрел предстоящий путь и притащил обрывок тёмной ткани, который, по его мнению, наверняка был от плаща Фродвина – инквизитор трагически вздохнул и молвил в ответ, что любой из местных культистов наверняка одевается так же. Бартель усердно, с ожесточённым лицом полировал тряпочкой место, которым его оружие соприкоснулась с веткой куста, и не успокоился, пока блики от костра не начали гладко скользить по трубке, не делаясь мутней ни на мгновение.

Айдан уже почти решился спросить Бартеля о Дейермере, но в последний момент смелость изменила ему, и вместо этого он пролепетал:

– А где дознаватель?

– Дознаватель? – удивлённо переспросил Бартель. – Он очень занят. Мир большой, а он один, – и, хотя это звучало правдоподобно, улыбка, с которой волшебник закруглил фразу, была какой-то слишком довольной.

– Я всё хочу спросить, – промолвил Вальтер. – А что будет с чашниками?

– С интересом послушаю ваши гипотезы, – откликнулся чародей.

– Превратят в слизняков, и всё, – буркнула Кейтлин.

– Это вряд ли, – возразил рыцарь. – У многих знатных гевинтерцев родственники в Ордене Чаши, они все очень расстроятся, если чашников казнят или заколдуют.

– Значит, посадят в темницу.

– Их же сотни полторы, не меньше. Пусть даже многие из них скоро сами помрут от старости – держать столько народу под замком накладно выйдет.

– Я полагаю, что пленных, м-м, предложат выкупить под какие-нибудь гарантии со стороны Гевинтера, – предположил Шаан.

– То есть колду... в смысле, наши достойные ааренданские друзья, как бы это сказать, провернут дело с выгодой для себя? – покосившись на Бартеля, проговорил Вальтер. Волшебник подмигнул ему.

– Да, конечно, – ответил инквизитор. – Полагаю, выкуп станет, м-м, финансовым фундаментом для освоения Торнау, не так ли?

Бартель поклонился.

– Вот жуки! – воскликнул рыцарь.

– Смотрите, возвращается!

Кейтлин показала на дальний склон, с которого, треща сучьями, спускался её тюремщик. Из-за спины у него торчали две палки, которые обернулись ногами козла. Опустив добычу на плоский и широкий камень, Альмасир отправился что-то искать, припадая к земле и широко водя руками, пока животное вяло дёргалось и сучило передними ногами, время от времени безуспешно пытаясь встать. Наконец мёртвый колдун вернулся, иссохшими пальцами неловко сжимая крупный и острый обломок. Замах – на сколах мелькнули белые грани – козёл жутко всхрапнул и булькнул, чёрный цветок распустился у него на шее – Айдан закрыл глаза, кто-то выругался, Кейтлин вскрикнула. Импровизированный алтарь залило кровью, и даже на лбу Альмасира наметилось несколько пятнышек.

– Он его приносит в жертву, – неприязненно прошептал Виллем.

И в самом деле: набрав пригоршню крови, мертвец выпрямился и протянул её, словно предлагая кому-то незримому, стоящему на вершине одного из холмов. Приношение вспыхнуло тёмным огнём, и рука снова стала чистой. Альмасир повторил это ещё несколько раз, теперь сотрясаясь, то падая на колени, то подскакивая вновь, скуля и завывая. Когда он закончил, туша козла совершенно скукожилась, будто она с месяц пролежала в пустыне и жаркое солнце высушило её, превратило в твёрдую и совершенно безжизненную корягу. Но кровь всё текла, скатывалась по жухлым травинкам, пятнала землю, подбиралась к ручью – и вот уже по хрустальным струям покатались чёрные змейки.

– Меня сейчас стошнит, – пробормотала Кейтлин.

Годфруа заворуженно следил за мертвецом, словно раздумывая, как бы и самому принести козла в жертву. Подвижник пал ниц и громко молил Владыку оборонить смиренных рабов от козней духа лжи, от порождений скверны. Виллем тоже опустился на колени, закрыл глаза и, прижав к груди кулаки, прочитал весьма пространный литанию на своём южном языке. Айдан не сразу сообразил, что надо бы встать к ним третьим, а когда последовал их примеру, не мог избавиться от чувства, что молитва его пуста и бессильна. Разве он не призывал себе на помощь Обратную Сторону? Разве сам не принёс чужую жизнь в жертву? Всё было – и Владыка явно ждал от него чего-то большего, чем просто сожаление. Бартель единственный не ужаснулся – и он выглядел так, словно перед ним изысканное театральное представление

– Что скажете как специалист? – наконец поинтересовался у него рыцарь.

– Никогда не видел ничего подобного, – признался тот. – Души этого господина и вашей подружки переплетены волокнами другого существа, как корни дерева гифами грибницы, – рыцарь явно не понял, кто такие гифы, и растерянно поскрёб шею. – Возможно, даже двух существ, – он наклонил голову, словно любясь зрелищем. – Теперь сила переполняет их, они дрожат и переливаются, – за этот восхищённый тон Кейтлин наградила его злобным взглядом.

– У Альмасира ещё есть душа? – спросил Шаан.

– Как ни странно, да. Хотя от него мало что осталось. Боюсь, бедняга совершенно не жизнеспособен.

– Да смилостивится над ним Владыка! – ахнул брат Ингольберт. – Да исцелит раны его!

– Да, только на Владыку и надежда, – кивнул Бартель, кажется, вполне довольный тем, что попутчики начали разговаривать с ним. – А вот у вас, – он повернулся к девчонке – та отпрянула. – У вас прекрасная душа, без каких-либо необратимых повреждений, – Кейтлин подозрительно сощурилась.

– Может, у вас получится вытянуть из неё эту штуку? – спросил Вальтер. Впрочем, он и сам понимал, что у ааренданцев совершенно другие планы.

– А раньше он такое делал? – показав на мертвеца, спросил чародей.

– Нет, – откликнулся Шаан. – Это в первый раз. Похоже, я был прав, – он посмотрел на Вальтера, потом на Виллема. – Пребывание, м-м, в непосредственной близости от разлома сделало их если не сильнее, то, м-м, сложнее по крайней мере.

Волшебник ещё внимательней воззрился на Альмасира, а потом бросил быстрый взгляд на Кейтлин.

– У кого-нибудь есть идеи, в кого они в итоге превратятся? – вздохнула она.

– Не переживайте раньше времени, – по-свойски молвил девчонке Бартель. – Оно вас явно бережёт. Может быть, просто разовьётся до нужного уровня и заживёт наконец собственной жизнью.

Кейтлин отвернулась.

– Пора ехать дальше, – уронил Виллем, и все его поддержали: до заката оставалось уже не так много времени, и нужно было хоть немного продвинуться по следам Фродвина. Тропа, петляя, уходила вверх по склону – туда и отправились.

Преодолев перевал, они побрели по краю бледного обрыва. Внизу тянулось стылкое, приправленное ледком болото, а на противоположном склоне толпилось хмурое еловое воинство. Шаану показалось, что на утёсах над ёлками он видел волков, и это очень его встревожило. Айдан тоже забеспокоился: где-то здесь предстояло провести ночь, и не хватало ещё, чтобы поблизости бродило всякое зверьё. Вальтер, впрочем, поднял инквизитора на смех, провозгласив, что тутошних щенков он может есть на завтрак – вот то ли дело ороочи всадники на белых мохнатых страшилищах! – и волки, слушая его похвальбу из-за соседней гряды, должно быть, качали головами и думали, что лучше не встречаться с этими странными господами.

Когда уже стало темнеть, путники решили заночевать в укромной расщелине, в которую буйный ветер, гулявший над холмами, брезговал забираться. Лошадей привязали тут же –

вышло тесновато, но Вальтер заявил, что в таких краях надо держаться поближе друг к другу. Сам он, лишь слегка отогревшись, объявил, что попробует подстрелить кого-нибудь на ужин; ему напомнили, что рюкзаки у всех пухнут от солонины, на что рыцарь возразил, что от неё они и сами ещё успеют опухнуть, а он видел горных козлов на гребне холма – и он в самом деле вскоре вернулся с рогатой тушкой за плечами. Пока одни собирали хворост, а другие тащили воду из ручья вниз, Бартель раскладывал вокруг лагеря что-то вроде бронзовых паучков размером с ладонь, искусно прикрывая их камешками. Инквизитору, который с опаской наблюдал за его приготовлениями, но даже не думал задавать вопросов, аренданец объяснил, что под защитой этих малышек можно будет спать, как у Альвеста за пазухой.

– А что они делают? – поинтересовался-таки Шаан.

– У меня разные есть, – Бартель с отеческой гордостью посмотрел на очередного паучка и затолкал его поглубже в расщелину. – Какие-то разбудят меня, если пожалуют незваные гости, а какие-то и сами примут меры. Одни настроены на существ из плоти и крови, другие – на духов.

– А если кто из нас решит до ветра прогуляться, его не поджарят на обратном пути? – нахмурившись, бросил Вальтер.

– Это ведь не растяжка с самострелом, – ответил аренданец, – а тонкие магические инструменты. Вы в полной безопасности.

– Надеюсь, – проговорил инквизитор. – Так близко к Туманному Рву магия может странно себя вести, – он внимательно посмотрел на расщелину, в которой затаился паучок, и пошёл прочь.

– Слушайте, Шаан, – бросил ему вдогонку Вальтер, – не хотите мне помочь с козлом? – но тот удрал так резво, словно его попросили сразиться с дюжиной чашников. – Годфруа, может, вы? – понурая спина великана равнодушно скрылась за деревом.

Бросив в общую кучу свою порцию хвороста, к рыцарю присоединилась Кейтлин – вдвоём они наскоро освежали козла, распотрошили, натёрли маслом с травами, которые южанин умыкнул из трактира, насадили на самодельный вертел и подвесили над костром. Пока ждали, вдыхая плотный мясной аромат, слегка приправленный дымной горечью, пока слушали уютный треск и шипение капающего на угли жира, там и сям завязались разговоры. Айдан вспомнил, что подобрал в архиве чашников карту окрестностей Туманного Рва – она пошла по рукам, и все удивлялись, что это за «Купола», «Трапезная» и «Консерватория» отмечены на полпути к провалу и чей «Очаг» в конце дороги. Сам хронист понятия не имел, зачем посреди глухомани нужна трапезная, но подумал, что Дейермер мог останавливаться там на финальном, самом загадочном отрезке своего путешествия, и здорово было бы расспросить её хозяев. Слова «консерватория» он никогда слышал. У него был староимперский корень, связанный с сохранением, но что можно было сохранять возле Туманного Рва? Вообразив, что там огромный склад мощей северных мучеников, Айдан уже не мог прогнать этот навязчивый образ.

– Я думал, за Торнау только болота, – хмыкнул южанин, – а там столько всего.

– Это плохая новость, – инквизитор покачал головой и, повернувшись к Вальтеру, горячо промолвил: – Для двух-трёх коллег Альмасира не стали бы, м-м, столько строить, – он попросил Айдана припомнить расположение пометок и с плохо скрытым торжеством в голосе воскликнул: – Это же целый город, понимаете?

– В том-то и дело, что целый город, – контратаковала Кейтлин. – Видано ли, чтобы на проклятом болоте столько строили? Наверняка это какие-то развалины. Может быть, даже руины Исчезнувших – им вечно дают нелепые имена.

– Вальтер, что вы думаете? – надавил Шаан.

– Если верить Айдану, – неохотно ответил рыцарь, – то это довольно далеко, дня два пути, не меньше. Вы рано расперезивались. Слушай, Айдан, – прищёлкнув пальцами, воскликнул

он, – а ланцигские монахи ведь ходили проповедовать культистам – неужто ничего из этого не видели?

Хронист растерянно потёр шею. Он не сомневался, что их миссия не стала углубляться в скальный лабиринт и тем более приближаться к Гиблым Топям, а вскоре после Торнау свернула к югу – в Белые Холмы, где можно было проповедовать беглецам и рисковать лишь церковной утварью, но не душой.

– Простите, Бартель, – проговорил Айдан. – А вам что-нибудь известно об окрестностях Туманного Рва?

– Уж думал, не спросите, – хмыкнул тот.

– Ваши ведь никогда не были там, – буркнул южанин.

– Это так, – кивнул Бартель. – Мы, чародеи, плохо переносим воздействие Обратной Стороны. Но зачем самим ходить в такое опасное место, если можно нанять кого-нибудь другого?

– Серых смотрителей, например? – спросил Вальтер.

– Вот именно. У них была хорошо разведанная тропа с юга, из Штирена.

– Из Штирена, ну, конечно, – рыцарь кивнул сам себе.

– Они разве не служат Полуночному Порту? – Виллем выдул недурное колечко, которое, к его досаде, почти сразу затянуло в дымные клубы.

– В том числе. Это скользкие господа, их службу могут себе позволить многие, но похвастаться их верностью, кажется, никто не способен, – он усмехнулся.

– И там, дальше действительно купола с консерваторией? – спросил Айдан.

– Не знаю, чему именно авторы карты решили дать эти красочные имена, но вокруг Туманного Рва действительно много тоннелей и подземных камер – многоножки как следует порылись там триста лет назад. Теперь хозяев больше нет – или это нам так кажется, – он зловеще подмигнул. – Не все экспедиции вернулись, кто знает, что с ними стало.

– Хотите сказать, что многоножки до сих пор живут где-то там? – Вальтер поморщился.

– Несомненно, – кивнул Бартель.

– Неужели они могут существовать на Обратной Стороне? – удивился Айдан.

– Им и не нужно. Их породил Туманный Ров. Это ведь не просто дырка в земле, а довольно глубокая расселина, стены которой изъязвлены ходами и пещерами – целый мир в промежутке между мирами.

– Это вам Серые Смотрители рассказали? – крикнул Виллем.

– Да. Им там понравилось; говорят, красиво, хотя и тошно из-за близости Обратной Стороны.

– А они сами встречали там многоножек?

– Те, кто вернулся, утверждали, что нет. Но они описывали причудливые огни в отдалении, которые могли быть рукотворными... жвалотворными, – он довольно усмехнулся. – Простите, я мало что понимаю в анатомии многоножек.

– А чашники притащили герцогу панцирь убитой многоножки, – напомнил Вальтер. – Надеюсь, не увидим их.

– Так давайте переправимся на другой берег, – отозвался Шаан.

– Ну, нет! – собравшись, как кошка перед прыжком, лягнула Кейтлин и властно посмотрела на Вальтера.

– Я вам говорю, завтра догоним Фродвина и рванём к реке, – ответил рыцарь.

– Если, м-м, завтра к вечеру не настигнем его, нужно будет поворачивать, – уверенно промолвил Шаан – но рыцарь принялся вертеть козла и раздувать опавшее было пламя, отмахиваясь от сыплющих навстречу искр, и даже самые настойчивые взгляды инквизитора уже не достигали цели.

– Я вот чего не понимаю, – Айдан вновь обратился к Бартелю. – Как волшебники из Полуночного Порта не сходят с ума возле Туманного Рва?

– Вы уверены, что они там бывают? – спросил ааренданец.

– Я так понял, что шастают, как к себе домой, – бросил Вальтер.

– Хм-м, – Бартель какое-то время созерцал огонь, а потом промолвил: – Если они проводят там немного времени и соблюдают определённые меры предосторожности, то действие Обратной Стороны может не успеть сказаться.

– А Дейермер? – продолжил расспросы Айдан. – Он ведь вообще спустился на Обратную Сторону!

– Что я могу сказать? – ааренданец развёл руками. – Дейермер был исключительным чародеем. Куда нам до него. К тому же он был не из этого мира, и, возможно, Обратная Сторона слабее влияла на него.

– А что ещё вы знаете о нём?

Бартель шутливо заметил, что не ожидал подобных расспросов от клирика – ему объяснили про хронику и про то, что некоторые пылают нездоровым интересом ко всему запретному. Ааренданец рассмеялся и пообещал ответить на любые вопросы, но на самом деле мало что мог прибавить к тому, что уже знал Айдан, а когда его спросили про господина корягу, не смог сдержать удивления.

– Хотите сказать, что ваши не отправили кого-нибудь приглядывать за его отрядом? – хмыкнула Кейтлин.

– Должно быть, альвестцы доверяли ему, – ответил Бартель. – А мне, пожалуй, интересно, был ли с ним кто-нибудь из агентов Полуночного Порты.

– Если Эсклармонда д'Отриви была вампиршей... – начал было Виллем, но Годфруа повелел ему не порочить честное имя покойной дамы. Южанин то ли рассмеялся, то ли закашлялся, но продолжать не стал. Айдан перебрал в голове известных ему участников экспедиции, но никто из них не напоминал бритоголового колдуна в чёрном, даже переодетого. Ничего не придумав, он предположил:

– Думаете, коряга мог быть одним из них?

– Что вы вообще знаете о Полуночном Порте? – спросил в ответ Бартель.

– Эм, ну, они одеваются в чёрное, бреют головы и творят всякие пакости, – Айдан хихикнул, чтобы это больше напоминало шутку, чем признание в неведении.

– Это весьма распространённое мнение, – кивнул волшебник. – А вы что скажете? – он обвёл взглядом остальных. Никто не отозвался. – Что ж, любовь к чёрному и в самом деле присуща многим из них. Что до пакостей – в Полуночном Порту много разных фракций, которые преследуют очень разные цели и добиваются своего очень разными способами. Вот, например, только что упоминались вампиры – а вы слышали когда-нибудь о Богине Воронов?

Шаан кивнул, Виллем прокряхтел что-то невнятное, а Кейтлин фыркнула:

– Вроде она вампирша. У нас про неё рассказывали страшилки.

– Что ж, эта неприятная особа действительно управляет крупным гнездом вампиров. Возможно даже, что все вампиры этого континента в некотором роде восходят к ней.

– А правда, что тот, кого укусит вампир, тоже станет вампиром? – поинтересовалась девчонка.

– Нет, конечно. И больше того, клыки, укусы – это что-то из детских сказок.

– Ну, во-от, – недовольно протянула Кейтлин.

– Боюсь, что так. Они действительно поглощают жизненную и магическую силу других, в том числе посредством расщепления крови, но это тонкий колдовской процесс, который не требует укусов.

– Но хотя бы правда, что без крови они погибнут?

– Это так. Их плоть скреплена колдовством, а души нестабильны, так что без регулярной подпитки они сойдут с ума и распадутся. Впрочем, если нужно, свежую кровь могут заменить

особые ритуалы, секрет которых известен лишь Богине Воронов, что, несомненно, помогает ей держать вампиров в подчинении.

– Это она хорошо придумала, – Кейтлин поморщилась. – А как становятся вампирами? Их обращают насильно или кто-то сам просится?

– Бывает и так, и так. Богиня Воронов коварная, но щедрая госпожа, она может высоко вознести своего слугу, хотя и никогда не даст забыть, что он целиком в её власти, – тут Виллем снова заикнулся про Эсклармонду д'Отриви, но Бартель засмеялся и промолвил: – Вам она, похоже, запала в душу. Нет, Эсклармонда была обычной женщиной, хотя и весьма богатой.

– Я говорил! – воскликнул Годфруа и победно воззрился на южанина. Тот пожал плечами и стал выбивать трубку.

– Но вы не просто так заговорили о Богине Воронов, – пытливо глядя на Бартеля, проговорила Кейтлин. – Признавайтесь, Дейермер был с ней знаком?

– Мы уверены, что да, – ответил тот. – По крайней мере, как минимум однажды они встречались.

– Разве Дейермер бывал в Полуночном Порте? – удивился Шаан.

– Нет, насколько мне известно. Их встреча произошла на корабле, который следовал от Сломанного Шпиля к Сейлиг Ричу.

Айдан вздрогнул. Возможно, тот же самый корабль упоминался в письме мастера Бернхарда, – если так, то насыщенное вышло путешествие. И если Скользящий Сильфер сошёл в Сейлиг Риче, то мог и поделиться услышанным с местными ааренданцами. Пока думал, как правильно задать вопрос, Вальтер бросил:

– И о чём они побеседовали?

– Этого мы не знаем, – с лёгкой, неискренней улыбкой ответил Бартель. Айдан даже не удивился – он, впрочем, сделал вид, что удовлетворён ответом, но воображение не смирилось с неизвестностью, оно стала нащёптывать, что Дейермер с Богиней Воронов придумали ритуал, с помощью которого можно похитить жизненные силы всего мира и стать богами – сердце билось всё сильнее от мыслей, что в это самое время колдуны у Туманного Рва доводят до конца начатое двадцать лет назад.

– Ума не приложу, – Вальтер растерянно почесал затылок, – какие у Дейермера были дела с вампиршей.

– Вылеплены из одной глины, – мрачно хмыкнул Виллем.

– Что?

– Кхм, как у вас говорят? Дейермер был такой же, как она.

– Откуда вам знать? – возмутился Годфруа. Виллем вынул было изо рта трубку, чтобы ответить, но Шаан поспешил вставить:

– Простите, Бартель, но ведь Туманный Ров контролируют не агенты Богини Воронов, не так ли?

– Да, – кивнул тот, – полагаю, что это кто-то менее... экзотический.

– Но вы ж, наверное, понимаете, кому служит... служил вот этот? – Кейтлин бросила неприязненный взгляд на Альмасира.

– В этом-то и проблема: он был настолько искусным чародеем, что даже мог позволить себе роскошь не иметь одного господина, а предлагать свою службу тем, кто лучше платит или даёт более интересные задания.

– А в чём роскошь? – не понял Вальтер. – У нас так почти все наёмники живут.

– Поверьте, в Полуночном Порту поменять хозяина очень сложно.

– Бывших ааренданцев тоже не бывает, – заметил Виллем.

– Какой же дурак захочет расставаться с нами? – Бартель осклабился.

– А правда, – Кейтлин задумчиво наморщила лоб, – может ли ааренданец вновь стать обычным человеком?

– Только если он лишится магической силы и памяти обо всём, что было с момента его зачисления. Процесс не слишком приятный, и нет гарантий, что он пройдёт гладко. Лучше не пробовать, – ааренданец растянул губы в довольной усмешке. – Но мы заботимся о своих. Если кто-то устал, мы стараемся подыскать ему другую работу.

Айдан отчего-то вспомнил слова Чёрного Орка: «Мы все рабы Обратной Стороны» – и Виллем уронил, будто услышав его мысли:

– И всё же вы не лучше рабов.

– Вот как? – Бартель насмешливо воззрился на него. – А я бы нас сравнил с монахами. Как вам такое?

В глазах южанина затеплилось тёмное пламя. Он медленно повернул голову.

– Простите, – поспешил встрять хронист. Чтобы предотвратить богословский спор, он спросил: – А может быть так, что культистами хаоса в Гевинтере считают чародеев из Полуночного Порта? Альмасир вот, пожалуй, похож на культиста – весь в чёрном, почти монах.

– Ну, это ты загнул, – фыркнул Вальтер. – Чашники порой ловили культистов, они были обычными людьми, только с придурью.

– Но, может быть, это их слуги? – не сдавался хронист. – Может быть, они как-то помогают колдунам?

– Картошку для них выращивают? – развеселился рыцарь.

Айдан посмотрел на Бартеля – тот пожал плечами.

– Вальтер, расскажите о них, пожалуйста, – попросил Шаан. – Уверен, что герцог интересуется всеми соседями Северной Марки, не только орками.

– Давайте попробую, – хмыкнул тот, перевернул козла, потом уселся, поскрёб, задравши голову, подборок и шею и всё-таки соизволил ответить: – При герцогском дворе о них всякое болтают. Одни говорили, что культисты – народ совершенно не опасный, воевать бояться и всё больше стараются удрать, но другие утверждали, что это кровожадные твари с вот такими клыками, – он обрисовал пальцами нечто в пол локтя длиной. Айдан вздрогнул. Ответы странно ложились на оскаленную морду козла, и на мгновение показалось, что тот ухмыляется. – Устраивают засады на тропках, кидаются на путников и пожирают живьём.

Виллем хрипло расхохотался.

– Ясно, – досадливо промолвил Шаан.

– Я так думаю, – добавил Вальтер, – если встретим кого-то подозрительного, не спрашиваем, культист это Хаоса или нет, сразу бьём насмерть. Никто вас потом за это в суд не потащит, да и в какой суд, спрашивается: здесь даже не Гевинтер.

– Мне нравится, – фыркнула Кейтлин.

– Давайте только друг друга не поубиваем, – усмехнулся южанин.

– А что за Хаос? – заинтересовалась девчонка.

– Хаос – лишь новое имя для Врага, – вставил южанин. – И культисты не более чем одержимые.

– Понятно, то есть не знаете, – Кейтлин закатила глаза.

– Может, и так, – пожал плечами Вальтер. – Никто не знает толком, чему они тут поклоняются. Шаан, а скажите, с одержимыми приходилось иметь дело?

– Упаси Владыка, – того передёрнуло.

– Культисты – просто заблудшие души, – невесомым голосом проговорил брат Ингольберт. – Жаль, что некому просветить их.

– Ну, – фыркнул Вальтер, – закончим – можете на обратном пути взяться за их воспитание. Уверен, они у вас будут шёлковыми. Слушайте, кажется, готово, – рыцарь отковырял поджаренную корку и ткнул мясо палочкой – оно послушно раздалось, и наградило его несколькими каплями прозрачного сока. Живот Айдана застонал в предвкушении, другие тоже

придвинулись к огню – лишь Альмасир не шелохнулся, продолжая бесстрастно взирать на кусты вниз по склону.

Айдан долго не мог заснуть. Сначала кто-то долго ворочался и тяжело дышал, потом сразу двое начали храпеть, как будто соревнуясь друг с другом, но их довольно быстро разбудили и призвали к порядку. Начал было проваливаться в дрему, образы в голове зажили своей собственной жизнью, порою удивляя странными поворотами сюжета – тогда поднялся ветер, и за его протяжными стонами время от времени чудились всхлипы, дальние стенания. Вскоре Айдан уже не мог перестать вслушиваться в ночь, тшась снова разобрать эти пугающие, но неуловимые звуки. Несколько раз ему казалось даже, что он различает чьё-то пение, но ни единого слова не удалось выцепить из обманчивой тишины. Вскоре уже не только мир звуков ополчился против него, но и всё на свете стало не так: под одеяло затекал холод, в затылок тяжело ударялось дыхание брата Ингольберта, камни под боком с каждой минутой становились всё острее и неудобней. Выбравшись на волю, Айдан присел у еле теплящегося костерка. Рядом дымил южанин; он весь закутался в одеяло, но выпростанной наружу рукою сжимал самострел.

– Вы слышали? – прошептал Айдан.

– Чего?

– Мне показалось, что кто-то поёт. Там, – он неопределённо повёл рукою.

– Это ветер, – Виллем выдул тонкую струйку дыма и стал невозмутимо выколачивать трубку. Потом добавил: – Всякое может почудиться.

Спорить было бесполезно. Айдаана слегка повело: казалось, опустись на самый жёсткий на свете валун – и сон тотчас же обовьёт своими щупальцами, утянет в спасительную черноту – но когда, поддавшись усталости, хронист закрывал глаза, на пути к забытию словно вырастала стенка.

– А вообще, нехорошие места, – признался всё-таки Виллем. – Недаром тут эти, кхм, культисты ваши. Но курево успокаивает. Думаю, если б я не курил, тоже как ты бы дёргался, – южанин сделал несколько затяжек. В этом самый момент кому-то пришло в голову громко всхрапнуть, почти что хрюкнуть – монашек ахнул, вскочил и едва не угодил ногою в моргающие на краю костра угли.

– Ты нервный какой-то, – констатировал южанин и переложил самострел поближе к себе. – Купи себе трубку.

Над челюстями скал на другом конце долины то ли фиолетовая ведьма смотрела сквозь вуаль, то ли водоросли гладили лицо утопленницы – почти полная Бледная Луна неслась сквозь облачную рвань. Айдан получше запахнулся в плащ, положил подбородок на коленку и стал думать об Этельфледе, почему-то сбившись на коленки Кейтлин, отругав себя за это и возвратившись к плечам Этельфледы, к волнующим изгибам её спины. Каким был этот Сандер Лорх, если ради него она до сих пор была готова утратить и жизнь, и даже душу? Ведь он бросил её больную где-то на ведерском тракте, да и до этого между ними – если верить трактирщице – не было уже особого тепла. У Айдаана внутри поднялась волна ненависти к Лорху, хронист в красочных подробностях представил его бесславную и весьма мучительную смерть на Обратной Стороне – стало немного легче, но по-прежнему не было ответа на вопрос о том, как заставить Этельфледу – несомненно предательски соблазнённую, зачарованную злодеем – забыть своего мучителя.

Один из дрыхнувших под сенью грота путешественников зашевелился, зашуршал, поднялся и, обернувшись Шааном, приковывал к костру.

– Всё тихо? – зябко придерживая на шее слишком свободный ворот, прогнусавил он.

– Да, но кто-то так храпит, что Айдан заснуть не может.

Хронист мысленно поблагодарил южанина за то, что он не стал пересказывать повесть про всхлипы и далёкую песню, которая уж слишком смахивала на фантазии трусоватого мальчишки.

– Гадкая погодка.

– Бывало и похуже, – бросил Виллем.

– Ещё, бде кажется, какой-то из багических дозорных Бартеля всё время пищит, – голос у него был совершенно простуженным.

Южанин пожал плечами, вручил инквизитору самострел и ушёл спать. Хронист напрягся и уловил что-то на самой кромке тишины, с облегчением подумав, что именно из этих звуков ветер вылепил и стоны, и завывания.

Шаан оказался очень скверным часовым и почти не смотрел по сторонам, как будто что-то, увиденное во сне, никак не отпускало его. Айдан подумал даже, что тут опять не обошлось без златоглазой хозяйки Кейтлин, и мысленно посочувствовал ему. Когда снизу кто-то прошуршал и тихо чирикнул, Шаан вскочил с выпученными глазами, наставил на темноту арбалет в дрожащих руках и закачался, словно не зная, кидаться ли на неведомую угрозу или спастись бегством. Когда этот порыв схлынул, инквизитор покосился на Айдана и спросил, не хочет ли тот посидеть с арбалетом – хронист не ответил. Он думал, что Шаан, пожалуй, не был создан для экспедиций в края, где клыкастые культисты околачиваются возле консерваторий – хотелось его поддержать, но ясно было, что сочувствие в такой момент могло и разозлить инквизитора. Не выдержав молчания, спросил наудачу:

– Куда вы отправитесь, когда мы найдём Этельфледу?

Шаан сперва нахмурился – так, словно Айдан отвлёл его от важных размышлений – но через некоторое время всё-таки проговорил:

– Вы хотели сказать: если дайдём её? Фродвин явно знает эти места и их обитателей, к тому же я уверед, что подступы к Тубаддому Рву очень хорошо защищены. Вы ведь не ждёте, что чародеи из Полудочного Порта по-дружески поделятся своими секретами? – он поджал губы.

– Думаете, Фродвин служит им?

– Я почти уверен, что он из Серых Смотрителей, а с их стороды, бу-бу, логичдо было бы поддерживать хорошие отношения с теми, кто контролирует Тубаддый Ров.

– Но почему они хотят воскресить Сандера Лорха?

Инквизитор, конечно же, не ответил.

– Ему что-то было известно? Что-то, связанное с путешествием Дейермера?

– Вы ведь подибаετε, – обернувшись к нему, усталым тоном промолвил Шаан, – что возрождёдый Саддер Лорх будет де более чем воспомидадием Аэринн?

– Есть ли такое место, где она сможет быть в безопасности? – вздохнул Айдан. – Может быть, далеко на юге действительно...

– Её будут искать, – перебил его инквизитор. – И скорее всего, найдут. Я думаю, что нам следует, бу-бу, инсценировать её смерть.

Айдан не знал слова «инсценировать» и очень испугался, тем более что тон Шаана звучат так обыденно, словно он каждый день занимался смертями. Инквизитор, кажется, заметил, какой эффект произвели его слова, и растолковал, о чём была речь – хронисту полегчало немного.

– Я думаю, что отправиться да юг – это хорошая идея, – великодушно добавил Шаан. – Здесь довольдо тесно, а за Сейлиг Ричем легко, бу-бу, затеряться.

Айдан кивнул, но потом он представил, как Этельфледа будет скрываться в диких краях до самой старости – и ему стало жалко её. Может, ей лучше каким-нибудь волшебным способом переменить внешность? Но останутся воспоминания – а если избавиться от них тоже, то

не перестанет ли Этельфледа быть собой? Мысли начали путаться, и хронист с облегчением погрузился в ласковое забытие.

Айдан шёл по долине с пологими склонами. Вдалеке из земли вырывались, уходя ввысь, слоистые скалы, но их вершушки скрывало белесое марево, точно облако спустилось и улеглось на них. Вокруг стояли почерневшие, обугленные деревья, с которых срывались, тая на ветру, тонкие хлопья пепла – но земля под ними была покрыта сухой, коричневой хвоей. В просветах между стволами можно было разглядеть руины – вот выстроились кольцом покрытые трещинами и сколами колонны разрушенной ротонды, похожие на израненных воителей, решивших умереть спина к спине, вот вытянулось двухэтажное, похожее на ланцигский скрипторий строение, над которым в тщетной мольбе вознесены обломки стропил. У самой дороги распростёрлась лицом вниз поверженная статуя. Впереди облако как будто опускалось ещё ниже, приныкая к самой дорожке. Айдану стало интересно, что там, он ускорил шаг, но конец пути даже не думал приближаться. Что-то белое и неясное следовало за хронистом, струясь между деревьев то с одной, то с другой стороны дороги – но когда он поворачивался, чтобы получше рассмотреть настырного призрака, там не было ничего, кроме пепла и хвои.

Наутро сон этот не истаял в памяти, как обычно происходит со снами, а, напротив, приобрёл режущую ясность свежего болезненного воспоминания. Почувствовав слабость, на хрониста набросились ещё и мысли про Этельфледу и голодных культистов – еле-еле разогнал их с помощью предрассветной молитвы. Остальные путники тоже выглядели пришибленными, и после пары кусков солонины выяснилось, что почти каждому из них снилось нечто подобное: так, Вальтер шагал по развалинам разграбленного города, чем-то напоминавшего Молин, а Виллема занесло аж на дно вчерашнего моря, где среди коралловых пиков останки затонувших кораблей грозили туманному небу копиями сломанных мачт. Бартель, пока собирал своих паучков, охотно поведал, что бродил по улицам Ааренданна, тщетно пытаясь найти выход оттуда – «не иначе как ваши расспросы о вечном рабстве меня растревожили», – шутливо погрозив южанину пальцем, закончил он. На вопрос о том, почему его машинерия не защитила всех, волшебник преспокойно ответил, что она настроена против нежелательных гостей, а сновидения были посланы кое-кем изнутри лагеря, – впрочем, это прозвучало так буднично, что девчонка даже не окрысилась. Инквизитор, между тем, припомнил Бартелю ночной писк – тот легко парировал, предложив выбор между писком и знакомством с чьими-нибудь клыками, но потом всё же осмотрел каждую из ловушек, попутно отряхивая с них оставшуюся пыль и вытаскивая застрявшие в сочленениях камешки да сухие травинки.

Девчонку, разумеется, видения не потревожили, а брат Ингольберт отошёл куда-то и всё никак не возвращался – и путникам оставалось гадать, насколько крепок панцирь его веры.

– Да его не возьмёт никакая скверна! – уверил Вальтер.

– Но на Обратной Стороне его молитвы не работали, – напомнил южанин.

– Я дубаю, – поёжившись, промолвил инквизитор, – что Владыка Света де стадет избавлять от всех да свете испытаний даже самого верного служителя, особенно когда тот саб да них напросился.

– Уж он-то с ними справится, в отличие от вас, – огрызнулась Кейтлин, а потом добавила: – Пойду всё-таки проведаю старика.

Кейтлин вернулась вместе с подвижником, который то и дело принимался тереть виски дрожащими руками и вообще был похож на человека, который крепко выпил накануне. Что он увидел во сне, осталось загадкой, но это явно взяло его за живое – и он пытался покаянной молитвой отгонять демонов. Кейтлин пришлось довольно долго щебетать над стариком,

чтобы вернуть ему присутствие духа. Напоследок, поблагодарив её за сочувствие, он с грустной улыбкой промолвил:

– Один мой знакомый говорил, что прошлое, как верная кошка: оно может надолго убежать, но всегда возвращается.

– Брат Ингольберт, это всё Обратная Сторона, – твёрдо ответила Кейтлин. – Мы спасём Фледу, сбежим подальше от Туманного Рва – и вам тут же полегчает.

– Тёмные места, тёмные, свет Эрдонарта едва достигает этого края, – кивнул подвижник, и его тёмные, обветренные губы морщились и кривились.

Видя, что даже брат Ингольберт впадает в уныние, инквизитор вновь атаковал попутчиков, моля забыть об Этельфледе и как можно скорее переправиться на другой берег Ведера. Он изошрённо толковал их сны, изрядно запугав хрониста и впечатлив даже Вальтера – а Кейтлин язвила в ответ, выставляя пророчества Шаана плоскими поделками трусливого ума, и Годфруа вторил ей – совсем не так остроумно, зато громче и агрессивней. Айдан, которому тоже не хотелось бросать Этельфледу, робко заметил, что души, хранящие чистоту веры, не понесут урона от козней Врага, тогда как добыть, возможно, бесценные знания о природе Обратной Стороны было бы похвальным свершением – Виллем поднял его на смех за такие речи. Никто не одержал решительной победы – Бартель подвёл итог, сказав, что сворачивать с тропы в любом случае пока некуда, кругом скалы – но всем было ясно, что этот спор продолжится вечером.

Увы, день шёл, а Фродвин с Этельфледой не мелькали даже не горизонте, и чем дальше – тем чаще попутчики напоминали об этом Вальтеру. К полудню он, кажется, и сам перестал верить в успех, но не хотел признаваться в этом и продолжал всех гнать вперёд.

Инквизитор на каждом привале доставал волшебные песочные часы, оставленные чернокнижником, и пялился в них, а потом донимал всех, спрашивая, текут ли они быстрее, чем в прошлый раз. И путники отмахивались, но к вечеру стало ясно, что полёт звёздочек ускорился.

– Обратная Сторона всё ближе, – озабоченно пробубнил инквизитор.

На ночь встали в уютном гроте возле небольшого озера, спрятавшегося в ущелье с крутыми стенами. Лошади наконец вволю напились и повеселели, да и люди были рады, что не надо таскаться с бурдюками по склонам. Мелкий дождь, который сеял с полудня, соткал защитную завесу перед входом в грот, а наверху, вознесённая на белокаменный пьедестал, их сны готовилась охранять грозная еловая дружина.

Странники побросали вещи и отправились искать удобный подъём к лесистой верхней террасе, где наверняка можно было разжиться сушняком. Инквизитора знобило, он непрерывно ворчал – и, кажется, на это уходили почти все оставшиеся у бедолаги силы: когда, оступившись на неверной тропке, Шаан растерял весь хвост и едва сам не соскользнул, он просто встал и тупо смотрел вниз, как будто не понимал, что происходит. Вальтер, услышав о таком, запретил инквизитору покидать лагерь – и, обравшись в зябкий, настороженный комок в глубине грота, тот вскоре задремал. Рыцарь, между тем, углядел очередного горного козла и помчался за ним с арбалетом, но на этот раз Альмасир опередил его, едва ли не из-под стрелы выхватив у него добычу. Как и в прошлый раз, мертвец переломал животному хребет, чтобы не убежало, а потом принёс в жертву на плоском камне – к счастью, довольно-таки далеко от лагеря, а то бы пришлось искать другое укрытие. Кровь снова была предложена неведомыми силам, и те приняли подношение, пожрав его чёрным огнём. Осмотрев тушу, Вальтер вернулся с известием, что её вполне бы можно было употребить в пищу – и это, кажется, было шуткой, но странники чуть не переругались.

Останки козла спихнули в трещину возле импровизированного алтаря. Провожая их взглядом, Айдан вспоминал, как мастер Бернхард, когда ему пришлось отлучиться в Хейвенфельт вместе с братом Мельхиором, сильно повздорил с ним как раз из-за еды: мастер Бернхард вычитал где-то, что в старые времена путникам раньше вообще запрещали поститься, и по дороге уплетал мясо даже в те дни, когда по монастырскому уставу следовало сидеть на хлебе и воде, а брат Мельхиор, конечно же, клеймил его безбожником.

В напряжённом молчании пожевали сыр с солониной. Шаан жутко распереживался из-за плесени на сыре, и Виллем, чтобы наконец утихомирить его, отобрал у инквизитора надкушенный ломоть, заменив своим, вполне годным на вид. Вальтер попросил Бартеля осмотреть больного – а то ещё, не приведи Владыка, придётся к лошади привязывать. Волшебник похлопотал немного, развёл в кипятке щепотку алого, невыносимо пахнущего кислым порошка, добавил три капли зелья, похожего на выжимку из грозовой тучи, пошептал немного над беспокойной поверхностью отвара и заставил инквизитора выпить. Того после снадобья развезло совсем – но Бартель не терпящим возражений тоном сообщил, что так и должно быть.

– Я думал, вы просто колданёте немного – и он вскочит на ноги, – сочувственно взирая на бледное, покрытое испариной лицо Шаана, проговорил Вальтер.

– Так близко к Туманному Рву, – ответил тот, – магия может вести себя непредсказуемо. Молнией, пожалуй, не промажешь, но целительные чары тонкие, с ними лучше быть осторожнее.

– Всё-то у вас, колдунов, какие-то мутные отговорки, – буркнул рыцарь.

Тихие стоны инквизитора не улучшили настроение странников. Разговоры умирали, едва родившись, и даже обсуждение дальнейшего пути все безмолвно согласились отложить до утра.

В ту ночь Айдану снилось, что он стоит у перекрестка двух тропинок на опушке уже знакомого споровшего леса. Ему казалось, что он знал когда-то, куда ведёт каждая из дорог, и понимал, в какую сторону направиться сейчас, да отчего-то забыл. Взгляд метнулся в одну сторону, в другую, вернулся к перекрёстку – чуть в стороне от него на плоском камне возлежал, скрестив передние лапы, белый волк – удивительно крупный, пушистый, опрятный, очень красивый, так и хотелось его погладить, а ещё почему-то потыкать пальцем в круглый блестящий нос – зверь словно почувствовал, мелкие злые складки набрякли на спинке носа и под глазами цвета высохшей хвои. Приглядевшись, Айдан заметил, что у него на морде будто чёрной тушью нарисованный орнамент – ряд из треугольников от носа до глаз и вокруг ещё точки и загогулины. Тёмные губы чуть разомкнулись, выпуская желтизну клыков. Айдан вздрогнул и поспешил извиниться за непочтительные мысли, а потом зачем-то поздоровался с волком. Тот слегка склонил набок голову, словно желая получше разглядеть незваного гостя, и сказал – нет, даже и слово не разбередило застывшую тишину, но Айдан поклялся бы, ему сказали: «Ты заблудился. Хочешь, пойдём со мной?» Но куда? – растерянно порхнула мысль, и волк ответил, спокойно и почти ласково: «Дальше».

Очнувшись, Айдан судорожно приподнялся и закашлялся. Кажется, слюна попала не в то горло, и теперь внутри что-то адски саднило при каждом вдохе. Было ещё темно. Отсветы костра корчились на скальной стене. Кто-то храпел. Виллем беспокойно ворочался и стонал во сне. Инквизитор бредил. Айдан различил что-то вроде: «Вы не сказали мне... Но я знаю, теперь я знаю, кто она... Очень опасна, да... Но вам больше не напугать меня. Я догадался, кто такой Дейермер». Слова будто застревали в заложенном носу, и хронист не был уверен, что правильно распознал их, он надеялся услышать ещё хоть что-то, но снова провалился в забытье.

Тем временем уже ни для кого не было секретом, что почти все видели во сне белого волка, хотя намерения у него не всегда были одинаковы. Вальтер плевался и поносил ночного гостя, который настойчиво и не очень утончённо издевался над ним. Виллему тоже изменило его обычное спокойствие: он сердито грыз трубку, метал грозные взгляды и лишь неохотно

проронил, что волк очень метко критиковал мотивы его путешествия. Шаан за ночь пережил и кризис, и перелом своей болезни, он так пропотел одеяло, что вынужден был просить чародея помочь с просушкой, – впрочем, теперь он уже не выглядел как человек, готовый в любой момент хлопнуться в обморок. Его сон был тягостным, вроде допроса или даже пытки – большего инквизитор не мог вспомнить. Айдан решил, что попробует осторожно расспросить его насчёт услышанного – но не сейчас, не при всех.

Один лишь Бартель ухмылялся, как ни в чём не бывало:

– Меня, конечно, волчара выставил дураком, – старательно протирая ружьё, объявил он, – но это же всего лишь сон. Чего вы так раскисли? Не понимаю.

– Бартель, вам совсем не страшно? – поинтересовался Виллем.

– Вы что-то рано испугались, – ааренданец ехидно посмотрел на него. – Что же с вами будет, когда начнутся настоящие приключения?

– Если что-то пойдёт не так, – спросил в ответ южанин, – вы сможете переместиться в Торнау? Нас захватите с собой?

– А вы уже захотели обратно? – Бартель хохотнул и позволил бликам пробежаться вдоль дула – те споткнулись за одним из колец, и чародей, покачив головой, снова взялся за тряпочку.

– Думаю, что не сможете, – устало уронил Виллем. – Если вам изменила целительная магия, портал вы тем более не откроете.

– Слушайте, – встрял Вальтер. – Я ночью вон на той горе видел отсветы, наверняка это Фродвин жёг костёр, – там, куда он указывал, Айдан увидел только убегающую прочь долину и облачный вал, поднимавшийся вдали над еловыми острями. – Сегодня к вечеру мы сомкнём свои пальцы на горле у этого негодяя! – он и впрямь изобразил, как душит кого-то с торжествующей ухмылкой.

– Вы до сих пор верите, что мы его догоним? – спросил Шаан и тут же громко чихнул. – Простите, – он жался к костру и был ещё похож на замёрзшего котёнка, но выглядел живей, чем вечером.

– Так у него туча скарба с собой!

– И он его не свалил в Ведер? – фыркнул южанин.

– Да такой скарעד ни за что не расстанется с товаром! – упрямо заявил рыцарь.

– Вальтер, вы ведь сами уже не верите, что мы их догоним! – воскликнул Шаан. – За два дня мы даже не приблизились к ним. Давайте поворачивать, пока мы ещё можем. Кто так же считает? – он обвёл попутчиков умоляющим взглядом.

– Нет! – по лицу Кейтлин пробежала злая дрожь. – Ещё. Один. День. Пожалуйста, – она посмотрела на Вальтера.

– Кейтлин, – сложив сухие пальцы в молитвенном жесте, сочувственно проговорил брат Ингольберт.

– Вы ведь как никто должны понимать, – повернувшись к нему, ответила она. Подвижник поймал её взгляд и потупился. – То, что Фродвин хочет сделать с Фледой – это хуже, чем смерть. Она потеряет душу.

Брат Ингольберт сглотнул и умолк, уничтоженный.

– Айдан? – голос девчонки повелительно зазвенел.

– Да... – пробормотал хронист. – Мы не можем бросить её. Давайте попробуем.

– Ваше мнение предвзято, – Шаан нахмурился.

– Мы должны её спасти! – не дожидаясь, пока его спросят, воскликнул Годфруа. – Если даже вы все отступите, я один пойду за ней!

– Ещё один день, – молвил Бартель – так, словно всё зависело от его решения. Он поднялся. – А если до вечера не догоним их, то завтра повернём к Ведеру.

Кейтлин прикрыла глаза. Хронисту показалось, что между ресниц блеснула маленькая слезинка. Виллем фыркнул и покачал головой, но спорить не стал и только затаился глубже

обычного. У инквизитора, к счастью, не было сил отговаривать ааренданнца, но вздыхал он, как десять человек сразу.

Стены долины скалились обломанными остриями пиков, а одинокие деревья близ вершин казались недобрыми сгорбленными колдунами, поставленными наблюдать за редкими путниками – и Айдан думал порой, не одна ли из них ожила, чтобы стать господином корягой из рассказов магистра чашников. Через северную, ближнюю к Ведеру гряду медленно сочилось облако, и белесые клочья стекали в долину, порой пряча продолжение тропы – и тогда контуры кустов и камней, проглядывая сквозь текучую завесу, обретали призрачную, пугающую жизнь.

Странники ехали молча, только Виллем иногда что-то бормотал да Вальтер окликал остальных, проверяя, все ли на месте – все словно чувствовали, что человеческая речь была здесь редким и нежеланным гостем – зато ветер гудел над скалами, костеря прищельцев, ёлки злорадно скрипели под его порывами, а внизу тихонько напевал ручей. Айдану становилось всё страшнее, на привалах он держался в самой гуще странников, а когда отряд, растянувшись, преодолевал очередную осыпь, то и дело крутил головой, проверяя, на месте ли ещё те, кто следует за ним. После одной из остановок его лошадь никак не хотела трогаться с места – хорошо Вальтер пришёл на помощь. Впрочем, и остальным приходилось туго. Годфруа порой нагибался к уху своей лошади и шептал что-то успокоительное – не то ей, не то себе самому – пару раз Айдан расслышал имя Этельфледы. Даже Бартель немного нервничал, время от времени доставал из-за спины ружьё и щёлкал кольцами. Если он что-то и видел своим чародейским взором, то не спешил делиться наблюдениями. Под глазами у него надувались мешки, он становился похож на Ормонта в Торнау – должно быть, думал Айдан, эхо Туманного Рва начало уже брать над ним верх.

В середине дня солнце решило посмотреть, что происходит в скальном лабиринте – и, хотя оно смягчило себе это зрелище тонкой облачной вуалью, ёлки стряхнули серость, одевшись в мрачные, но всё же зелёные тона, две синицы зазвенели, перекликаясь через долину – и странники тоже заулыбались, а Вальтер предложил устроить привал и уже решительно достал мандолину, когда издалека донёсся протяжный вой.

– Опять волки? – зарычал Годфруа.

– Нет, это не волк, – убирая мандолину, прошептал Вальтер. – Уж волков-то я наслушался за свою жизнь будь здоров. А это не волк, нет. Это человек, притворяющийся волком.

– Да ладно!

– Вот вам длань!

– Это, м-м, культисты хаоса, да? – выдавил инквизитор.

– Кому же ещё тут быть, любезный Шаан? Они, голубчики.

– Думаете, оборотень?

– Я в этом не разбираюсь. Вы же у нас инквизитор. Что скажете?

– Вы знаете, я не такой инквизитор.

– А вот зря. Такой бы нам сейчас не помешал. Бартель, ваше мнение?

Ааренданнец молчал и, уперев в плечо рукоять своего ружья, целился в сторону недалежного пика. Хронисту тоже почудилось там какое-то движение, но это мог быть и ветер, который то и дело ворошил макушки ёлок.

– Что там? – Вальтер подхватил арбалет и встал плечом к плечу с волшебником. – Я ничего не вижу.

– Не знаю, – всё ещё неподвижным взглядом прикованный к неведомой цели своего ружья, прошипел Бартель. – Наверное, показалось, – уронил он, опуская оружие. – Но нам стоит быть осторожными.

– Может быть, повернём? – вздохнул Шаан.

– Тучи заходят, – Вальтер показал на сизую полоску над северной кромкой долины. – К вечеру может быть ливень, станет совсем темно, и я бы не хотел прорываться к реке через неразведанные перевалы в такую погоду. Давайте лучше поскорей найдём место для ночёвки.

– Разумный план, – кивнул Бартель.

Кейтлин сжала кулаки, но ничего не сказала, вместо этого посмотрев на мертвеца и словно спрашивая: «Хоть ты пойдёшь со мной до конца?»

– Давайте с этого момента как в рейде за Ведер: по одному никуда не ходим, – распорядился рыцарь. – Даже до ветру. Один дело делает, а другой сторожит с арбалетом. И даже ты, – ответил он на незаданный вопрос Кейтлин. – Бери с собой брата Ингольберта, он тебя точно не обидит. Альмасиру я не верю.

Айдана разобрала дрожь. Знать бы хоть, чего бояться.

До вечера странники едва продвинулись: плавная каменная терраса, по которой они шли раньше, сменилась размашистыми ступенями, и лошади не то чтобы горели желанием на них карабкаться – Айдан ни за что бы не втащил свою, но Вальтер помог. К счастью, тот, загадочный вой больше не тревожил путников, но и когда обычные волки начали распеваться в соседней долине, стало очень беспокойно. Бартель не расставался с ружьём – он чувствовал чьё-то присутствие, отголоски чуждого, непонятного ему волшебства, но не мог сказать, сколько там чародеев и насколько они близко – Вальтер предположил, что это засевшие возле Туманного Рва полуночники, далёкие, но многочисленные, и на некоторое время успокоил всех. Туча прошла стороной и небо расчистилось, но закат лишь разжёл тревогу: над пепельными горами разгоралось пекло, и солнце было, как адское пламя за чугунной косой решеткой, а вокруг него маячили начертанные дымными разводами фигуры – с одной стороны вроде заяц, а с другой козёл. Инквизитор не опустил до суеверной болтовни, но весьма красноречиво посматривал на запад и вздыхал. Вальтер, устав от его жалоб, заявил:

– Да что вам не нравится? В небесном трактире жарко́е готовят – может, ангелы с рейда в преисподнюю вернулись.

Кейтлин хихикнула.

– И давайте уже становиться на ночь, – продолжил рыцарь. – Смотрите, какие там отличные ёлки – привязывайте лошадей и помогите мне соорудить костёр. Между тем, Виллем обнаружил след человеческой ноги – весьма чёткий, по-видимому, недавний, и все заспорили, чужак это или кто-нибудь из отряда – инквизитор заставил каждого наступить рядом, и торжественно объявил, что ни на кого из них не похоже.

– Вы Альмасира не проверили, – буркнула девчонка. И в самом деле, мертвеца никак нельзя было заставить пройти там.

– У Альмасира нога шире, – уверенно ответил Шаан.

– Выходит, культист, – равнодушно молвил Вальтер. – Ну, значит, будем ещё осторожней. И помните: поодиночке не ходим!

Айдана вместе с Кейтлин отправили искать подходы к ручью внизу – он с бурдюком, она с арбалетом – точнее сказать, втроём, потому что Альмасир топал позади, безразлично круша попадавшиеся на пути кусты и молодые ёлки. Ручей отыскался, но они потратили немало времени, плутая вокруг него и вспоминая, как же пройти обратно к лагерю. Им не раз казалось, что за деревьями мелькает приметная остроконечная каменюка, но как бы ни старались они подобраться к ней, повсюду был отвесный склон. Пока искали дорогу, чуть не потеряли из виду ручей, а сумерки сгущались, и повсюду чудились уже подвижные пепельные силуэты, зловещие огоньки разгорались в дебрях, разветвлённые когти тянулись к беспечным путникам – наконец кусты, разойдясь, открыли раздвоенное дерево, между стволами которого на паутинных нитях распято было почерневшее тело, – вроде, человеческое – с мучительно запрокинутой головой, с разорванным, пустым животом. От ужаса хронист не мог ни убежать, ни даже отвести взгляда,

звуки сгрудились в глотке – а Кейтлин пронзительно взвизгнула и засадила болт прямо в грудь покойника. Альмасир негромко загудел, но не трогался с места.

Когда сверху донёлся приправленный бранью треск, девчонка повернулась туда и несколько раз дёрнула за крючок, не понимая, что стрелы больше нет, а потом бросила бесполезное оружие и потянула Айдана с собой – в укрытие, за спину Альмасира. Её пальцы были холодными и неожиданно сильными.

– Что случилось? – донёлся сверху голос Бартеля. Латунь его ружья поймала случайный отблеск. Годфруа просто спрыгнул вниз и, увидав распятого, вскричал:

– Проклятье!

– Вы двое – навех! – скомандовал волшебник и стал осторожно спускаться.

– Что там у вас? – донёлся издалека голос Вальтера.

– Ничего срочного, – откликнулся Бартель. – Но пусть все возвращаются в лагерь.

Кейтлин с Айданом не заставили себя просить дважды. Хронист сам не понял, как вскарабкался на почти гладкую скальную стенку и тем более понятия не имел, как это удалось неуклюжему Альмасиру. Возле костра их ждали взволнованные лица и жадные до подробностей уши – девчонка не дала хронисту и рта открыть, живописала жуткого мертвеца во всех подробностях – и не дослушав её, Вальтер уронил:

– Приехали. Многоножки.

Инквизитор невесело рассмеялся. Брат Ингольберт поднялся и спокойно зашагал прочь – его спросили, куда он – подвижник ответил, что должен помолиться за убиенного и устроить ему настоящее, огненное погребение.

– Никуда вы не пойдёте! – взвился Вальтер. – Там может быть опасно.

– Я пойду один, – улыбнулся тот. – Я никого не подвергну опасности.

– А вот и нет! Мы не ходим поодиночке – забыли? А я никого не отпущу с вами. Так что помолитесь за него тут, если хотите. Поверьте, покойнику это будет так же приятно. А про огненное погребение забудьте. Он же весь гнилой, как вы его подожжёте?

Брат Ингольберт подчинился.

Явившийся вскоре Бартель подтвердил, что это дело лап многоножек.

– Мерзкое зрелище, я вам скажу, – бросил он. – Судя по всему, они отложили в него яйца, и личинки жрали ему внутренности, пока не выбрались наружу.

Кейтлин ойкнула и зажала рот ладонями. Виллем сплюнул и стал заново набивать трубку. Инквизитора стошнило. Айдан представил себе, каково это болтаться на дереве, пока тебя пожирают заживо, и чуть было не присоединился к Шаану.

– Это кошмар, – подтвердил Годфруа.

– Хорошая новость, – воинственно ухмыльнувшись, продолжал Бартель, – в том, что труп старый, ему не меньше месяца. То есть они тут не вчера были.

– Это значит, что многоножки бродят тут уже давно, а вы ни в одном глазу, – будничным тоном заметил Виллем.

– Верно, – признал волшебник. – Но нас никогда не интересовал животный мир окрестностей Туманного Рва, мы наблюдали за силовыми потоками.

– Интересно, как с многоножками уживаются полуночники, – пробормотал Вальтер. – Может, у них там уже дружба не разлей вода?

– Было бы неприятно, – откликнулся Бартель. – Пока могу сказать только, что человек внизу больше похож на разбойника, нежели на чародея.

– Как вы поняли? – спросил Виллем.

– На нём какие-то обноски, а не чёрный плащ. Но вот что странно: лицо у покойника перекорёженное, но как будто не от боли, а от... счастья, что ли, – волшебника передёрнуло.

– Да вам почудилось, наверное, – нахмурившись, проговорил Вальтер. – Знаете, у трупов иной раз такие рожи...

– Возможно, – Бартель пожал плечами. – И вот ещё такая мысль мне сейчас пришла в голову. Если многоножки использовали этого человека в качестве, как бы это сказать, инкубатора для...

– В качестве чего?

– Я хотел сказать, если они выводили в нём своё потомство, – рассерженно повторил Бартель, – то почему они сделали это в долине, где им могут пообедать волки или вот этот воющий господин?

– Наверное, у них поблизости гнездо, – молвил южанин.

– Не знаю. С утра попробую присмотреться, может быть, упустил что-то.

– И мы тут будем ночевать? – простонал Шаан.

– Темнеет уже, – Вальтер посмотрел на небо. Между скал медленно догорали облака. – Боюсь, мы тут застряли.

– Если что, Альмасир их раскидает, – проворчала Кейтлин.

– Или окажется, что он заодно с ними, – отозвался инквизитор. – Нужно было поворачивать утром, теперь может быть уже поздно.

– Слушайте, Шаан, – воскликнул Вальтер, – если вам охота себя хоронить раньше времени, так ступайте в соседнюю долину – там, вроде, волки бегают, наверняка они поступят с вами более рыцарственно, чем многоножки, и просто загрызут безо всяких фокусов.

– Думаю, что одну ночь мы тут продержимся, – утешил инквизитора Бартель. – Нас вон сколько народу, причём меня можно за пятерых посчитать: я всё-таки волшебник, – он подмигнул.

– А где мы достанем воду? – спросил Шаан. – Там внизу... это... – его передёрнуло, он прикрыл рот кулаком.

– Да он уже давно дохлый, и многоножек там нет, – с досадой воскликнул Вальтер. – И вас туда никто не просит идти. Бартель, составите мне компанию? Вроде, вы не из пугливых.

– У меня есть идея получше, – чародей криво ухмыльнулся. – Мы уже покричали, поколдовали немного – все, кто мог нас услышать, уже обсуждают, что это за птиц принесло в здешние края – от ещё одного заклинания вреда не будет.

Он критически оглядел скальную стену рядом с их стоянкой, постучал по ней в одной, в другом месте, прислушался, потом тяжело вздохнул и надавил ладонью – вокруг разбежались трещины, камень протестующе заскрежетал, раскалываясь всё глубже и глубже, пока наконец из этой раны не вырвалась вода. Чародей утёр с лица брызги и устало привалился к скале. Проворный ручеёк полз к обрыву, как напуганный змеёныш. – Вот как славно! – воскликнул рыцарь. – А сейчас давайте хоть ненадолго перестанем обсуждать, кого и как жрут волки с многоножками, и поедем сами!

Сравнение было не очень удачным: Шаана снова начало тошнить, да и Кейтлин скривилась – но все послушно собрались вокруг костра, дожидаясь, чтобы раздали небогатые припасы. Подвижник предложил приготовить целебный отвар – для слабых желудков и заложенных носов. Оказалось, что он позаимствовал в трактире несколько пучков сушёных трав на случай, если нужно будет помочь ближнему. Вальтер спросил брата Ингольберта, не припас ли он ещё пивка, и, убедившись, что нет, преувеличенно печальным тоном дозволил ему варить своё зелье. Вскоре терпкий, богатый аромат наполнил ноздри странников, тут и там замелькали расслабленные улыбки – но тут Виллем заметил, что на одно из мест у костра никто не сел, как будто ожидали ещё одного гостя. Южанин значительно кашлянул и показал на пустующий камешек – плоский, удобный, но никем не занятый. И Вальтер поднял его на смех, как ни в чём не бывало продолжая резать сыр, но потом смех его сошёл на нет, и через некоторое время уже, кажется, все уверились, что там не предназначено сидеть никому, помимо Нергеддеона. Брат Ингольберт призвал помянуть Владыку, закрыл глаза и беззвучно молился. Виллем скорбно качал головой и время от времени осуждающе поглядывал на рыцаря. Тот жевал сыр и старался

казаться уверенным в себе и невозмутимым, однако глаза у него бегали, да и глотать он совсем не торопился. Бартель снова взялся за ружьё. У Айдана тряслись руки и колотилось сердце, он перебирал в голове самые могучие и действенные молитвы, но ни на какой из них не мог остановиться. Даже Кейтлин выглядела слегка потерянной. Когда тишина стала уже совсем невыносимым, кто-то вскрикнул, и все повскакивали на ноги: на том самом, предназначенном Князю Мрака месте сидело, подогнув под себя ноги, совершенно ужасное, противоестественное существо: мохнатое, с бледным и вытянутым лицом, со зловещими и тёмными щёлочками глаз, без видимых признаков носа и с узкой прорезью рта.

– Я прошу прощения, если напугал вас, – приподняв лапу, спокойно промолвил демон. Впрочем, хоть голос его и был глухим, как будто в самом деле доносился из подземелья, но выговор звучал слишком обыденно для слуги преисподней, да и многое, что на первый взгляд в нём было чудовищным, таким на самом деле не оказалось: шерсть он явно позаимствовал у горных козлов, а нелепая рожа выглядела скорее разукрашенной маской, а не настоящим лицом. Кажется, все странники быстро распознали обман – и Бартель наставил на непрошеного гостя ружьё, а Годфруа замахнулся двуручником, готовясь опустить его на голову ряженого – тот протянул навстречу руку – великан качнулся назад, словно меч вдруг прибавил весу, и едва не рухнул на спину, но в последний момент сумел совладать с предавшим его оружием.

– Что вы такое? – с отвращением прошептала Кейтлин. – Это вы вчера были?

– Что? Нет...

– Это у вас маска? – обрисовав овал вокруг своего лица, спросил рыцарь.

– Маска, – Виллем сплюнул. – Что скрываешь? Клыки? Жало?

Гость вздохнул и промолвил:

– Не люблю рассказывать об этом, но если это цена вашего доверия... – голос его, немного искажённый маской, был уверенным, но с нотками усталости, как у человека, чья зрелость осталась позади. – Солдаты, которые разграбили и сожгли мой дом, нашли, что забавно будет ткнуть меня лицом в тлеющие угли моего собственного очага. То, что вышло, не стоит видеть. Сначала я носил капюшон, потом вот вытесал из дерева эту маску. И да, чтобы вы не подумали: это было не здесь и не сейчас, а десять лет назад, когда я был книготорговцем и жил в предместье Готбельта.

– Готбельт? – переспросил инквизитор. – Это же далеко к югу отсюда.

– Десять лет назад там была лютая замятня, – задумчиво изрёк Вальтер. – Готбельту здорово досталось. Это тогда вас?..

Гость кивнул.

– Вы культист хаоса? – встрял Годфруа.

– Это клеймо, которое вы для нас используете, да. Хотя...

– Здорово ж вас помотало, – молвил Вальтер. – Неужто по дороге не искали лучше убежища?

– Я проделал долгий путь, пытаюсь убежать от воспоминаний. Сначала...

– Расскажите о многоножках, – отрезал Бартель. Глаза его были холодными, а трубка в руках безошибочно указывала на сердце культиста.

– Они... редко уходят так далеко от Туманного Рва. Вы видели тело внизу, да? Бедняга... – раздался глухой свист, как будто человек под маской тяжело выдохнул. – Я знал его. Трудно поверить, что они так поступили с ним.

– Почему у него такое счастливое лицо? – бросил чародей.

– Иногда... некоторые из нас, – эти слова явно нелегко давались гостю, – слышат их голоса во сне и приходят к ним, чтобы стать... кормом для их потомства.

– Какой кошмар, – воскликнула Кейтлин.

– И когда человека начинают есть изнутри, он чувствует... что-то вроде экстаза. Он умирает с безумной улыбкой на устах.

– А как они выводили мелких, когда вокруг Туманного Рва ещё не было таклюдно? – полюбопытствовал Виллем.

– Они могут откладывать яйца и в оленей, я видел когда-то давно такого. Не знаю, зачем им люди, – он сокрушённо покачал головой.

– Почему вы до сих пор здесь? – проговорила девчонка. – Не страшно, что когда-нибудь они придут и за вами?

– Они позовут, если пожелает Нор.

– Кто пожелает?

– Нор! Это...

– Колдуны в чёрном заодно с многоножками? – перебил его Бартель.

– Я думаю, что да. Кладка внизу, которую вы видели... человек в чёрном помогал многоножкам выбрать место, где её разместить, а потом он ставил вокруг охранные амулеты... Простите, это неприятно вспоминать.

– Амулеты, – понимающе проговорил чародей.

– Люди помогают другим людям стать пищей, – вздохнул Виллем. – С этим миром явно что-то не так.

– Почему именно там?

– Не знаю. Я не волшебник.

Бартель недовольно всхрипнул, но тут же бросил новый вопрос:

– Что происходит вокруг Туманного Рва?

– Я никогда там не был. Так близко к Обратной Стороне даже Нор не сможет защитить от безумия. Простите, я не думал, что меня здесь будет ждать допрос, – он неловко усмехнулся. – Я, в общем-то, решил оказать вам что-то вроде гостеприимства. Вы в моём доме, – он обвёл рукой окрестности. – Я живу в этой долине.

Может быть, кого-то эта речь и могла растрогать, но не Бартеля – этот даже и самую малость не смягчился, выплюнув:

– Нам нужны сведения.

– Нашу подругу похитили, – вступила Кейтлин, которая, должно быть, хотела сыграть в дружелюбие, но не совладала с голосом. – Они должны были пройти здесь недавно. Вы их видели? Как она?

– Похитили? Хм, утром здесь были двое: невысокий мужчина с острым носом – я чуть не принял его за старуху – и женщина в куртке с капюшоном. Но с ними не было пленников.

– На рассвете? – рыцарь хлопнул себя по лбу. – Фродвин, что ли, крылья отрастил, я не понимаю? Как они успели так обогнать нас?

– А вы говорили: к вечеру догоним! – ядовито вставил Шаан.

– Нет, правда на рассвете?

– Это точно те люди, которых вы ищете? Мне показалось, что женщина ехала с ним по своей воле.

– Вы рассказывали нам о том, как люди слышат голоса многоножек и радуются, что их сожрут. Вот тут примерно то же самое, – она посмотрела на Вальтера и чуть слышно простонала: – Он тащит Фледу к многоножкам. Я не могу... Одна мысль об этом... – девчонка повернулась к Альмасиру, беззвучно умоляя его сделать что-нибудь, но мертвец выглядел безучастной ко всему куклой.

– Мне... очень жаль, – выдавил культист. – Я не мог знать.

– Куда они идут? – спросил Годфруа.

– Я не знаю... – начал было тот, но потом он вдруг замычал и проронил: – Мне кажется, я помню, как мужчина говорил ей, что им осталось пол дня пути, а на таком расстоянии здесь только крупное логово многоножек. Я как-то видел его через долину: три чёрных купола на склоне. Думаю, они пошли туда.

У хрониста в голове промелькнуло: вот они, купола. Но где же тогда трапезная?

– Мы опоздали, – всхлипнула Кейтлин и, опустившись на землю, с размаху стукнула себя по коленке. Альмасир захрипел и напрягся, готовый защищать девчонку от неё самой, но хватило и брата Ингольберта, который сел рядом с ней и стал шептать что-то, растопив ярость и превратив её в слёзы. Культист потрясённо молчал – но, конечно же, на Бартеля вся эта сцена не произвела никакого впечатления.

– В какой стороне это логово? – бросил он.

– Отсюда на северо-восток. Если идти к реке кратчайшим путём, его не миновать. Но я бы вам советовал держаться от него подальше. Многоножки ревностно охраняют свою территорию, и в переговоры они вступать не станут.

– Сколько здесь всего многоножек? А чёрных магов?

– Простите, я ведь не разведчик. Я простой отшельник. Мне никогда и в голову не приходило считать их.

Бартель презрительно фыркнул.

– Я, – продолжал культист, – предложил бы вам вообще не ходить в ту сторону. Я могу показать дорогу лучше – Искривлённый Путь.

– Это ещё что такое? – нахмурился Вальтер.

– Ясно же, что не прямой путь, – хмыкнул Виллем. Поймав растерянный взгляд рыцаря, он пояснил. – Прямой путь. Стезя Эрдонарта. Помните Писание?

– Тьфу, вот вы о чём!

– Искривлённый путь – это не метафора, – возразил культист, – а ущелье в нескольких часах пути отсюда. Тот, кто входит туда, может оказаться в любом уголке континента, если на то будет воля Нора.

– Оказаться в любом уголке континента, м-м, это звучит привлекательно, – тихо промолвил Шаан.

– Вы прослушали, что он сказал дальше? – грохнул Виллем. – Если Нор захочет. Вы станете просить Падшего об услуге?

– Нор никак не связан с Нергеддеоном, – возразил культист.

– Это вы так думаете. Нужно уходить на север, за реку.

– Я лишь предложил, – вздохнул гость. – Решайте сами. Если захотите, я провожу вас ко входу в ущелье.

– Что, даже чёрного козла в жертву принести не надо? – хмыкнул Вальтер.

– Вы зря так.

Шаан прикусил губу и задумчиво разглядывал маску, но не решился продолжать разговор об Искривлённом Пути: должно быть, перспектива того, что с Норм столкнуться не выйдет и нужно будет в одиночку выбираться отсюда, слишком пугала его.

– Ладно, – молвил Вальтер, – за предложение спасибо, но мы лучше просто переправимся через Ведер.

– Как скажете.

– Кстати, хочешь сыра? – рыцарь протянул ему кусок, потом сообразил, что в маске неудобно есть, и откусил сам. – Кто там поближе, подлейте мне ещё отвара, – брат Ингольберт подхватил протянутую кружку. – Расскажи про Нора. Кто это? Ваш вожак?

– Нет! Нет, конечно! Ох... Это всегда так сложно объяснять непосвящённым. Но я попробую. Нор – это фундаментальный принцип, лежащий в основе всего бытия. Это путь, следуя которому человек... обретёт счастье и покой, а свернув с которого будет страдать и в итоге погибнет. Это... это... – голос его становился всё выше, а в конце он замолчал, словно захлебнувшись словами.

– Заумно говоришь. Такое лучше бы пошло под пиво, – отхлебнув, буркнул Вальтер.

– Вы знаете, – наставив на культиста трубку, мрачно произнёс Виллем, – я больше привык, когда это называют промыслом Эрдонарта.

– Нет, – тот замялся. – Вы, вероятно, разгневаетесь, когда я это скажу, но я считаю, что Эрдонарт и Нергеддеон – лишь проявления Нора. Крайние проявления, возможно. Абсолютная доброта и беспредельная, разрушительная ненависть. Но между этими полюсами есть множество других путей. Все они Нор.

Айдан как раз потянулся за хлебом, но, услышав такое, вздрогнул, и неудачно поддетый ломоть едва не укатился в костёр.

– Разгневаемся, – кивнул южанин и очень нехорошо прищурился.

– В Северной Марке и за менее опасные речи могут в Ведер окунуть, – ухмыльнулся Вальтер. – Не боишься, что мы тоже сейчас начнём отстаивать религию Света с оружием в руках?

– Вы можете, да, если так будет угодно Нору, – вполне серьёзно отвечал безликий. – Но я буду защищаться. И если Нор захочет, я выйду победителем.

– Если Нор захочет? – саркастически переспросил южанин. – Чем тебе не бог?

– Я же говорю, это трудно объяснить. Нор он... он изменчив, ты должен чувствовать его, тогда ты сможешь ему следовать. Это можно воспринимать так, как будто у него действительно есть воля, хотя на самом деле Нор – это путь.

– Он мог являться нам в обличье белого волка? – спросил Айдан, которого рассуждения о путях заставили вспомнить зверя из снов с его «Дальше».

– Нет, – раздосадованно молвил культист. – Вы не поняли, Нор никому и никогда не является, у него нет физических воплощений. А Волк пришёл с вами.

– Кто он? – Вальтер подозрительно воззрился на гостя.

– Я не знаю точно. Он тот, кто ждёт на перекрёстках дорог.

– На перекрёстках дорог обычно ждут разбойники, – вымолвил рыцарь.

– Он долго спал и проснулся в совершенно другом мире. Но он пытается делать то, к чему привык.

– Что же это? – пророкотал Виллем.

– Он помогает выбрать путь. А тех, кому уже не может помочь, провожает до последней черты.

Айдану очень не понравились эти слова.

– Откуда он взялся? – повелительно бросила Кейтлин. Её глаза пылали, она ловила каждое слово культиста.

– Простите, это всё, что открыл мне Нор.

Девчонка зло прищурилась и прикусила губу, а потом промолвила:

– А что твой Нор говорит о ней?

– Женщина с золотыми глазами... – задумчиво сказал культист. Айдан вздрогнул, воспоминания о золотом сиянии в глазах Кейтлин ввалились к нему в голову, как свора шумных привидений. Вальтера всего тоже передёрнуло, он расплескал половину кружки. – Я... – гость подался вперёд, как будто чтобы получше рассмотреть Кейтлин, но Альмасир, всхрипнув, поднялся и сделал шаг в его сторону – культист сразу же отодвинулся и замотал башкой. – Нет, простите. Она не хочет, чтобы я знал слишком многое. Но кое-что я всё же увидел. Это... Большие костры, барабаны в ночи... Стоны сплетающихся тел. Нет, больше ничего я не могу сказать, простите.

Кейтлин нервно облизнула губы.

– Лес, барабаны в ночи... – пробормотал Вальтер. – Кстати о волках. А кто сегодня был на утёсах? Мы слышали днём, и это точно был не зверь.

– Был на утёсах? – культист задумался на мгновение, потом всплеснул руками и молвил: – Это, наверное, Эборик. Нору было угодно, чтобы он уподобился дикому зверю. Он теперь

ходит на четвереньках, выслеживает козлов и пожирает их, э-э, вот так, да, зубами и ногтями, – он довольно смущённо изобразил, как что-то отрывает и подносит ко рту.

– Фу, мерзость! – вырвалось у Кейтлин.

– Бог, который низводит людей до состояния животных – это ли не Падший? – заметил Виллем.

– А я всё-таки не могу понять, – перебил его Вальтер. – Ты говоришь: «Нор хочет», «Нору угодно», а в то же время Нор у тебя – это просто дорога.

– Ох, из меня очень плохой проповедник, – досадливо отвечал гость. – Попробую ещё раз. Представьте, что вы с завязанными глазами, – он провёл вдоль своих щёлочек ладонью, – стоите на узкой тропе, которая идёт по верху насыпи. Склоны внизу усеяны шипами, а на дне, ну, скажем, жаркое пламя, которое мгновенно сжигает каждого, кто в него попадает. Да?

– Допустим.

– И эта тропа перед вами, она, э-э, живёт своей жизнью, изгибается, петляет, – он стал вертеть руками, изображая что-то и впрямь весьма подвижное. – Ей нет до вас дела, она сама по себе. Но чтобы не напороться на шипы, чтобы не сгинуть в огне, вам нужно чувствовать её, слышать, иначе полетите вниз. Вы должны отдать себя полностью во власть тропы. Да?

– Это по-прежнему очень похоже на промысел Эрдонарта, – уверенно молвил Виллем. – Разница в том, что твой Нор превращает людей в животных, а Владыка милостив, и все его дороги ведут к Свету.

– И я так думал, – тоже весьма твёрдо ответил культист.

– Ты много знаешь об этих двоих, – проговорил Бартель. Южанин открыл уже было рот, чтобы продолжить проповедь, но окинул взглядом остальных и, мрачно вздохнув, смолчал. – Ты должен чувствовать и настроение многоножек. Что им нужно?

– Я... пожалуй, чувствую, да, – подумав немного, промолвил гость. – Они... полны гнева... и боли. Рана, которую нанёс им Скипетр Истины, покрылась коркой, но внутри по-прежнему kloкочет гной.

– Колдунам нетрудно было заполучить их в союзники, – хмыкнул Виллем. – Всего-то и надо было предложить, что реки человеческой крови.

– А вы любите всё упрощать, – заметил Бартель.

– Я всего лишь...

– Это не всё, – перебив южанина, продолжил культист. – Я чувствую надежду, новое дыхание после многих столетий упадка. Может быть, некоторые из них готовы забыть о судьбе, которая была у них отнята, и примерить другую?

– Любопытно, – молвил Бартель.

– Опять как-то сложно всё, – Вальтер нахмурился. – Дайте мне ещё сыра.

Вести о многоножках нужно было переварить, все задумались – и, пользуясь тишиной, Айдан отважился задать собственный вопрос:

– А Дейермер? Он же, он был в этих краях. Вы что-нибудь можете о нём рассказать? Может быть, вы сами видели его?

– Кто о чём, а вшивый о бане, – крикнул Виллем.

– Дайте ему делать свою работу, – вступилась Кейтлин.

Южанин выпустил в её сторону струйку дыма.

– Дейермер? – перепросил гость. – Да, я слышал о нём. Это было давно, задолго до того, как я попал сюда, но следующие путём Нора, – он широким жестом очертил окрестности, – до сих пор о нём помнят.

– Он тоже следовал путём Нора? – поинтересовался Виллем.

– Вы удивитесь, но да. То есть не совсем. То есть мы считаем, что он, возможно, постиг Нора лучше, чем любой из нас в этой глуши.

– Заблудшая душа, – кивнул южанин.

– Он ведь прошёл весь континент, следуя за своим призванием. В этом и есть путь. Нор вёл его за собой, хоть он и не думал о Норе.

– То есть как? – Вальтер нахмурился.

– Я ведь пытался объяснить, что Нор – это не божество, а... не знаю, как течение в море, – и вновь его голос возвысился, а руки пустились в пляс. – Дейермер прошёл очень долгий путь. Было бы логичным предположить, что Нор вёл его. Поэтому все те, кого вы называете культистами Хаоса, все искатели пути Нора собрались, чтобы поговорить с Дейермером, чтобы он научил их.

– У нас говорят: если ты поверил, что тебя ведёт сам Эрдоарт, бросай всё и моли о прощении, потому что так выглядят дела Князя Лжи, – провозгласил Виллем. – Я хочу сказать, что путь бывает истинным, а бывает ложным. И ложные часто выглядят очень убедительными.

– Вы можете просто помолчать? – процедила Кейтлин.

– И что вы решили? – полюбопытствовал рыцарь. – Дейермер действительно следовал пути Нора?

– Мнения разделились. Одни считали, да, хоть и нашли, что он не слишком-то красноречив для наставника, другие же были разочарованы и заявили, что он следовал Нору другого человека.

– Нор другого человека? – Вальтер выпучил глаза. – Это уже слишком!

– Простите, так мы говорим в ситуациях, когда стремления человека подчинены воле кого-то другого, пусть даже он и думает, что является хозяином своей судьбы.

– Вы хотите сказать, что Дейермер отправился на Обратную Сторону не потому, что сам этого хотел, а потому, что его вели?

– А кто тогда был Норм? – спросил Айдан.

– Вы задаёте не очень правильный вопрос, но я вас понял. Тут опять же мнения разошлись. Одни считали, что это был Нор светловолосой девушки...

– Тайко?

– Простите, я не знаю их имён.

– Наверное, это она. А что думали другие?

– Они приписывали влияние тому, с кем Дейермер встретился на краю топей.

– Господин коряга?

Культист склонил голову на бок, а потом ответил:

– Интересное прозвище. Могло бы ему подойти.

– А что вы знаете о господине коряге?

– Я... – культист поёжился и помотал своей уродливой башкой. – Я не знаю. Никогда не интересовался. Может быть, если спросить у старожилов... Но я бы не советовал вам надолго задерживаться здесь. Неподготовленного человека может свести с ума эхо Обратной Стороны. Но мне говорили, что это, э-э, господин коряга, как вы его назвали, был сильным колдуном. Предполагали даже, что это аватар Нора.

– Ава... что?

– Аватар, – пояснил Шаан, – м-м, воплощение, понимаете?

– Тёмный бог во плоти! – торжествуя бухнул Виллем.

– Это заблуждение, конечно, – вздохнул культист. – У Нора не может быть никаких аватаров. Как я уже говорил, Нор – это не божество, а принцип.

Айдану совсем не понравилась мысль о том, что Дейермера направляла воля эксцентрично выглядящего мага или белобрысой эльфийки. Он хотел верить, что Дейермер сам выбрал свою судьбу, пусть даже она была трагичной или ужасной. Зато Виллем торжествовал. Хронист не сомневался, что в его представлении господин коряга непременно был демон, а Тайко – суккубом в теле тёмной эльфийки. Увы, человек в маске больше ничего не знал о Дейермере или его спутниках, да, впрочем, в его глазах они были не более чем листьями, которые

когда-то гнал по дороге ветер, они ушли и больше не вернутся. А вот чёрные маги с многоножками его беспокоили. Культист посетовал, что в последнее время стал хуже чувствовать Нора – и наверняка из-за того, что творится возле Туманного Рва. Рыцарь коротко поведал ему о противопотоке и о том, как Северная Марка едва не провалилась к Падшему. Гость слушал его, затаив дыхание, а когда история закончилась, печально покачал башкой.

– Полуночный Порт, ааренданцы, – вздохнул он, – ничем не лучше наёмников, которые дрались под Годбельтом, а потом разорили город. Только вот ткнуть лицом в очаг им под силу не одного человека, а весь Гевинтер.

– С нами ааренданец, между прочим, – напомнил Виллем и показал на Бартеля. На лице волшебника действительно гуляла недобрая ухмылка, но он даже и слова не проронил в защиту Ааренданна.

– А как давно вы почувствовали, м-м, ослабление связи с Нором? – заинтересовался инквизитор.

– Пожалуй, это было в конце осени. Четыре месяца назад, наверное.

– Тогда ещё не было противопотока, – повернувшись к Вальтеру, заметил Шаан. – Думаю, – сказал он культисту, – что это в самом деле связано с, м-м, активностью возле Туманного Рва. А в чём проявлялось ослабление связи?

– Я стал... хуже чувствовать путь, – повторил гость.

– Понятно. Может быть, вы знаете: стала ли эта связь, м-м, сильнее после путешествия Дейермера? Мне кажется, вы владеете кое-какими, м-м, способностями благодаря ему, но ведь он не всегда мог усиливать своих последователей?

– Дайте подумать... – культист задумчиво царапнул пальцем по маске. – Пожалуй, что-то поменялось.

– Благодарю вас, – промолвил инквизитор и со значением посмотрел на попутчиков.

– Вы меня подтолкнули к этому выводу, – сказал культист, но Шаан уже полез за тетрадочкой, чтобы записать свои открытия, и потерял к нему интерес.

– И как вы ему поклоняетесь? – поинтересовалась Кейтлин. Она постаралась произнести эти слова шутливым тоном, но глаза её были стянуты болью, как будто в странных речах культиста она слышала и собственное будущее. – Молитесь? Приносите жертвы?

– Я? Нет... Пожалуй, нет. Я медитирую, да. Я провожу долгие часы в безмолвии, запертый в келье собственной души, стараясь отсеять лишнее: тщетные страсти, пустые желания, праздные мысли – чтобы в оставшемся услышать и распознать волю Нора. Но разве это поклонение?

Кейтлин пожала плечами.

– Неужели нельзя медитировать, слушая Эрдонарта? – рыкнул Виллем.

– Я пытался, видит Нор, я пытался, – вздохнул культист. – Когда я потерял всё, что любил, я и в самом деле пытался найти утешение в религии. Я даже думал примкнуть к флагеллянтам.

Южанин поморщился.

– Мой младший брат когда-то ушёл с ними и не вернулся.

– Неудивительно, – фыркнул Вальтер. – Такие не живут долго.

– Потом я встретил нищенствующих монахов. Они накормили меня, подлечили мои увечья, и я стал одним из Братьев Белого Света, – рыцарь почему-то присвистнул. – К сожалению, оказалось, что среди них многие лицемеры...

– Да не то слово! – поддакнул Вальтер.

– А наш приор и вовсе оказался вором, присваивал себе подаяние и торговал краденными реликвиями.

– Я помню, ему поджарили пятки, а потом подвесили на воротах Молина!

– У нас есть такая загадка, – пророкотал южанин, – кто не сеет и не жнёт, а жрёт от пуза? – и, подождав немного, словно ожидая от всех ответа, он радостно объявил: – Гевинтерский нищенствующий монах, конечно же!

– Брат Ингольберт, они, конечно, вас не имеют в виду, – твёрдо промолвила Кейтлин, а потом недобро посмотрела на Виллема. Подвижник, впрочем, вовсе общался с Эрдонартом и вряд ли что-то из этого слышал.

– Не имеем, не имеем, – пробормотал южанин.

Гость подождал, пока все успокоятся и продолжил свой рассказ:

– Всех Братьев Белого Света после этого объявили в розыск, и мне пришлось бежать из Гевинтера куда подальше. Так я очутился здесь, без денег, в компании нескольких таких же, как я, облапошенных богомольцев и нескольких разбойников в рясах. Один из них по дороге разграбил пару ротонд и вынес оттуда немало ценностей, но с нами делиться не собирався, конечно. Сразу сказал: по мне хоть бы вы сдохли, а всё золотишко моё. Двое других сговорились и как-то ночью зарезали его, а потом передрались из-за добычи. В итоге мы остались с тремя трупами и грудой золота. Мои несчастные спутники, насколько я знаю, сбежали со всем этим в Иштран. Пусть Нор направит их по верному пути! А я решил, что не иначе как сам Владыка привёл меня в эти края, и задумал стать анахоретом.

– Кем?

– Анахоретом. Ну, отшельником, да? В одиночку вести войну с Нергеддеоном, – в его голосе послышалась горечь и даже насмешка над собой. Виллем неодобрительно покачал головой. – Нести слово Владыки заблудшим душам. Я ведь тоже слышал о культистах хаоса. Но оказалось, что заблудшим был я. Вы знаете, я много говорил с другими, ну, кто живёт здесь, всё старался наставить их на путь света, на путь истины, как мне казалось. Кто-то просто не слушал меня, другие рассказали о Норе. Я тогда не понимал, о чём они, спорил, недоумевал. Но это не давало мне покоя. Я много размышлял над их словами. А однажды вечером во время бдения услышал его голос. Я испугался, решил, что это искушение, происки Нергеддеона. Я молился, я изнурял свою плоть постом и холодом, но голос только становился сильнее. Помимо воли я стал прислушиваться к нему. И я стал понимать, о чём говорили другие, когда я приходил проповедовать им.

– Так Нергеддеон и ловит своих жертв. Мало кто способен быть пустынником.

– Вы не поймёте. Нужно прожить здесь не один месяц, чтобы понять.

– И хорошо, что мы тут надолго не задержимся.

Ещё какое-то время все молчали и смотрели друг на друга. Видно, гостю уже нечего было добавить, он объяснил, где купола многоножек и как скорей пройти к переправе, миновав их, он попрощался, пожелав всем доброй ночи, брат Ингольберт успел предложить ему взять с собой немного еды – потом Айдан отвлёкся на мгновение, а когда снова поглядел в ту сторону, камень был пуст.

Какое-то время странники молчали, каждому было, о чём задуматься. Бартель перекинул ружьё за спину и пошёл проверять оказавшиеся бесполезными ловушки. Потом Виллем уронил, что негоже сидеть за тем же костром, где только что с тобой общалась нечистая сила – но, впрочем, всем было ясно, что в темноте не стоит искать новое укрытие. Вальтер опустился на корточки и принялся раздувать почти потухшее пламя. Брат Ингольберт вздыхал, что в монастыре Падший аки агнец, а в пустыне аки лев – и потому не стоит неподготовленным людям искать путей Господних в одиночку – мудрые слова, отозвался Виллем. Инквизитор высказал гипотезу, что безымянный культист не впал в животное состояние благодаря тому, что изначально был более развитым интеллектуально, чем его собратья по вере – бывший торговец книгами всё-таки. Эта его идея не всем пришлась по вкусу – Виллем возразил, что самые отъявленные ересиархи выходили подчас из образованных людей, чьи души вместо искренней веры наполнены пустыми умствованиями. Инквизитор тогда закинул им другую идею.

– Возможно, вы помните, как, м-м, присутствующий здесь Альмасир, – он смущённо хихикнул, – рассказывал, что Обратная Сторона пробуждает старых богов.

– Демонов, – поправил Виллем.

– Демонов, да, хорошо. И он упоминал, что бог Зенон возрождается благодаря молитвам своих последователей. Тогда, м-м, логично напрашивается предположение: если эти люди собрались здесь, возле Туманного Рва, где влияние Обратной Стороны должно быть особенно сильным, если они придумали для себя этого Нора, то не могла ли Обратная Сторона, м-м, создать его для них?

Сгустившуюся тишину прорезали шаги Бартеля, а потом и его голос:

– Интересные у вас тут разговоры.

– Как ловушки? – спросил Вальтер.

– Все целы, – ааренданец опустил на своё место.

– Надеюсь, многоножки окажутся заметнее, чем этот хрен в маске.

В эту ночь Волк дал передохнуть путникам – но им и без него хватало тревог. Большой части отряда предстояло проскользнуть под самыми жвалами у многоножек, а Кейтлин с Годфруа готовились выручать Этельфледу – в компании подвижника, который не смог отговорить свою подопечную и теперь считал, что должен последовать за ней. Их пытались отговаривать, объясняли, что это самоубийство, что Этельфледа не хотела бы стать виновницей гибели своих друзей – но девчонка ничего не хотела слышать, а верный телохранитель ни за что не отступил бы, зная, что кто-то ещё собрался выручать его госпожу. Не сумев придать решимость брату Ингольберту – единственному из живых, кого Кейтлин, возможно, послушала бы – Виллем подошёл к Альмасиру и, по-приятельски присев на соседний камень, что-то долго ему втолковывал – покойник, естественно, и бровью не повёл, а похожая на оскал неподвижная ухмылка на его лице в итоге заставила южанина потерять мысль и отступить. Бартель на слова не надеялся и пригрозил, что заколдует обоих – и Кейтлин, и её надзирателя. Девчонка вскинула подбородок и запальчиво бросила: колдуйте! Тот усмехнулся: увидите, я кое на что ещё способен.

Хронику подмывало тоже присоединиться к безнадежным – но он не сомневался, что станет только обузой, и поэтому молчал, мучительно представляя, как спасённая Этельфледа спросит: «А как же Айдан?» – а ей ответят: «Струсил монашек». Окончательно запутавшись, он решил спросить совета у Кейтлин и ходил за ней хвостиком, пока ему не показалось, что девчонка ничем не занята, ни с кем разговаривает и может потратить на него капельку внимания. После её «Ну, что такое?» вопрос всё никак не мог сорваться с бескровных губ, и ей пришлось самой сказать:

– Ты, что ли, хочешь с нами? – раздражение во взгляде Кейтлин быстро сменилось жалостью: – Ну, не глупи. Фледа мне точно не скажет спасибо, если узнает, что ты свернул шею, отправившись её спасать.

– Ага, – ответил Айдан, и, отойдя, стал терзать себя из-за того, что это вышло чересчур поспешно, почти довольно – будто он для виду только и спросил.

Потратив ещё немного времени на склоки, отряд тронулся. Облака неслись по небу, размазывая полосы теней по склонам долины, но солнце умудрялось согревать носы путникам. Невидимый в пушистых ёлках, довольно щёлкал дрозд, и Вальтер в такт ему мурлыкал что-то. Уже почти на перевале Айдан обернулся – и как будто бы увидел далеко внизу фигурку, непохожую на дерево – вчерашний ли гость вышел проводить их или чародей из Полночного Портла наблюдал за бродягами?

Как только долина, где путники ужинали с маской, осталась позади, пухлые, пузырящиеся тучи заслонили солнце, и ёлки снова посерели, а настроение странников испортилось.

Вскоре уже и кони стали испуганно прятать ушами, время от времени проверяя хватку седоков. И пока ещё только хронист переживал за свою лошадку, все только посмеивались, но потом под Вальтером конь встал на дыбы и чуть не сбросил его, причём два раза подряд – было решено остановиться, привязать лошадей и разобраться, что происходит.

– Купола слишком близко, – простонал Шаан. – Нам лучше было попытаться проскочить это место как можно скорее и уйти в сторону.

– Бартель, ну? Что скажете? – бросил Вальтер.

У чародея шла носом кровь. Он закрыл глаза и выставил перед собой ладонь, словно шупая невидимую стенку.

– Кейтлин?

Ответа не было.

К горлу Айдана подступила волна страха, он чувствовал, что вот-вот побежит обратно к культисту в маске с криками о спасении. Он ухватился за чёрную пирамидку – полегчало немного.

Тяжёлый топот – оставив остальных, три всадника поскакали прочь – светловолосая хрупкая фигурка, широкоплечий вояка и рыхлая туша с бледной голой макушкой. Бартель бросил им что-то вслед, оно вспыхнуло, разворачиваясь серебристой сетью, которая стянула беглецов и, подчиняясь медленному, напряжённому пассам волшебника, потащила их назад. Альмасир схватился за сверкающую нить, подёргал её – она лопнула с мелодичным звоном – но таких ещё было много и, хотя Бартель рычал от натуги, казалось, что он окажется сильней. Ему не дали времени. То, что накатилося, выбив дух из путников, казалось криком, но звука не было, лишь боль и ярость, кровь и темнота. Потом Айдан шёл по склону, натываясь на деревья и, кажется, порезав себе ладонь обломанной веткой. За редкими стволами неожиданно высоких сосен на другом конце долины виднелись три сросшихся опухоли, словно три чёрных гриба с лёгким облачком спор над центральным.

Рядом брёл, спотыкаясь, брат Ингольберт, и в молитве, которую он бормотал, не было ни одного внятного слова. Синяя вспышка, луч подрезал сосну, верхушка накренилась, но не рухнула, зацепившись за соседнюю. Бартель потрясал ружьём, как будто в самом деле поверг чудовище. Лицо его было багровым, взгляд блуждал в поисках новой жертвы, и Айдан испугался, как бы волшебник не приложил его самого, перепутав с врагами.

– Бартель, я тут! – хронист побрёл навстречу и поманил за собой подвижника.

– Я убил его! Я убил! – грозно размахнувшись рукой, провозгласил ааренданец. – Вам нечего бояться! Я... – застыв на мгновение с разинутым ртом, он застонал с размаха шлёпнул себя по лицу ладонью. – Проклятье! Где мы? Где остальные? – заметив чёрные пузыри, он сплюнул и отодвинул с дороги Айдана: – Хватит закрывать мне обзор! Отойдите!

Монахи поспешили отойти и встали у него за спиной. Бартель приник к своей трубке и целился то в куст, то в дерево, медленно пятясь прочь от куполов.

– Они точно заметили выстрел, – рыкнул он. – А мы тут как на ладони, – и в самом деле, сосны были совершенно голыми внизу, за такими не укроешься. – Смотрите, вон там камень, – он показал на уродливую, похожую на застывшего орка-великана, глыбу, стоявшую на небольшом возвышении в нескольких десятках шагов вверх по склону. – Спрячемся за ним и попробуем хотя бы понять, где мы.

Хрониста не нужно было просить дважды: обогнав остальных, он первым юркнул и прильнул к неожиданно тёплому боку каменюки. Что-то щекотало Айдану лоб, перебирая волосы, словно ровный, нестихающий ветерок, который нёс запах воска и прелой листвы. Бартель и брат Ингольберт пристроились рядом, в уютной нише, как специально устроенной для таких случаев. Хронист хотел сказать им: «Тут пахнет как будто... домом» – потом подумал: какой ещё дом посреди скального лабиринта? И он ещё успел крикнуть: «Осторожно, здесь!..» – когда земля под ними расселась, и все трое проскользнули в гладкую закрученную трубу, похожую

на пищевод огромной многоножки – кажется, подвижник успел уцепиться за какие-то корни на краю, но вес двоих, вцепившихся ему в ноги, увлёк и его в темноту, где вскоре невидимая твердь встретила потерявшихся странников.

Сперва хронист ничего не видел и мог лишь слушать охи подвижника и сдавленную брань ааренданца да ощупывать пол под собой, который вовсе не был земляным – что-то твёрдое, гладкое, изрезанное множеством параллельных бороздок разной глубины покрывало его. Потом волшебник засветил крохотную, пугливую искорку – и стало ясно, что они будто угодили в колбу со стенками из чего-то тёмного, похожего на застывший сироп, который размазывали слой за слоем, так что он стекал вниз и подсыхал волнами. Длинные тонкие корешки цеплялись за эту странную глазурь, крупной сеткой покрывая всё помещение. Кое-где на них набухли узелки, под серой полупрозрачной оболочкой которых светились красным мохнатые зёрнышки, похожие на пойманных и усыпленных жуков. Устье трубы наверху было истыкано мелкими отверстиями, и, судя по колыханию пылинок, из них постоянно дуло – должно быть, подумал Айдан, тот самый тёплый ветер, который чувствовался наверху. Выхода отсюда не было. Уж не так ли многоножки ловят своих жертв? От этой мысли паника ударила ему в голову так сильно, что даже пирамидка едва выручила. Он забился в плавный угол между стеной и полом и скорчился там, дрожащим голосом бормоча молитву. Брат Ингольберт сел рядом и подхватил – когда вдвоём пропели до конца, хронист уже способен был подняться. Он отметил про себя, что пахло не совсем домом – гнездом, но, впрочем, вполне уютным.

Тем временем, ааренданец несколько раз прошёлся по кругу со своим светочем, потыкал пальцем стены, потеревил корни, принялся и объявил:

– Это вентиляционная шахта. Неплохо же они тут устроились.

– Многоножки, да? – пискнул Айдан.

– Они самые. Но такую штуку как-то должны обслуживать. А если они могут сюда войти, то мы сможем выйти, – он постучал по стене в одном месте, потом в другом, потом удовлетворённо хмыкнул, убрал за спину каким-то чудом уцелевшее при падении ружьё, широко расставил ноги и с резким выдохом толкнул от себя ладони – стена треснула в двух местах, и несколько ударов сапога выдавили небольшую дверцу, в которую Бартель прошёл боком, а оба монаха протиснулись и без таких увёрток. Они оказались в длинном и довольно низком коридоре – примерно круглом, как и положено быть ходу, проделанному многоножкой, со слегка волнистыми стенами, с такой же сеткой из цепких корней, разве что без огоньков. Где-то через сорок шагов коридор начинал изгибаться, а потом раздваивался. Ааренданец велел магической искорке плыть под потолком немного впереди, выставил перед собой ружьё и сказал монахам – раз уж они пришли с голыми руками – хотя бы не бубнить и не лезть под выстрелы.

– Повезло же мне с попутчиками, – желчно добавил он.

Вдалеке что-то стучало и чавкало, но нельзя было разобрать даже, из какого разветвления тоннеля идут звуки. Бартель как приклеился к своему ружью и, кажется, даже не дышал. Брат Ингольберт одними губами читал молитву. Стук был всё громче, Айдан уже почти уверился, что он доносится слева. Тени вдруг искривились, их повело в сторону, словно что-то вытесняло само пространство – на какое-то мгновение Айдан увидел на уровне своего лица треугольный щиток остриём вниз и гирлянды светящихся зелёным глазёнок вдоль его боков, толстые красные усы и пару острых, разветвлённых жвал – потом низ треугольника разошёлся, челюсти раскрылись внутри челюстей – и на людей пролился жуткий скрипучий клёкот, от которого хотелось разломать грудь и вырвать сердце, чтобы только оно перестало болеть. Ааренданец медленно заваливался набок. Брат Ингольберт заслонился от напасти сложенными ладонями и твёрдыми, отрывистыми словами молитвы. Когда многоножка замолчала, подвижник одним движением выхватил у Бартеля ружьё, поднял к плечу и выстрелил. Посередине щитка расцвело синее пламя – тварь всхлипнула и осела, ткнувшись в пол мордой. На какое-то мгновение лицо старика стало жёстким, расчётливым как у бывалого наёмника. Айдан хотел было

сжать в кулаке пирамидку, но ладонь больше не кололи знакомые острия, и лишь бессильное крошево разбегалось между пальцами. Она сделала своё дело, защитив его.

Разожжённая ааренданцем искра потухла, но стены коридора справа уже пятнали, быстро наливаясь силой, мертвенные отсветы, и кто-то топал – к счастью, человеческими ногами. Брат Ингольберт не собирался рисковать: покрутив колечки на ружье и не поняв, как оно перезаряжается, он просто перехватил его на манер дубины и встал поближе к повороту, готовый сразить первого, кто оттуда появится. Айдан же только и мог что спрятаться за его спиной и глазеть на поверженную сколопендру. Задняя её часть, широкая и пухлая, покрытая слитным панцирем, как спинка таракана, опиралась на дюжину коротких, мощных ножек и заканчивалась парой алых многокольчатых хвостов. Выше ножек тело становилось более плоским и стройным, оно делилось на шипастые, покрытые крепкой блестящей бронёй сегменты, и от боков каждого отходило по паре лапок – сперва коротких, с острым концом и одним суставом посередине, а затем более сложных, с тремя пальцами, в которых можно было держать что-нибудь – и дохлая многоножка в самом деле ещё сжимала тремя лапами древко посоха с туманным камнем в навершие. На спине у неё росли четыре пары тонких и сухих на вид лапастей, которые были немного светлее панциря и напоминали половинки кленовых крылаток. За треугольником башки набухал бугор навроде затылка, покрытый не то шерстью, не то усиками. Хронист не мог не заметить, что, хотя многоножка была гадкой по человеческим меркам, выглядела она вполне ухоженной: всё блестело, жвалы казались заточенными, стыки между сегментами тела были аккуратно проложены чем-то вроде пушистого мха, а одну из лап обнимал грубый браслет из бронзовой проволоки. Там, где полагалось быть поясу, висела кожаная сумка – Айдану стало интересно, что внутри, но он бы ни за что не отважился проверить.

Чей-то удивлённый «Ой!» оторвал хрониста от созерцания. Ружьё вырвалось из рук подвижника и с жалобным звоном рухнуло где-то за спинами монахов. Новоприбывший, разумеется, носил бесформенную чёрную одежду навроде рясы. Он был невысоким пухлым человечком, и его бритая голова напоминала небрежно вылепленный шарик из теста – но, пусть он даже не похож был на грозного боевого чародея, пелена, которую он соткал перед собой, успешно отражала удары брата Ингольберта.

– Ой-ой-ой, – глядя на распростёртую многоножку, простонал колдун. – Как нехорошо-то!

– Она убила нашего... спутника, – воскликнул Айдан, так и не решившись поименовать Бартеля другом.

Колдун осмотрел покойника и скорбно возгласил:

– Ааренданец! Ох, как плохо-то! Ну, что за день сегодня!

– Где мы? – спросил хронист. – Откуда многоножки?

– Идите за мной, – чародей повернулся и посеменил прочь. Айдан поймал себя на мысли, что у сияния, которое следовало за коротышкой, не было видимого источника.

– Мы должны проститься с усопшим, вознести молитвы за его душу, – промолвил подвижник. Хронист подивился этакому религиозному пылу: сам он мог лишь радоваться, что в него до сих пор не отложили яйца, да ещё немного переживать за остальных: как там они, смог ли Альмасир утащить отсюда Кейтлин?

– Нет времени! – пискнул колдун, и ноги сами собой понесли Айдана вперёд по коридору. Брат Ингольберт не отставал, он быстро смирился с пленом и занял себя молитвой. – С вами захотят поговорить. Ох, они будут очень недовольны, и сполохи тоже будут ужасны злы. Что за день! Что за несчастье! И почему это всё в мою смену?

Хронист не понял, кто такие сполохи, и воображение услужливо нарисовало ему изысканно жестоких и голодных призраков, рабами которых полуночники сделались в погоне за тайнами жизни и смерти – с учётом знакомства с многоножками это был уже перебор ужасов для одного дня, и Айдан постарался выбросить из головы придуманный образ.

Коридор всё тянулся, порой задумчиво изгибаясь, дразня вогнутыми, покрытыми чем-то вроде серой сухой бумаги кругляшами дверей – одна из них была расчерчена размашистой спиралью, на двух других грубые штрихи громоздились невысокими столбиками, складываясь в подобие коротких текстов – и Айдан спрашивал себя, есть ли у многоножек летописи, в которые можно было бы подсмотреть, чтобы вернуться с переводами, с какой-нибудь «Тайной историей Туманного Рва» – конечно, люди не были готовы к подобному, и даже самый снисходительный аббат вскричал бы: «Это же побасенки отродий Падшего! Не должно человеку вкушать отраву их лукавых слов!» – но где-нибудь на другом конце мира могли бы, наверное, сыскаться и благосклонные читатели. Какие войны бушевали под покровом вечной мглы? Какие призывы бросали предводители в чёрное, стучащее жвалами море своих последователей? Что они могли помнить о Дейермере? Айдан так размышлял, что едва не пропустил момент, когда стена справа разошлась, и монахи очутились на балкончике над чем-то вроде круглого высокого зала, с потолка которого беспорядочно свисали бледные, усеянные красными огоньками плети. Вдалеке можно было рассмотреть два таких же балкона, внизу копошились и цокали невнятные тени – увы, колдун не дал времени полюбоваться и утащил хрониста в темноту следующего тоннеля. Затем был плавный спуск – виток за витком по разлинованному поперечными трещинами полу – затем новый коридор – на вездесущих цепких корнях тут и там набухали полупрозрачные мешочки, внутри которых трепыхались крупные, с пол пальца размером, светящиеся красным личинки.

Навстречу пленникам, постукивая по полу гизармой с двузубым костяным наконечником, семенила многоножка. Одной из свободных рук она придерживала рукоять костяного кинжала, подвешенного на перевязи, которая стягивала перешеек между сегментами, а ещё две тискали что-то вроде ветхой беличьей шкурки. Стыки сегментов у этой тоже были старательно заложены мхом, словно это место у многоножек всегда мёрзло или, как знать, считалось срамным, а жвалы были старательно выкрашены алым, в тон усам. На верхнем краю треугольной морды серели три зазубрины, которые были слишком симметричной формы, чтобы не заподозрить, что эти раны нанесли специально – хронист подумал, что это мог быть какой-нибудь ритуал, как у дикарей далёкого юга, которые, по слухам, ранили себя, чтобы продемонстрировать стойкость. Чуть ниже, на том, что можно было назвать лбом, красные мазки складывались в переплетённые хвостами закорючки – и это тоже наверняка что-то значило, но Айдан даже предположить не мог, что именно. Из-за угла неспешно выплыла ещё одна многоножка – обе вскинули свои нелепые сухие крылышки и стали потряхивать ими – совсем беспорядочно, на первый взгляд, но в дробном сухом стуке, который производили эти странные придатки, хронист мог различить законченные фрагменты, разделённые равномерным шумом, и он предположил, что так многоножки общаются между собой, лишь изредка помогая себе стрёкотом и чавканьем, которые издавались челюстями. Айдан так заслушался, что едва не влетел в брата Ингольберта, когда их тюремщик остановился, приветствуя коллегу-человека – высокого господина с тонким носом и презрительно опущенными уголками губ. Высокий что-то спросил у пухлого требовательным, неприятным тоном – и тот, униженно кивая, пустился в разъяснения, но был прерван односложным выкриком. Высокомерный приоткрыл ближайшую дверь, поставил ногу на порог, но задержался ненадолго, произнося что-то повелительное, и хронист сумел заглянуть внутрь. В полумраке бледные щупальца обвивали рыжеволосую женщину, лежавшую без движения, с закрытыми глазами на наклонном столе. Красная вспышка отогнала тени с её лица и Айдан похолодел, узнав Этельфледу. Он вскрикнул и хотел метнуться к ней, но чары потащили его прочь.

Обед с некромантом

Темница, в которую бросили монахов, напоминала положенную на бок флягу: вытянутый овал с почти ровным полом и закруглёнными стенками. В полу было шесть ямок, в которые как будто набросали тёмных тряпок – и хронист устроился было в одной из них, но быстро понял, что вместо ткани там что-то вроде плотной, сухой и неожиданно тёплой бумаги – наверняка поделки многоножек – и, хотя странный материал не казался опасным, Айдан предпочёл стоять, моля Владыку, чтобы с Этельфледой не произошло ничего необратимого. Попробовал обсудить увиденное с подвижником – но тот мог лишь предложить спеть вместе с ним несколько гимнов.

Время едва ползло в душной камере, освещённом лишь двумя узлами вездесущих корней, а точнее – алыми личинками внутри них, которые вяло перебирали жвалами в своих собственных темницах, порой ворочаясь, кто будто пытаясь устроиться поудобнее. Ещё в одном узелке застыла тёмная, безжизненная тушка – Айдан задумался, где многоножки берут такие живые фонарики и как меняют, когда приходит срок – но потом он вспомнил об Этельфлеме и застонал от бессилия.

Довольно скоро к монахам присоединились и остальные путники. Приступ безумия рассеял их по окрестным долинам, и многоножкам с полуночниками пришлось постараться, вылавливая непрошенных гостей. Ни у кого из новоприбывших не позаботились отнять оружие – но, кажется, колдуны в чёрном не боялись простой стали, а то единственное, что могло бы, пожалуй, обеспокоить их, крепко спало внутри Альмасира и Кейтлин.

Знакомство с обитателями Туманного Рва на всех подействовало по-разному. Вальтер захлёб описывал тварей, ничуть не смущаясь тем, что остальные тоже их видели, в итоге заявив, что панцирь у чудовищ прочный и мечом его, может статься, не разрубишь, а вот если шибануть дубиной или кистенем – тогда, пожалуй, выйдет толк. Инквизитор уселся под одной из светящихся личинок, согнав оттуда хрониста, открыл свою тетрадку и стал зарисовывать по памяти встреченных многоножек. Айдан сперва просто подглядывал и очень этим раздражал Шаана, но потом поделился парой подмеченных подробностей и был прощён. Закончив с набросками, инквизитор заинтересовался природой светящихся личинок и сперва долго смотрел на одну из них, а потом потыкал пером – и едва не оставил половину темницы без света, после чего рыцарь велел ему не играть с червяками. Годфруа бродил по комнате и стенал, что его госпожу сожрут и в останки отложат яйца. Время от времени он пытался высадить дверь плечом и уговаривал всех помочь в этом – но круглая чёрная пластинка даже не шевелилась от его ударов. После того, как Айдан рассказал про Этельфледу, Кейтлин устроилась в одном из углублений, завернулась в бумажные полосы, прижав несколько из них к груди, как напуганный ребёнок любимую игрушку, прикрыла глаза – и если бы она иногда не шмыгала носом, хронист подумал бы, что странная яма парализовала её.

Отсутствие Бартеля новоприбывшие заметили не сразу, и рассказ о стычке в тоннеле вызвал немалый интерес. Никто, пожалуй, не жалел ааренданнца – но удивительная меткость брата Ингольберта восхитила Вальтера.

– Вот прямо в середину лба, говоришь? – переспросил он у Айдана и, получив подтверждение, озадаченно промолвил: – Брат Ингольберт, где это вы так наловчились палить по многоножкам?

– Но это ведь совсем не сложно. Его ружьё почти ничем не отличалось от обычных, – смущённо улыбаясь, проговорил подвижник.

– Вы, кажется, забыли, что находитесь в Гевинтере, где огнестрельное оружие под запретом, – хмыкнул Виллем.

– Вот именно, – Вальтер почесал голову, потом вдруг застыл и вымолвил: – Да ла-адно! – его спросили, в чём дело, но рыцарь уверил, что это глупость и вообще ничего такого не имел в виду. Айдан не сомневался, что за его отговорками скрывалась какая-то интересная догадка, и он опять попробовал представить брата Ингольберта в качестве наёмника или, может быть, даже рыцаря, стерегущего ведерский рубеж от орочьих полчищ. В этот раз образ встал на место – с тем выражением, которое мелькнуло ненадолго на лице подвижника, когда он убивал многоножку, пожалуй, можно и нарвать клыков, и даже спалить деревню. И если так – то интересно даже, что изменило его.

Годфруа, между тем, затеял каяться. Он вспоминал, как был готов защитить свою госпожу от людей, орков и даже теней – но в итоге, горько заключил он, спасти её стоило от себя самой – как можно было не понять этого раньше? Кейтлин вздохнула и, явно наперекор себе, постаралась утешить великана – тот впитывал её уверения с глазами, полными наивной, детской веры, и почти было успокоился, но вдруг вскочил, начал расхаживать по камере и заявил наконец, что был слеп, а теперь исправится – прозвучало весьма угрожающе, но Айдан не сомневался, что за этим порывом не кроется никакого реального осознания, да и девчонка лишь сухо заметила: «Вот и отлично».

После нескольких часов ожидания, пустых споров и бесперспективных планов раздался глухой удар, дверь выдвинулась немного и с лёгким сухим хрустом отворилась. Годфруа, конечно же, бросился с мечом наголо в проход – но клинок лишь бессильно звякнул о хорошо знакомую мутную пелену.

– Давайте без этого, прошу! – взмолился невидимый чародей – судя по голосу, коротышка, пленивший Айдана с братом Ингольбертом. – Очень не хотелось бы отбирать у вас оружие, сковывать управляющими чарами, тащить как на поводке – мы ведь цивилизованные люди, правда?

– Где. Этельфледа? – прорычала Кейтлин. Её лицо блестело от размазанных слёз, она со значением посматривала на Альмасира, словно отдавая ему команды – но тот не реагировал, и полуночник, покосившись на мертвеца нервно сглотнув поначалу, быстро пришёл в себя, со смешной серьёзностью сдвинул брови и воскликнул:

– Пожалуйста, не надо спрашивать об этом у меня!

– А у кого?

– Я отведу вас к старшему исследователю – с ним и поговорите.

Ещё одна пелена сгустилась в глубине темницы, нетерпеливо подталкивая странников к выходу. Пришлось выбираться и следовать за колдуном, который то и дело подозрительно оглядывался на Кейтлин с Альмасиром, но в целом без особого труда тащил за собой целую толпу вооружённого народа. За поворотом три многоножки трещали о своём – завидев пленников, они притихли, потом одна показала на кого-то из них – кажется, на подвижника – и три вороха крылаток пробили разом гневную трель, которой вторило шипение и скрип челюстей. Хронист, конечно же, не понимал ни слова, но чувствовал их ненависть, жгучее желание разорвать убийцу – брат Ингольберт тоже понял, из-за чего весь шум, и виновато улыбался в ответ. Многоножки какое-то время следовали за процессией, выстукивая, выплёвывая проклятья, они даже насели на полуночника, должно быть, требуя возмездия. Колдун вытащил из-за пазухи коробочку с решётчатыми стенками и стал дышать в неё – та отзывалась неспешным, сбивчивым стрёкотом, и вскоре твари оставили бродяг в покое, продолжив перестукиваться между собой. Коротышка сокрушённо покачал головой и промолвил:

– Вот видите, что вы натворили? Они очень, очень злы.

– А ничего, что они Бартея убили? – бросила Кейтлин.

– Здесь они всегда чувствовали себя в безопасности, – словно не услышав её, продолжал полуночник. – А вы ворвались в гнездо и убили одного из них.

– Зачем я вообще с ним говорю? – девчонка закатила глаза.

За очередной круглой дверью путников ждала длинная просторная зала с практически ровным полом и сводчатым потолком, которая, не будь её стены совершенно чёрными, напоминала бы монастырскую трапезную: два составленных углом стола, вдоль которых тянулись лавки, четыре простых деревянных кресла, одно с высокой спинкой – для здешних заправил, наверное, – и очаг, в котором устало моргали прогоревшие угли. Сходство с монастырём усиливала суровая простота: ни резьбы на мебели, ни каких-нибудь портретов на стенах – даже и угощение, разложенное для узников по глиняным плошкам, было серым, как жизнь послушника в далёкой горной обители. Единственным свидетельством того, что здесь ютятся чародеи, были магические кристаллы на потолке, да и те светились не привычным синим, а какими-то обмысками голубого. Трапезная – мелькнуло в голове у Айдана. Ещё одна отметка с карты – суждено ли нам увидеть финальную, возле самого Туманного Рва?

Кресла пустовали, но на лавках возле края стола примостились двое черноплащных. Одним из них был долговязый колдун, чья необдуманная задержка дала хронисту возможность увидеть Этельфледу – этот всё так же высокомерно морщил нос и на странников поглядывал с едва прикрытым раздражением. Рыжие отсветы очага дрожали на его голой макушке. Второй была смуглая энергичная женщина с полными губами, аккуратно собранными под прямым изящным носом, с узким подбородком и впалыми щеками, которые красиво подчёркивали скулы. Её бритую, как у всех здесь, голову украшали татуировки, сотканые из цветов и быстрых, окутанных брызгами завитков – одна широкой полосой тянулась ото лба через темя, а другая огибала левое ухо, спускаясь к шее. Похожие, только с более мелкими деталями, рисунки выныривали из её рукавов, расцветая на тыльной стороне ладоней и густыми дебрями оплетая пальцы. Женщина жадно разглядывала пленников – сперва, как показалось Айдану, со злостью, но потом её взгляд остановился на мертвеце, и все другие чувства исчезли под натиском восхищения.

В углу залы бесстрастным свидетелем чародейских дел застыл парнишка в сером, который даже и не посмотрел на гостей – просто стоял и моргал. Когда высокомерный скомандовал, он подбежал к двери, закрыл её за пленниками и встал, загородив её, – такой же, как и раньше, безразличный ко всему. Даже лицо у него было бесцветное, тупое – наверняка беднягу заколдовали, чтобы он служил полуночникам, подумал Айдан. Хоть бы с нами не сделали того же.

Пожалуй, нормальнее всего в трапезной выглядели две кошки – рыжая и серая, обе полосатые, чистенькие, с наглыми жёлтыми глазами. Одна валялась кверху пузом на лавке и, задев странников, едва не брякнулась на пол, после чего спряталась в тених под столом и поглядывала оттуда, раздражённо вертя кончиком хвоста. Другая сидела в углу, блаженно щурилась и временами принималась вылизывать лапку – и шумная толпа народу её ничуть не беспокоила.

Коротышка поклонился коллегам и присел на краешек лавки рядом с ними.

– Дорогие друзья, – поднявшись, произнёс долговязый. – Добро пожаловать в наше пристанище, которое является, не побоюсь этого слова, последним оплотом науки перед рубежом Обратной Стороны, – взгляд его был нацелен на Кейтлин, лишь изредка сбиваясь на Альмасира. – Я Габбр, это Калида, – он показал на женщину, – и Аскольд. Уверен, вы проголодались. Прошу, не стесняйтесь, – он радушным жестом показал на плошки.

Странники, впрочем, не спешили отведать угощений. Вальтер качнулся было в сторону стола, но посмотрел на Кейтлин и отёрнулся. Взгляд девчонки пронзал, как ледяной сквозняк. Она выплюнула:

– Где. Наша. Подруга?

Мертвец за её спиной одобрительно заурчал. Коротышка вжал голову в плечи. Колдунья с любопытством следила, что будет дальше. Долговязый чародей нервно облизнул губы, но изобразил приятную улыбку и продолжил:

– Я надеюсь, что сегодняшняя встреча станет началом плодотворного союза между нами...

– Какого ещё союза? – взвизгнула Кейтлин. – Что вы сделали с Фледой? – но колдун продолжал что-то вещать про взаимопомощь. Девчонка нахмурилась, оглянулась на Альмасира, а потом бросила: – Эй! Вы что, будете разговаривать с ней... с тем, что внутри меня, так, как будто меня самой не существует? У вас ничего не получится! Прекратите!

– ... ваши будущие планы, – долговязый скомкал конец фразы и недовольно посмотрел на Кейтлин.

– Мы здесь! – воскликнула девчонка. – Поговорите пока с нами, – колдунья наклонилась к уху Габора и стала что-то шептать ему. – Давайте сделаем так, – продолжила Кейтлин. – Вы отпустите Фледу и остальных, и тогда я буду вся ваша.

– Мы не станем их задерживать, – отмахнувшись от чародейки, недовольно проговорил долговязый. – Почистим память и переправим за Ведер. Всех, кроме него, – бледный палец указал на брата Ингольберта. – Он убил сполоха.

Чародейка прищурилась и недобро посмотрела на подвижника.

Гости переглянулись.

– Кого?

– Сполоха, – чародей закатил глаза. – Они не любят, когда их называют многоножками. Сполохи во тьме Туманного Рва – вот кем они себя считают.

– А, ну, ясно. И что? Брат Ингольберт защищался. А перед этим ваш сполох убил Бартеля. Так что душа за душу – нет?

– Это сполох защищался, – недобро скрипнул долговязый. – Вы вломились в их дом. Он был в своём праве.

– Кейтлин, я... – начал было подвижник.

– Брат Ингольберт, помолчите, пожалуйста, – шикнула она и властным, звонким голосом провозгласила: – Вы не тронете его. Иначе уговора не будет.

Взгляд колдуна метался между её глазами, не в силах разобрать, кто говорит: девчонка или загадочное существо внутри.

– Послушайте, – наконец выдохнул он. – Я... могу поговорить с ними. Попробовать, по крайней мере. Может быть, они ограничатся ритуальным съедением руки, нанесшей смертельную рану. Возможно, её даже отрежут перед этим... быстрым и щадящим способом. Обычно сполохов очень запутаны, мы до сих пор очень плохо их понимаем, а такого, чтобы человек убил одного из них, не бывало уже несколько столетий. Они помнят, конечно же, как их повсюду истребляли после гибели их бога, – он тараторил всё быстрее, чтобы только никто не прервал его, и когда Вальтер попробовал заметить, что многоножки тоже поубивали немало людей, долговязый лишь повысил голос, чтобы перекрыть его, и продолжал: – Они помнят, и только с большим трудом они преодолели ненависть к нам ради нынешнего сотрудничества. Поэтому их реакция может быть яростной, непредсказуемой, но я поговорю с ними, постараюсь утихомирить – хорошо?

Калида громко фыркнула.

– Если даже волос упадёт... – процедила Кейтлин.

– Но мы ведь не можем совсем отказать им в правосудии?

– Кейтлин, прошу вас, – брат Ингольберт печально улыбался. – Пусть съедят руку, если так надо.

Девчонка бессильно зарычала и бросила:

– Мы ещё вернёмся к этому вопросу. А что с Фледой? Приведите её сюда.

– Простите, это невозможно, – Габор замотал головой. Его губы нервно кривились. Колдунья что-то шепнула коротышке и тревожно посмотрела на Кейтлин.

– В каком смысле? Брат Ингольберт и Фледа уедут с остальными, вот мои условия.

– Да, мы забираем её! – выйдя вперёд, гулко грохнул Годфруа, и даже пол под ногами завибрировал от его голоса. Впрочем, полуночники и виду не подали, что заметили его.

– Но это... было бы против её воли, – нащупав этот довод, Габор расслабился, и слова его потекли с неспешностью триумфальной процессии. – Она ведь сама прибыла к нам, с вполне сформулированной и, я бы даже сказал, выстраданной просьбой.

– То есть вы околдовали её, затащили сюда, а теперь будете говорить, что Фледа сама захотела?

– А вы скажете, что нет? – колдун улыбнулся и развёл руками. – Ради чего, по-вашему, она проделала весь этот путь?

– Она ошиблась, и если бы не ваши чары, она бы уже поняла это.

– Неужели? И как мне вас переубедить? Может быть, показать собственноручно подписанное ею информированное согласие? Но, простите, мы тут исследованиями занимаемся, а не бумагу пачкаем. Да вы бы и не поверили, сказали бы, что это колдовство, – долговязый самодовольно вздёрнул подбородок, и ему было, чем гордиться: Кейтлин моргнула и на короткий миг оглянулась, как будто ища у попутчиков поддержки – увы, Годфруа мог сколько угодно проклипать чародеев и размахивать мечом – его без труда отогнали. И будь на месте девчонки кто-нибудь другой, на этом бы сопротивление закончилось, но их правота лишь разозлила Кейтлин, и она крикнула:

– Хотите получить нас обеих? Нет уж! Мы тогда пойдём и сами освободим Фледу. Правда, Альмасир? – она воинственно посмотрела на мертвеца. В лице у неё не было ни кровинки, она ужасно рисковала – но Альмасир изволил заурчать, и полуночники забеспокоились. Женщина снова стала втолковывать что-то долговязому, и тот снова смотрел на Кейтлин вдумчиво, как на достойного противника. – Ну?

– М-мы не можем, мы действительно не можем, – бессильно проговорил чародей. – Нам очень жаль... – он кашлянул и стал ловить воздух, словно ему слюна попала не в то горло. Его грудь судорожно вздымалась под чёрной тканью, а глаза готовы были вылезти из орбит. Женщина бросилась к нему, взволнованно повторяя одно и то же слово. Коротышка испуганно прижал к щекам ладони. Айдан подумал было, что существо внутри Кейтлин решило покарать наглеца, но тот не смотрел ни на девчонку, ни на мертвеца, словно неведомая беда исходила изнутри его самого. Наконец истончившимся, сдавленным голосом он воскликнул: – Вон! Выведите их вон! – и коротышка побежал к выходу, сбивчиво прося пленников подождать снаружи. Те подчинились. Убедившись, что все покинули трапезную, коротышка юркнул обратно и захлопнул за собой дверь. Там что-то стучало, гуляли неясные стоны. Странники удивлённо посмотрели друг на друга.

– Ну, что, валим отсюда? – хмыкнул Вальтер, но это не звучало, как серьёзное предложение. Да он и сам не сдвинулся с места

– Давайте найдём Этельфледу, – решительно молвил Годфруа.

– М-м, я бы так не торопился, – пробормотал Шаан. Великан смерил его негодующим взглядом, потом поудобнее перехватил меч и поманил за собой девчонку – но даже и та не спешила уходить.

– Войдите, – раздалось из-за двери. Голос как будто бы принадлежал долговязому, но звучал фальшиво, будто он пытался подражать кому-то другому.

Внутри всё переменилось. Женщина теперь восседала в кресле, слегка изогнувшись и сложив руки на сдвинутых вместе коленях. Габор стоял неподалёку с ненавязчивой улыбкой, и пальцы его правой руки покоились на краешке стола. Коротышка принял отсутствующий вид, задумчиво пощипывая подбородок. Они были, как фигурки на миниатюре, – красиво, соразмерно расставленные, но застывшие, неживые.

– Простите нашего слугу, – глубоким, бархатным тоном изрекла женщина. Её взгляд вонзился в девчонку. – Он талантливый исследователь, но, к сожалению, так и не понял до конца природу связи между тобой, моя дорогая, – она кивнула Кейтлин, – и твоими замеча-

тельными спутниками, – у хрониста не было сомнений, что речь не про людей, а про белого волка и золотую женщину.

– Кто вы? – нахмурилась Кейтлин.

– Мы велели построить эту лабораторию. Мы прислали волшебников, чтобы они умножили наше знание об Обратной Стороне, – откликнулся долговязый, и в голосе его сквозили те же вальяжные женственные нотки. – Мы рассказали им, как найти общий язык с жителями Туманного Рва. Мы отправили бедняжку Альмасира, чтобы он попробовал разбудить тех, кто был забыт, – о мертвеце отозвались с игривой жалостью, как о мальчишке, который ушибся во время игры.

– Шаан, почему они стали говорить одним голосом? – прошептал Вальтер. – Кажется, кто-то, м-м, овладел ими. Я тоже ничего не понимаю.

– Кто вы? – спросил у чародеев Виллем.

Ответа не было.

– Вы говорите «мы», – озадаченно промолвила Кейтлин. – Вы одна волшебница или вас несколько?

– Это некорректный вопрос, – всё тем же голосом промолвил Аскольд.

– Ну... ладно, – девчонка пожала плечами. – Вы отпустите Фледу?

– Мы не думали, что она так дорога тебе, – ответил долговязый. – Конечно, в знак нашей будущей дружбы мы отпустили бы её.

– Но?

– К сожалению, человек, который доставил её сюда, оказался двойным агентом. Когда вашу подругу привели в нейтральное состояние, он похитил небольшую, но очень важную часть её души, без которой она не будет функциональна.

– Что? – крикнула Кейтлин и, округлив глаза, прикрыла рот ладонями. Годфруа тоже застонал. – Как вы могли допустить?

– Нам очень жаль, – уверила Калида. – Наши слуги проявили непрофессионализм, и они будут наказаны.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – сквозь слёзы спросила Кейтлин.

– Мы не сможем воссоздать фрагмент души. Но нам повезло: похититель так искусно произвёл разделение, что, если украденное будет найдено, мы сумеем восстановить душу твоей подруги.

– То есть вы... исцелите Фледу? – совсем тихо, не веря тому, что говорит, спросила девчонка.

– Мы можем это сделать, но фрагмент ещё у похитителя.

– А мы знаем, как нелегко его догнать, – поморщился Вальтер.

– Вы никого не отправили за ним в погоню? – возмутилась Кейтлин.

– Когда наши слуги обнаружили пропажу, вор был уже далеко. Не посылать же за ним исследователей! Бедняжки не выдержали бы тягот экспедиции, – Калида улыбнулась, а Кейтлин гневно сверкнула глазами. – Но теперь это не важно – ведь у нас есть вы!

– То есть, – проговорила девчонка, – мы должны догнать Фродвина, отобрать у него часть души Фледы и вернуться сюда?

– Ни к чему возвращаться! – молвил долговязый. – Мы отправим тело твоей подруги в Морауэнбах.

– Это ж гнездо Серых Смотрителей, – откликнулся Вальтер. – Может, они там все, как Фродвин, себе на уме?

– Они будут себя вести, как зайчики, – ответила Калида. – Они всегда были покладистыми. А если мы отправим боевых магов охранять спящую красавицу, Серые Смотрители будут очень-очень послушными.

– Морауэнбах – это довольно далеко, – добавил рыцарь. – Может...

– Она будет ждать вас в Морауэнбахе, – с очаровательной улыбкой провозгласила Калида, и тон её не оставлял сомнений, что всё решено.

– Через весь Штирен ломиться, – пробурчал Вальтер. – Ну, ладно.

– Что вы хотите взамен? – вздохнула Кейтлин.

– Взамен всего лишь этой скромной помощи? – долговязый кашлянул, словно пряча смех.

– Фледа была нужна вам. Думаю, что Фродвин по вашему приказу вился вокруг неё. Столько усилий – и вдруг вы отпускаете её?

– Мы действительно считали, что её одержимость воссозданием Сандера Лорха может быть нам полезна, но тех же результатов можно добиться иначе. Слепое следование старому плану было бы такой досадной причиной отказаться от вдохновляющей дружбы с вами!

– Когда вы говорите «дружба с вами», то, конечно же, имеете в виду не меня? Вам нужно то, что во мне? – девчонка приподняла бровь.

– Это такая грубая формулировка! – всплеснул руками Аскольд.

– Ну, как есть, – горько усмехнулась Кейтлин. – И неужели вы даже не злитесь на существо... на существа во мне за то, что они погубили Альмасира? Он ведь тоже был вашим слугой?

– Да, он служил нам. Такой серьёзный, такой талантливый! Но никто не вечен. У нас есть и другие слуги, не менее блестящие. Альмасир знал, на что идёт, и мы признательны ему за эту жертву.

– Ясно, – кивнула девчонка. – Я бы посмотрела на Фледу, если вы не против, а потом обратно в седло – и в погоню. Вы как? – она оглянулась на остальных с невысказанной, безнадежной мольбой в глазах.

– Они отправятся с тобой, конечно, – сказала чародейка.

– Силком потащите? – хмыкнул Виллем.

– О, ты поедешь сам, вот увидишь!

Южанин успел вымолвить «Я не...», но потом осёкся и задумчиво сдвинул брови.

– Как мы найдём Фродвина? – спросил Вальтер. – Он может быть где угодно в этих горах, и если наши невидимые друзья не расщедрятся на подсказки, – он посмотрел на Кейтлин, – то мы будем блуждать, как слепые котята.

– Наш верный слуга поможет вам найти след вора, – молвил коротышка. – Он уже в пути, он будет здесь через два или три часа.

– Так долго! – воскликнула девчонка. – Мы ни за что не догоним Фродвина!

– Будем надеяться, что наш слуга окажется полезнее, чем ааренданец, – насмешливо кашлянул долговязый.

– Если вы так говорите, – вздохнула девчонка. – Пойдите! – вдруг встрепенулась она. – Брат Ингольберт! Что будет с ним? Я не хочу, чтобы ему... церемонно съели руку!

Подвижник улыбнулся и покачал головой.

– Конечно, ему никто не будет есть руку! – пообещала Калида. – Мои слуги обо всём договорятся, ради нашей будущей дружбы, – она махнула рукой, словно отпуская путников, но потом улыбнулась им, как соратникам по заговору, и воскликнула: – Вы ведь расскажете нам, что случилось в Торнау? Силловые потоки так страстно переплетались! Должно быть, под покровом их буйства разворачивалась поистине захватывающая история – будет истинным наслаждением услышать её от очевидцев.

Странники переглянулись. Вальтер растерянно моргнул – он явно не хотел быть рассказчиком. Виллем уткнулся взглядом в угол. Инквизитор хмурился, как будто высчитывая про себя, насколько скверно делиться подробностями с полуночниками, но в итоге откашлялся и первым начал рассказывать, впрочем, быстро сбившись и предоставив слово автору злосчастной сказки. Айдан прикинул, что ничьих тайн не раскрывает, кроме, может быть, собствен-

ных, и подхватил повесть. Чародеи слушали с жадностью. Они заставили три раза пересказать изначальную сказку и ещё два – её искажённый вариант. Они почти перестали дышать, когда речь зашла о видении, в котором фигурировал Дейермер. Идея о том, что видение – это довод, к которому нужно подобрать контраргумент, привела их в такой восторг, что запинаящийся голос инквизитора, пытавшегося пояснить строение короны из кристаллов, едва ли был услышан. Айдан мог лишь надеяться, что попутчики не заметят его пухнувшего самодовольства. Когда рассказ отзвучал, он спросил полуночников, понимают ли они, что стало с дымно глазами Дейермером, и стоит ли бояться его. Чародеи взвесили слова, затем Аскольд промолвил:

– Мы ещё не сталкивались ни с чем подобным. Мы поручим нашим слугам изучить силовые потоки на предмет стабильных возмущений – возможно, этот новый Дейермер продолжил существование в таком виде.

– Если так, то что ему может быть нужно? – спросил Айдан. Внутри у него словно ворочалось что-то холодное и недовольное. – Он правда захочет разрушить мир?

– Вам видней, вы сами создали его, – заявил Габор. – Он будет двигаться по прямой к заданной вами цели.

– Но мы не фиксировали, м-м, конкретной цели, – встрял инквизитор.

– Это вы так думаете, – Калида загадочно улыбнулась. Айдан понял намёк: нужно вспомнить, с какими мыслями была произнесена заветная цитата из Писания, что ещё говорилось в видении – что-то из этого, наверняка чудовищно искажённое волей Обратной Стороны, могло стать целью новосотворённого Дейермера. Увы, память неохотно делилась подробностями той жуткой ночи. – И не забывайте, что вы с ним теперь связаны, и эта связь работает в обоих направлениях.

Айдан попытался представить, как Дейермер из видения сможет повлиять на своего автора – вышло довольно зловеще. Пожалуй, лучше было бы никогда не задумываться об этом.

– Его хоть можно убить? – спросил Вальтер.

– Убить можно кого угодно, – заявила колдунья. Почему-то существование злобной копии Дейермера не пугало её. – Но я бы предпочла договориться. Уверена, что это существо может стать очень ценным источником сведений о природе Обратной Стороны, а может быть – даже и о самом Дейермере.

– Но, м-м, каким образом? – удивился инквизитор. – Оно не знает о Дейермере больше, чем смогло найти в памяти обитателей Торнау и Оберхайда.

– Вы забываете об отзвуках в потоке, – чародейка лениво потянулась. Видя замешательство на лицах собеседников, она расхохоталась в три звонких голоса. – Спросите потом у наших слуг, они должны кое-что знать об этом.

– А что вы... надеетесь узнать о Дейермере? – пока не вмешался здравый смысл, выпалил Айдан. Колдуны молчали, поэтому он добавил: – Вы... вы встречались с ним? Он бывал в Полуночном Порту? Что вы вообще знаете о нём?

– Как много вопросов! – воскликнул Габор. – На один из них ответить совсем легко – нет, в Полуночном Порту он не был, хотя его и приглашали – в частности, наша добрая подруга Богиня Воронов. О, вы не знали? Они давние знакомцы. Оба не отсюда. Встретились когда-то на перекрёстках между мирами.

– А что насчёт других вопросов? – голос Айдана дрогнул и почти пропал.

– Спроси что-то более конкретное.

– Ох. Ладно. Вы... знаете, чего он хотел добиться? Что совершил на Обратной Стороне? Я проследил путь Дейермера до самого Торнау и даже немного дальше – но иногда мне кажется, что только многонож... простите, сполохи могут рассказать, что было после того, как его отряд спустился в Туманный Ров.

– Неужели ты проследил весь его путь? – насмешливо отвечал Аскольд. – Прости, но вряд ли ты много знаешь о том, где он был до, скажем, прибытия в Гевинтер – мы правы? –

Айдан отвёл глаза. Ормонт говорил то же самое: что прошлое Дейермера может быть важным для понимания причин его поступков – но, увы, проследить его странствие в обратном порядке, от завершения к истоку, для скромного монаха было немногим реальнее, чем отправиться за ним в Туманный Ров. – Неважно. Впрочем, мы щедры, и мы поделимся с тобой одной интересной подробностью, которую слышали от многоножек, – не сполохов, заметил про себя Айдан. Видимо, эти правила только для слуг. – Должно быть, когда отряд спустился с Туманный Ров, Дейермер ослабил защиту и перестал так тщательно скрывать свою истинную сущность – или, может быть, он стал готовиться к тому, что ждало в конце путешествия – но под внешностью человека проступило нечто необычное – бесконечность, которая стягивается в точку, – Аскольд загадочно улыбнулся.

– Я... не очень понимаю.

– Поймёшь однажды, – бросила Калида. – Или нет.

– Альвестский дознаватель, когда я спросил его про цель путешествия Дейермера, показал мне в видении город со ступенчатыми пирамидами, погружающийся во мрак – видимо, Ираклион – и упомянул Хорана, – выпалил хронист. – Что всё это значило?

Взгляды колдунов устремились к Айдану, и тот почувствовал себя как под прицелом трёх волшебных палочек. Его заставили описать подробнее, как именно Ираклион погружался во мрак, после чего Калида усмехнулась в кулак, а Габор промолвил:

– Хоран построил два города – в этом мире и на Обратной Стороне. Мы называем второй Тёмным Ираклионом. Они связаны, однако переходить в тёмную половинку может лишь её создатель – наши слуги пробовали, но потерпели неудачу, – в голосе колдуна прозвучало разочарование.

– Мы считаем, что Хоран использовал Тёмный Ираклион, как укрытие, – добавил Аскольд. – Поэтому никто не видел его после битвы на Поле Пепла. Маленький ловкий негодник.

– И что он там делал?

– Строил коварные планы, конечно же, – хихикнула Калида. – Нам он никогда не нравился, и если бы Дейермер убил его, мы бы ничего не имели против. Но сражение между ними сотрясло бы Обратную Сторону. Это бы все почувствовали.

– Ормонт – чародей из Королевской гильдии магов, который ехал с нами какое-то время – рассказывал, что примерно тогда же было... как же он говорил... ощущение, похожее на то, которое сопровождало ритуал Альмасира в Каменных Челюстях. Будто поток, уносящий души мёртвых, ненадолго развернулся, – хронист перевёл дыхание.

– Вот как? – откликнулась Калида. – Твой знакомый, конечно же, ничего не понял. Но, – снисходительно добавила она, – что-то интересное действительно случилось. Может быть, бесконечность всё-таки сошлась? И пока ты не подумал, что это и было эхо дуэли, скажу: голос был лишь один, – Айдан разочарованно вздохнул. – Наш разговор окончен. Почти, – чародейка сделала небольшую паузу. – Друзья, – почти ласково произнесла она, обращаясь явно не к путникам из плоти и крови, – вас незаслуженно забыли. Вы уснули, вы стали тенями, отзвуками своих прежних имён, – Альмасир гневно заурчал и переступил с ноги на ногу. – Но вместе мы поможем им вспомнить, мы вернём вам их взгляды, их песни, мы вернём вам их покорность, – мертвец выдавил уродливое слово, составленное из одних согласных. – Будем же добрыми соседями! – Альмасир кашлянул и несколько раз кивнул ей.

– Чувствую, у нас работёнки прибавится, – усмехнулся Вальтер.

– Ступайте! – хором воскликнули полуночники.

Должно быть, чужое присутствие оставило их, потому что все трое застонали, обмякли – а долговязый плюхнулся на лавку, уронив голову на стол. Калида бросилась к нему, помогла доковылять до кресла и устроиться в нём. Парнишка-прислужник был отправлен за водой,

полотенцем и некими каплями, а пока он бегал, чародейка водила пальцами вокруг головы своего коллеги, который стонал и, казалось, едва узнавал окружающих.

– Это всегда так, м-м, неприятно? – участливым тоном спросил Шаан.

– Возле Туманного рва – да, – огрызнулась волшебница.

– Это что было-то? – растерянно почёсывая затылок, спросил Вальтер. – Ваша хозяйка? А чего она про себя говорит «мы»?

– Вы не хотите знать, – Аскольд замотал головой. – Вы не хотите знать. Вот, поешьте, – изобразив доброжелательную улыбку, добавил он. – Всё остыло, разумеется, но вам нужно подкрепиться перед дорогой.

– Можно сначала увидеть Фледу? – молвила Кейтлин.

– Дайте сначала прийти в себя, – ответил полуночник. – Она от вас никуда не денется. Поешьте – потом сходим.

Все колебались, и Айдан пожалел даже, что рядом нет Фродвина, который точно метнулся бы к еде, ни о чём не раздумывая. К счастью, Вальтер буркнул «Да какого лешего» и первым принялся за кашу, мрачно закидывая в рот ложку за ложкой и совсем даже не сразу вымолвив: «Тьфу, посолили бы, что ли!» Когда он показал пример, дело пошло веселее. Девчонка – и та поклевала немного. Габору накрутили вокруг головы повязку из влажного полотенца, и чародейка что-то закапывала ему в глаза – должно быть, снадобье помогало, потому что вскоре взгляд волшебника стал вполне осмысленным, и он позволил Калиде увести себя из трапезной.

Айдан съел три ложки и бросил это занятие: слова чародейки – про бесконечность, которая стягивается в точку, не давали ему покоя. В надежде на истолкование он посмотрел на инквизитора – и тот, как видно, без слов понял, что от него требуется, но лишь выдохнул: «Я не понимаю, что это значит». Больше спрашивать было не у кого – если только полуночники не расщедрятся на беседу.

– Теперь отведёте меня к Фледе? – бросив ложку, спросила Кейтлин.

– Ох, какая же вы нетерпеливая, – коротышка вздохнул, подошёл к двери, приоткрыл её и крикнул в щёлочку: – Калида! Калида! – Девчонке, которая уже стояла рядом с выходом, готовая бежать к подруге, он сказал: – Подождите ещё немножко, прошу вас! – та недовольно выдохнула, но всё же вернулась к столу и села – на краешек лавки, не сводя глаз с двери.

Калида вскоре ворвалась в трапезную, набросившись на коротышку с неведомыми упрёками на странном языке, в котором мягкие певучие гласные перемежались порой неловкими гортанными согласными. Аскольд бойко отбивался, показывая на Кейтлин и картинно закатывая глаза – и они, похоже, договорились, что Калида отведёт девчонку к Этельфледе, а коротышка продолжит сторожить остальных, потому что колдунья поманила за собой Кейтлин, а телохранителю, который тоже вскочил, велела жестом сесть обратно. Годфруа, конечно, возмутился, и Айдан заявил, что хочет посмотреть – коротышка подошёл, протянул к ним руки и тихим, но уверенным голосом промолвил:

– Ну, куда вы? Там места мало, вас всех не разместишь, а если натолкаетесь всей кучей, то можете что-нибудь сломать – и тогда пропадёт ваша ненаглядная.

Этот довод заставил даже Годфруа задуматься, и он лишь крикнул в спину Кейтлин, чтобы та проверила, дышит ли госпожа. Чтобы занять себя чем-нибудь, великан опустился в углу на колени и стал молиться. Коротышка довольно улыбнулся и сел за стол, спросив, не хочет ли кто добавки – странники промолчали.

– Вы нам лошадей-то вернёте? – молвил рыцарь. – Если мы пешком будем, погоня выйдет жалкой.

– Отдадим, отдадим, – кивнул коротышка. – За ними хорошо присматривают.

– Вы уже похоронили Бартеля? – осведомился брат Ингольберт. – И нужно совершить поминальную службу. Тут ведь нет священников?

Айдан представил себе многоножку-клирика, потом делегата от многоножек в архиепископском совете – ему, пожалуй, можно было бы выкрасить лоб в белый, чтобы не так выделялся, но как будут выглядеть молитвы на языке стука и скрежета?

– Тут есть небольшая проблема, – помявшись немного, вымолвил коротышка. – Тело ааренданнца пропало.

– Сполохи съели? – фыркнул Вальтер.

– Ох, не надо так! – всплеснул руками колдун. – Они ж не звери какие. Но спасибо и на том, что называете их сполохами.

Рыцарь великодушно кивнул.

– Вы думаете, Бартель, м-м, жив? – спросил инквизитор.

– Двое других ведь уцелели. Магия, которую использовал сполох, разрушает душу. Это крайне опасное, смертоносное колдовство, они редко прибегают к подобному, но вы, должно быть, очень напугали беднягу. С другой стороны, испуг мог сбить прицел, исказить саму суть чародейства. Может быть, ааренданнец просто потерял сознание, а потом пришёл в себя и сбежал. Да кто знает, зачем вообще его отправили сюда – а теперь он расскажет своим, что мы со сполохами нашли общий язык. Ох, как же это плохо! Как же это плохо!

Хронист был уверен, что, раз чёрная пирамидка разрушилась, чары были очень сильными – одному Владыке ведомо, как выстоял подвижник. Но, конечно же, полуночникам не стоило знать о том, как один ловкий монашек некогда завладел одним из их творений, и особенно – о том, что с помощью пирамидки он подружился с ааренданнцами. Одно было хорошо – пока Этельфледа оставалась под защитой черноплащных, Бартель не мог навредить ей.

– А вы, пожалуй, из Гевинтера, – задумчиво промолвил Вальтер. – Я такой выговор слышал у ребят, которые приезжали из Вайтернахта, – чародей ответил настороженным взглядом. – Да можете ничего не говорить, не важно. Скажите лучше: стоило оно того? Я, если честно, всегда думал, что в Полуночном Порту колдунам неплохо живётся: ну, то есть про чёрные наряды и бритые головы я слышал, разумеется, но ведь можно и с бритой головой кутить напропалую! – коротышка улыбнулся. – А вот я смотрю на это всё, – Вальтер обвёл рукой комнату, – и как-то убого. Живёте в какой-то дыре с много... сполохами, жрёте всякую гадость, если только вы не специально для нас её приготовили. Ну, вот одного раба я видел, но и тот без опакала, – глаза чародея весело сверкнули. – Ещё обычно говорят, что в Полуночный Порт бегут за свободой, но какая тут свобода, если хозяйка может в любой момент скрутить вас! – улыбка сползла с лица волшебника.

– В Полуночном Порту можно возвыситься, но сначала приходится послужить.

– Да-а, это везде так.

– Они очень редко вселяются в нас.

– Вот в меня герцог ни разу не вселялся. Орал – это да. Но чтобы так бесцеремонно...

Аскольд набычился. Одна из кошек – серая – запрыгнула ему на колени, подозрительно оглядела гостей, потом зевнула и разлеглась, а чародей прижал её к себе и стал чесать за ухом.

– А вы уже давно тут? – спросил Вальтер.

– Вы слишком много хотите знать.

– Сдаётся мне, – ничуть не удивившись, продолжил рыцарь, – что чашники с самого начала прикрывали вас. Вот мне и стало интересно, как давно они уже дурили герцога, – коротышка виновато моргнул. Позабытая им на время кошка снова зевнула, показав тонкий, изогнутый язык, и тронула чародея лапой – тот встрепенулся и продолжил чесать её. – Ну, ладно, – молвил рыцарь. – Теперь это уже не моя забота.

– Простите, – встрял инквизитор, – но ваша госпожа... или ваши... – он смутился. – Она рекомендовала уточнить у вас, м-м, об отзвуках в потоке.

– А что именно?

– Мы обсуждали, мог ли рукотворный Дейермер приобрести какие-то черты настоящего... М-м, простите, вы вообще понимаете, о чём я? – Аскольд выпучил глаза и помотал головой, так что инквизитор коротко пересказал историю, которую они с Айданом поведали загадочным чародейкам. Колдун слушал его, затаив дыхание, а потом вытер лоб и выдохнул:

– Ой-ой! Как жалко, что не будет времени расспросить вас поподробнее! Так интересно! Как же вам повезло!

Виллем насмешливо кашлянул.

– И когда я сказал вашей госпоже, что сотворённое существо является не Дейермером, а лишь некоторой суммой представлений о нём, – продолжил Шаан, – она возразила, что есть ещё некие, м-м, отзвуки в потоке, если я верно запомнил. Нам рекомендовали уточнить у вас, что это такое.

– Я вас понял. Это лучше у Габора спросить, – Аскольд посмотрел на дверь, – он, вроде, даже проводил эксперименты на эту тему. Но вряд ли он сейчас будет готов разговаривать о науке... – чародей смущённо замолчал.

Инквизитор досадливо прикусил губу.

– Я вас просвещу, – пообещал южанин. Аскольд посмотрел на него удивлённо – и, пожалуй, с уважением, но ничего не сказал.

– Спасибо! – Шаан кивнул. – Айдан, может быть, вы ещё хотите что-нибудь спросить о Дейермере?

– О Дейермере? – Аскольд оживился. – В смысле, о настоящем? Что именно вы хотели бы знать?

– Э-э, он бывал здесь?

– Вы что, пишете хронику его путешествия? – коротышка явно задумывал это как шутку, а когда понял, что так и есть, задумчиво почесал нос и вымолвил: – Хотя у вас такая пёстрая компания, что вряд ли стоит этому удивляться.

– Так вы расскажете?

– Хм-м, дайте подумать, – чародей поднялся – и кошка, брякнувшись на пол, обиженно мяукнула. Коротышка извинился и снова протянул к ней руку – но милость уже была безвозвратно утрачена. Он вздохнул, посмотрел на Айдана и воскликнул: – Давайте я скажу так. В лабораторию Дейермер не заглядывал – и сами думайте, потому ли, что нас ещё тут не было, или потому, что он не захотел. Но мне правда хочется помочь. Могу себе представить, как вы натерпелись от невежественных людей по дороге. Хм-м...

– Ваша госпожа сказала нам про бесконечность, которая стягивается в точку, – брякнул Айдан. Вальтер фыркнул. Вышло и впрямь глупо – хотел похвастаться, а вышло так, что полуночник мог теперь сказать: ну, вот, уже всё знаете! Уши начали теплеть. – Вы понимаете, что это значит?

– О, интерпретациями этой фразы можно наполнить целую книгу! – Аскольд загадочно улыбнулся.

– Вы не можете просто уточнить у сполохов? – крикнул Виллем.

– К сожалению, мы пока не способны вести с ними полноценные дискуссии. Их язык – это нечто удивительное! Он потрясаяще богат. Пока я буду говорить одно слово, сполох простучит и прощёлкает множество смыслов и оттенков эмоций – человеческое ухо просто не в состоянии воспринимать так быстро! – глаза волшебника восхищённо округлились. – Когда мы попробовали выяснять, как они сами называют себя, то оказалось, что есть по крайней мере два десятка вариантов, различия между которыми очень важны для сполохов, но совершенно непонятны нам. С тех пор мы почти забросили эти попытки. Одна Калида пока не теряет надежды, но мне кажется, что она просто не хочет признавать поражение. Поэтому приходится

использовать для общения простые мыслеформы – и на этом языке у сполохов сложился про Дейермера совершенно однозначный образ.

– Бесконечности, которая стягивается в точку? – повторил инквизитор. Коротышка кивнул. – Я бы не стал, м-м, всерьёз рассчитывать, что мы поймём эту метафору. Возможно, это культурные аллюзии, которые непонятны нам, но очевидны для многоно...

– Ну, пожа-алуйста!

– Простите, для сполохов.

– Культурные... иллюзии? – озадаченно проговорил Вальтер. – Шаан, о чём вы?

– Простите, я имел в виду, что это может быть, м-м, образ из легенды, из сказки. Но очень жаль. Мы могли бы многое узнать от них о Дейермере.

– Хм, интересно, у много... сполохов вообще есть сказки? – рыцарь нахмурился.

– В некотором роде, – ответил чародей. – У них нет обычая развлекать баснями своих личинок, но порой взрослые рассказывают друг другу истории, правдивость и новизна которых совершенно не важна. Я думаю, что это может быть какой-то ритуал, но в чём его смысл, нам неизвестно. Вообще, конечно, мы так мало о них знаем! – с неожиданным воодушевлением заявил он. Айдан подивился тому, с каким теплом Аскольд говорил о многоножках – даже слово «личинки» склонял, как одушевлённое.

– О чём байки-то?

– Ой, они очень неохотно делятся ими с людьми, да и мы едва способны разобрать сюжет, но Калида говорит, что всё-таки одну смогла выведать: в ней злые люди похищают личинок, и несколько сполохов из одного выводка идут к пауку-людоеду, чтобы тот их съел и таким образом переправил на поверхность. Там они попадают в гнездо, населённое пустыми панцирями, и оказывается, что один из этих панцирей и был вором.

– Подождите, но вор ведь был человеком.

Волшебник виновато улыбнулся и пожал плечами.

– Странное дело, – буркнул Вальтер. – Ну, ладно, зеленокожие тоже порой всякую ерунду придумывают.

– Может быть, они верят, что первые люди были пустыми панцирями, в которые вселились злые духи? – предположил Виллем.

– Совсем же не похоже, – рыцарь помахал руками, словно демонстрируя, что их у него две, а не полдюжины.

– М-м, в сказках всё может быть, – проговорил Шаан.

– А, может быть, вы знаете что-то ещё?.. О Дейермере... – рискнул Айдан.

– Простите, увлёкся. Да так-то не знаю даже, что сказать. Они спустились на Обратную Сторону и скакнули куда-то.

– Скакнули? – переспросил Шаан.

– Вы ж не думаете, что они пешком пошли? Там так просто не ходят, никакая душа не выдержит прогулки. А у них была с собой какая-то штуковина для быстрого перемещения по Обратной Стороне.

– Очень интересно, – проговорил инквизитор. – И вы, конечно же, не знаете, куда они отправились?

Аскольд не знал, но Айдан вспомнил картины, которыми с ним поделился в Холорне дознаватель – Ираклион, погружающийся во тьму – и это, конечно же было, на другом конце континента от Туманного Рва – невероятно далеко – но если они могли просто перепрыгнуть туда, находясь на Обратной Стороне?.. Только зачем так хитро? Хронист не сомневался, что были более простые способы попасть даже в очень хорошо охраняемый город. Ради скрытности? Всё равно очень, очень сложно.

Дверь скрипнула, в трапезную ворвалась недовольная Калида. Коротышка поднялся было ей навстречу, но целый рой сердитых слов, переломанных звонкими «к», вновь бросил его на

лавку. Следом просочилась Кейтлин – её щёки были в пунцовых пятнах, а губы дрожали. Когда все бросились к ней с расспросами, девчонка раскрыла было рот, но не смогла вымолвить не слова. Ей помогли усесться, дали выпить воды – и тогда она всё-таки смогла через силу, почти беззвучно рассказать, что Этельфледа дышит, но в остальном выглядит почти покойницей.

Калида переспросила у коротышки, что сказала Кейтлин, и, когда тот объяснил, разразилась яростной тирадой – чародей взмолился, чтобы она умерила пыл, и передал странникам, что Этельфледа совершенно здорова, и то, что она без сознания, защищает её повреждённую душу от дальнейшего распада. Эти слова тоже никому не понравились. Годфруа был готов сразиться с тысячей многоножек – сполохов, умоляю, сполохов! – чтобы только увидеть госпожу и убедиться, что она жива, но Калида заявила, что на сегодня посещения закончены.

– Прошу, поверьте, – примирительным тоном промолвил коротышка, – что у нас она в полной безопасности.

Никто уже не стал спорить, но его обещания не вызывали доверия – и рядом не было других, независимых чародеев, чтобы их проверить.

Калида вскоре ушла, хлопнув дверью, а коротышка разглядывал странников, явно дожидаясь, когда его продолжат расспрашивать о многоножках, Дейермере и других увлекательных вещах – но всем сперва хотелось ещё послушать Кейтлин. Брат Ингольберт предложил было дать ей передышку, но девчонка тяжело посмотрела на него и вымолвила, что потом не будет легче.

– Я говорила с ней, – всё ещё борясь с каждым словом, выдавила она. – Рассказала, как у нас дела. Сначала мне казалось, что она... слышит. Потом – что... нет, – Кейтлин закрыла глаза и отвернулась, пережидая слёзы. – Простите. У Фледы было такое безмятежное лицо. Думаю, ей не было больно, когда они... когда Фродвин сделал с ней это. И эта женщина... как её, неважно... она была очень зла на меня, но... мне кажется, что они действительно заботятся о Фледе, – коротышка удовлетворённо улыбнулся, но ему хватило такта, чтобы не вернуть «А я ведь говорил вам». – Я не знаю, что ещё сказать, простите.

Годфруа разочарованно вздохнул.

– Когда мы разбудим Фледу, я... поколочу её! – Кейтлин улыбнулась, вытирая слёзы. – И спасибо вам. Фледа, конечно, никогда не признается в этом, но она будет рада, что вам не всё равно.

Вальтер промышал что-то невнятное. Годфруа воскликнул, что ему не просто не всё равно, а... – закончить фразу он не решился. Подвижник попросил дать Кейтлин прийти в себя, и в трапезной повисло молчание.

– Мне интересно, – промолвил наконец инквизитор, – есть ли, м-м, у сполохов души. Мнения имперских летописцев на этот счёт довольно противоречивы.

– О, есть, конечно же! – волшебник энергично закивал.

– Как они тогда выживают здесь?

– Я расскажу! – радостно воскликнул чародей. – Их души находятся в удивительном балансе с Обратной Стороной, поэтому среди них нет Пробуждённых и они прекрасно себя чувствуют там, где человек может сойти с ума за несколько дней.

– Почему они тогда не заселили всю Обратную Сторону? – спросил Вальтер.

– Так там нечего есть.

– И то верно. А что они едят в Туманном Рву?

– Грибы в основном, но не только. Ров не зря туманный! Этот самый туман спускается вниз, конденсируется в расщелинах и создаёт условия для роста нескольких видов грибов, которыми питаются всякие жуки со слизняками, в том числе довольно крупные – а сполохи едят и грибы, и слизняков, и ещё иногда выбирают в Гиблые Топи на охоту. Оленина им очень пришлась по душе, а вот рыбу они есть не могут – болеют от неё, иногда очень сильно.

– Мне начинает казаться, – с беззлобной усмешкой бросил Вальтер, – что многоножек вы предпочитаете людям.

– Нет-нет! – замахал руками Аскольд, забыв даже возмутиться по поводу «многоножек». – Они просто очень интересные. Хотя вот котиков я, пожалуй, и впрямь люблю больше, чем людей, – смущённо добавил он, подхватив бродившего под столом крупного полосатого котяру с мордой отпетого разбойника – тот мрачно мяукнул, куснул для приличия палец волшебника, но потом словно задумался и затих у него на коленях. – А знаете, – вдохновлённо распахнув глаза, проговорил Аскольд, – это ведь не простые котики! Думаете, зачем мы их тут держим?

– Мышей ловить, – предположил рыцарь.

– Не без этого, – кивнул чародей. – Но у них есть и поинтереснее задача. Когда сполохи выплываются, они ещё совсем маленькие, – он обрисовал пальцами тонкую полосу длиной в локоть, – это вместе с хвостом и усами. Бестолко-овые! – весело протянул он. – Бегают по полу, как обычные многоножки, дерутся и жрут без конца. Только после третьей линьки у них появляются настоящие руки, которые могут что-то хватать, а общаться они начинают и вовсе после пятой. Но зато поначалу они очень вёрткие, любопытные, вечно расползаются из инкубатора – не соберёшь. Так мы что придумали: научили котиков ловить этих проказников, и теперь, когда кот видит мелкого сполоха, – волшебник стал щекотать коту пузо, тот удивлённо посмотрел на его руку, мяукнул и снова прихватил мага за палец, – то ловит и тащит обратно в инкубатор!

– А сполохи не против, что всякие подозрительные звери хватают их мальков своими клычищами? – улыбнулся Вальтер.

– Что вы! Они очень хорошо относятся к котикам. Увы, сами кошки обычно избегают взрослых сполохов, – он укоризненно посмотрел на полосатого. Тот зевнул, поудобнее уселся на коленях у волшебника и стал принюхиваться к остаткам каши в ближайшей миске.

Дверь снова распахнулась и, раздражённо топоча, в трапезную ворвался Габор. Следом, пытаясь на ходу ему шепнуть что-то, семенила Калида. Коротышка поднялся им навстречу, и потревоженный кот запрыгнул на стол, тотчас же сунув морду в миску. Ему, впрочем, не дали отведать остатков людской трапезы: Габор шикнул и, должно быть, сопровождал звуки чарами, потому что кота скинуло на пол.

– Наш слуга уже почти тут, собирайтесь, – бросил долговязый.

– То есть мы свободны? – уточнила Кейтлин. – И брату Ингольберту никто не будет есть руку? – тот улыбнулся ей.

– Не будет, – Габор поморщился.

– Мы придумаем, как умиловать сполохов, – уверил коротышка.

– Я уже, – отрезал долговязый. – Сормим их личинкам ещё пару блажных, которые бормочут о своём Норе, – он скосился на странников, ожидая их реакции.

– Помилуй Владыка! – прошептал подвижник.

– Так это действительно вы? – Кейтлин нахмурилась. Коротышка вжал голову в плечи. – Как вообще можно было додуматься до такого? – Габор мстительно оскалился. Ему определённо понравилось, как гости восприняли эту новость.

– Прошу вас, – протянув к нему руки, проговорил подвижник, – Не надо из-за меня губить несчастных. Пусть лучше мне съедят руку.

– А поздно! – долговязый всплеснул руками в притворном бессилии. – Нам приказали сделать так, чтобы никому из вас не причинили вреда – мы не можем не подчиниться. Так что пакуйте свои моральные терзания – и на выход, да поскорее, если хотите догнать вора.

– Интересно, кто из вас так любит мучить людей: вы или многоножки, – девчонка недобро прищурилась. Коротышка одними губами проговорил: «Спо-ло-хи!»

– Думаю, для них есть, м-м, какой-то смысл в том, чтобы выводить потомство именно в телах людей, а не оленей, скажем, – промолвил Шаан. – Но какой?

– Вам и не надо этого знать, – уверил Габор. – Кстати, – окинув взглядом странников, добавил он, – я подумал, что с вашей подругой у очень много возни: мыть её, ворочать, подметать в комнате, а нам бы...

– Я! – вскакивая, воскликнул Годфруа. – Я останусь с ней! – отсветы магических кристаллов дрожали в его выпученных глазах. – Вот и славно, – Габор осклабился.

Айдан скрипнул зубами. Ему было ужасно обидно, что великан вызвался раньше него. Ревность рисовала в его голове картины того, как Годфруа попробует воспользоваться беспомощностью своей госпожи, и он со значением посмотрел на Габора, повторяя в голове: «Пожалуйста, не оставляйте его наедине с Этельфледой!» – и надеясь, что колдун услышит эти мысленные просьбы. Тот ухмыльнулся – но было ли это обещанием присмотреть за великаном или просто насмешкой? В любом случае, сказал себе хронист, вернуть Этельфлеме недостающую часть души было важнее, чем приглядеть за её телом. Кажется, Кейтлин пришла к тем же выводам – встретившись глазами с Айदानом, она чуть заметно кивнула ему.

Годфруа тепло простился с попутчиками, заклиная их во что бы то ни стало догнать Фродвина и вернуть его драгоценную ношу. Хронисту показалось, что великан уже начал жалеть о своём поспешном решении остаться при Этельфлеме вместо того, чтобы преследовать вора, но теперь не смел отказаться. От полноты чувств Годфруа полез обниматься со всеми, и Айдан потом с тревогой ощупывал свои рёбра, которые как будто бы хрустнули, когда их стиснули могущие ручищи. Кейтлин, в свою очередь, заставила великана три раза пообещать ей, что он будет слушаться чародеев и не сломает ничего из тонкого оборудования в комнате Этельфледы.

– Вы ещё расплачьтесь, – наконец каркнул Габор. – Всё, попрощались – и хватит. Ты, – он показал пальцем на Годфруа, – жди тут, я пришлю слугу, чтобы тебя проводили в твою комнату.

Великан энергично кивнул.

– А все остальные за мной, пожалуйста, – Аскольд помахал рукой.

Вокруг сомкнулись вновь нудные извилистые коридоры. На очередной лестнице пушистый кот играл с маленькой многоножкой – точнее сказать, по сравнению со взрослыми сполохами она была и впрямь крошечной, но по человеческим меркам это было сущее чудовище, увидишь такую поутру на подушке – мало не покажется. Сквозь её тонкий, полупрозрачный панцирь проглядывали тёмные линии, штрихи и загогулины, лапки в полпальца длиной перекачивались широкими волнами, а длинные, гибкие усики ходили из стороны в сторону, словно стараясь нащупать противника – мягкую лапу с убранными когтями, которая возникала то с одной, то с другой стороны, легонько трогая многоножку и сразу отдёргиваясь. На почтительном расстоянии за игрой наблюдали двое взрослых сполохов, и закрылки у них на спине весело шелестели – правда, заметив странников, они зашипели и потопали по своим делам. Личинку, кажется, тоже напугали новые, непривычные шаги – она заструилась прочь, но кот прыгнул, подхватил её зубами возле головы и потрусил вслед за взрослыми.

– Фу, – выдавила Кейтлин. – Маленькие такие гадкие.

– Главное им об этом не говорите, – улыбнулся коротышка.

Вскоре тоннель вывел их к балкону над уже знакомым Айдану залом, где тёплый, пахнущий хвоей ветерок играл с плетями дождя из красных мигающих огней. Коротышка вдруг остановился, присел, и, скорчив страшную рожу, стал делать другим знак, чтобы тоже опустились пониже – все поспешили так и сделать, один лишь Виллем растерянно смотрел на остальных, пока Вальтер не шикнул на него и не дёрнул за руку. Айдан осторожно, одним глазком заглянул за каменные перила. Внизу на чём-то вроде холма посередине залы стояли три сполоха, закрылки у которых переливались изумрудным, а все пары лап тянулись к кому-то, кто нерешительно постукивал ногами под балконом. Вокруг холма толпились и другие сполохи –

полтора десятка, не меньше – эти застыли, лишь выжидающе вертя головами. Наконец к холму вышли три сполоха – один, невысокий и заморенный, еле ковылял, и другие поддерживали его с двух сторон, одобрительно шипя и щёлкая жвалами. Они остановились, трое на холме заклекотали, толпа вокруг притопнула – и тогда средний, с явным усилием приподняв вялые, словно ещё не застывшие крылатки, что-то прошуршал ими. Стук множества закрылок ответил ему, отражаясь от стен. Аскольд сделал всем знак осторожно ползти к устью следующего тоннеля. Лишь когда очередной поворот отрезал звуки, он разрешил всем подняться и торжественным шёпотом объявил:

– Пятая линька! Теперь он сможет общаться с остальными!

– А, то есть только после пятой линьки у сполохов отрастают эти, м-м, придатки на спине.

– Да-да, голосовые придатки. Перед пятой линькой сполохи в некотором роде окукливаются, а потом выходят наружу с уже сформированным речевым аппаратом.

– Это... удивительно, – проговорил инквизитор.

– Очень интересно, – буркнула Кейтлин, – но, может быть, мы всё-таки хотим догнать Фродвина? – она решительно зашагала вперёд.

– Я и забыл, что сегодня будет разряд, – уже на ходу пробормотал Аскольд.

– Простите, м-м, что?

– Ой, это мы придумали называть выход сполоха из кокона разрядом. Ну, вроде, они сполохи, а это, ну... – он смущённо скомкал конец предложения. – Калида могла бы сегодня присутствовать при разряде. Так обидно, что её в итоге не пустили, – Аскольд вздохнул

– Почему не пустили?

– Понимаете, когда сполохи в коконе, они беззащитны, поэтому они окукливаются в особых секциях гнезда, куда почти никого не пускают. А разряд – это очень... интимный процесс, наблюдать за которым приглашают только уважаемых сполохов, которые в некотором роде становятся духовными родителями того, кто выходит из кокона. Калида очень давно добивалась этой чести, и, скажу вам, если уж кто-то из нас этого заслуживал, то она! И вот седмицу назад её наконец позвали. Вы бы видели, как она была счастлива! Готовилась, извела нас вопросами о том, что надеть и как стоять на церемонии, – он добродушно усмехнулся. – Представляете, впервые человек стал бы... почти духовным родственником сполоха! – в его глазах на мгновение сверкнул простодушный восторг. – Но, к сожалению, после вчерашнего они немного остыли к людям.

– Это очень грустно, – опуская голову, промолвил брат Ингольберт.

Какое-то время шли молча, но было видно, что у инквизитора внутри кипят вопросы, и наконец один из них вырвался наружу:

– А как вы отличаете сполохов-самцов от сполохов-самок?

– О, это очень легко. У самок более тяжёлое брюшко и голосовые придатки немного светятся зелёным. Но вы не знаете главного, – Аскольд хитро прищурился. – Каждый из них то самец, то самка, – дав странникам прочувствовать это откровение, он продолжил: – До пятой линьки у них вообще нет никакого пола, а после неё они всегда выходят самцами, но где-то через полтора года опять линяют и становятся самками – этот период длится года два с половиной, затем новая линька – и сполох опять оказывается самцом. Так может повторяться сколько угодно раз.

– Вот так дела, – схватившись за бороду, протянул Вальтер.

– Но вот мы и пришли.

Коридор вывел в небольшую камеру, где гроздь красных злых огоньков раскладывали сложный узор теней на тяжёлом бумажном занавесе, а лапы двух сполохов выстукивали суровый ритм, которому вторили удары древков алебард с костяными наконечниками. Завидев путников, часовые пошуршали между собой, потом обернулись к Аскольду – и с ним у них случился безмолвный, явно магический диалог, после которого одна из многоножек накрутила

себе вокруг башки что-то вроде бороды и кудрей из сушёного мха и, приоткрыв занавес, стала раздвигать расположенные за ним плотные серо-синие кущи, похожие на грязный, обросший лишайником колтун великана. Когда между этой странной субстанцией и стеной образовался проход, сполох стал вертеть головой и щёлкать жвалами – но едва ли кто-нибудь догадался бы, что это значит «Валите уже!» если бы Аскольд не пришёл на помощь.

– Ещё увидимся, – уверенно промолвил маг.

– Вы так думаете? – спросила Кейтлин.

– А кто, по-вашему, повезёт спящую царевну в Морауэнбах и будет там следить за приборами и отгонять любопытных? Калида ни за что не бросит сполохов, – он улыбнулся. – А Габора одного не отпустят.

– Ну, до встречи тогда, – кивнул Вальтер. – Только лошади-то наши где.

– Идите, сами всё увидите, – Аскольд махнул рукой.

Многоножка нетерпеливо заскрежетала, топнула сразу четырьмя лапами – и странники по одному, пугливо прижимаясь к стенке, перебрались на другую сторону, где внешнюю занавеску придерживал ещё один сполох. Этот был от макушки до хвоста замотан мхом и всё время поправлял задирающийся краешек своего странного покрова у основания одной из рук, заодно смахивая капли, которые блестели у него, как иной раз у человека на усах в осеннюю пору, но отчего-то не под челюстями, а вдоль боков.

У замшелого стража крылатки были придавлены одеянием, поэтому он мог лишь топтать и шипеть – да и в любом случае спрашивать у него дорогу не имело смысла. К счастью, дальше вёл единственный, уходящий вниз коридор, на полу которого солнце пролило немного тёплого, долгожданного света – и, хотя возле занавески было тепло и душно, через пару десятков шагов бродяг встретил лёгкий ласковый ветерок.

– Мне понравились, м-м, те двое, – задумчиво шаркая ногами, проговорил инквизитор. – Калида и Аскольд.

– Чем же? – спросил Виллем.

– Они любят то, чем занимаются. Они настоящие учёные. Наверное, м-м, безумные по своему, но достойные уважения.

– Такие безумные, что втрескались в своих многоножек, – фыркнула Кейтлин. – Предпочту держаться от них подальше.

– Мне кажется, что в Полуночном Порту нередко оказываются именно те, кто, м-м, плохо ладит с людьми.

– И то хорошо, что вам третий не приглянулся.

– Габор? Он явно воспринимает своё назначение здесь, как, м-м, ссылку. Поэтому он такой раздражительный.

– Смотрите, вон и наши коняшки! – воскликнул Вальтер.

Слуги, которые придерживали лошадей, напоминали парнишку из трапезной: такие же безразличные, с серой, не избалованной солнцем кожей. Когда у них перехватили поводья, прислужники молча потопали в гнездо, словно странники перестали для них существовать. Айдан ожидал услышать «Доброго пути» или даже «Благословите меня, святой брат» – в конце концов, сюда нечасто забредали монахи – но даже и тёплого взгляда не дождался.

– Мне кажется, или это ожившие покойники? – брезгливо проговорила Кейтлин. –

– Вам кажется! – донеслось весёлое. Странники обернулись, Шаан полез за арбалетом, но понял, что всё равно не успевает зарядить, и оставил его в покое. Чуть ниже по склону молодые ёлки собрались гурьбой, как мальчишки, которые решили спинами прикрыть приятеля – и теперь из-за них неспешно выехал рослый, лохматый всадник на грузном, толстоногом коне с короткой белой гривой. – Их тела совершенно здоровы, хотя, возможно, лёгкий загар не повредил бы. Души, впрочем, избавлены от некоторых, – он хитро прищурил глаз, – неудобных фрагментов.

– Джервас, – вырвалось у южанина. Он нерешительно сложил указательные и средние пальцы решёткой – всадник повторил его жест и подмигнул. Виллем замер, его взгляд недоверчиво метался, будто измеряя фигуру всадника, сравнивая с тем Джервасом, которого он помнил. Серые глаза перевёртыша задорно блестели над валиками век, и довольная улыбка уютно разлеглась в ложбинке, зажатой между мясистыми щеками и густой тёмной бородой. Его серый дорожный плащ был плотно запахнут, перехвачен широким поясом и застёгнут на плече серебряной фибулой в форме совиной головы, а прицепленная к седлу дорожная сумка напоминала небольшой сундук, защищённый сразу двумя хитрыми замками. За спиной у него блестела знакомая латунная трубка – оружие исчезнувшего ааренданнца.

– Что, простите, сделали с их душами? – широко распахнув глаза, проговорила Кейтлин.

– Их разделили, – объяснил Джервас. – Здешняя часть осталась, а ту, что была на Обратной Стороне... – он изобразил, как выбрасывает что-то бестолковое.

– То есть они были Пробуждёнными? – спросил Вальтер.

– И снова нет, – усмехнулся Джервас. – В каждом из нас есть немного Обратной Стороны, оттого мы и бесимся, когда Туманный Ров рядом. У Пробуждённых больше, конечно, поэтому их то и дело колотят приступы, даже и в таких местах, где обычному человеку никогда и не поплохеет. И если Пробуждённого разделить, остатков не хватит для нормальной жизни, а вот обычную душу, пожалуй, можно выправить. С потерями, конечно. Ценителей искусства из бедняг уже не получится. Вот ведь досада, не правда ли? – он пожал плечами. Джервас подъехал уже совсем близко, и Шаан подал назад, а Вальтер схватился за рукоять кинжала.

– Это... ты? – нерешительно проговорил Виллем.

– Да я, конечно, кто ж ещё-то! – воскликнул тот и, поравнявшись с южанином, стал пихать его кулаком в живот, приговаривая: – И что это за кислый тон такой? Где моё «Джервас, дружище, чтоб мне на своих кишках повеситься! Как я рад тебя видеть!» – Виллем пророкотал в ответ что-то невнятное, но лицо его осветила радость. – Ну, что, проедемся немного? – Джервас отпустил приятеля, который тотчас же постарался вернуть себе обычную утрюмость, но не вполне преуспел в этом: улыбка то и дело портила впечатление.

– То есть вы будете помогать нам с поимкой Фродвина? – Кейтлин скрестила руки на груди и недоверчиво приподняла бровь. Перевёртыш поклонился. – А ничего, что вы с ним заодно и что это вы подговорили его похитить Фледу?

– Протестую! – Джервас воздел палец. – Я действительно встречался с Фродвином в Оберхайде и напомнил ему, зачем здесь и он, и ваша подруга – а то после ваших приключений с чашниками у бедолаги в голове всё перепуталось. Но план не предполагал похищения части её души. Всё было честно: Этельфлеме – так ведь её зовут? – чистая совесть и возрождённый любовник, а Полуночному Порту – интересный эксперимент. Уж не знаю, кто надоумил Фродвина – может, сам Нор, – он театрально выпучил глаза, – но я точно ни при чём!

– Но вы ведь тоже Серый смотритель, – не сдавалась девчонка. – Я вообще не понимаю, почему лысые доверили вам погоню за вашим же сообщником, – она бросила негодующий взгляд в сторону тоннеля.

– Возможно, сейчас они задаются тем же вопросом, – Джервас подмигнул ей. Кейтлин поморщилась. – Да посудите сами, какой у них выбор? Эти трое – учёные, у них от одного взгляда на походный костёр несварение будет, а чтобы переправить сюда кого-нибудь из боевых, надо ждать окно, минимум активности Обратной Стороны – а это в лучшем случае через седмицу. Не забудьте ещё, что даже во время окна колдунов может развезти от близости Туманного Рва. А я был рядом, так что я их единственная надежда. Не многоножек же посылать, в самом деле!

– Сполохов! – с ухмылкой одёрнул его рыцарь. Джервас расхохотался.

– Можете не сомневаться, они подозревают и меня тоже, – отсмеявшись, продолжил пробуждённый, – и хотят посмотреть, как я буду себя вести. Впрочем, вам бояться нечего:

я, конечно, себе на уме, – он хитро подмигнул, – но с душой Этельфледы помогу. Так что, выдвигаемся?

– Вы хоть знаете, куда направился Фродвин? – спросила девчонка.

– Он воспользуется Искривлёнными путями.

– Откуда такая уверенность?

– Это самый короткий путь, куда бы он ни направлялся.

– Я правильно понимаю, что Искривлённые пути – это в некотором роде, м-м, магический портал? – спросил инквизитор. Джервас размашисто кивнул. – Но то, куда он ведёт, может зависеть от воли Нора?

– Ох уж эта воля Нора! – пробуждённый хохотнул. – Вот что делает с людьми один вечер в компании его почитателя! Не бойтесь: куда захотим – туда нас и доставят, если только знать один секрет.

– Которым вы с нами, конечно же, не поделитесь? – ухмыльнулся Вальтер.

– Тогда бы он перестал быть секретом, не так ли?

– Вы уже пользовались Искривлёнными Путями? – спросила Кейтлин.

– Ну, конечно! Мы, Серые Смотрители, давно развели эту тропинку. Знаете, сколько времени занимает путь от Морауэнбаха до Туманного Рва? Это же ужас. Месяц по буеракам – и только седмица на месте, а больше нельзя, потому что начинаешь плыть от воздействия Обратной Стороны. С Искривлёнными Путями хотя бы вернуться в Морауэнбах выходит быстрее.

– Подождите, – проговорил Шаан. – Всё-таки одно дело переместиться в Морауэнбах, а совсем другое – проследовать за, м-м, человеком, который мог отправиться в любую точку мира.

– Искривлённые пути обладают некоторого рода памятью, – объяснил Джервас, добавив, что это свойство случайно открыл один рассеянный Смотритель, который, входя на Искривлённые Пути, больше думал о недавнем споре с коллегой, в котором ему не хватило решающего аргумента, чем о собственном путешествии, и в результате последовал за оппонентом в Полуночный Порт вместо того, чтобы оказаться в Морауэнбахе. – Так что? Может быть, поедем наконец?

Кейтлин кивнула, но недоверия в её глазах не стало меньше.

Отряд, впрочем, недалеко ушёл: солнце уже цеплялось за вершины гор и длинные тени расплзались по долинам – пришлось заночевать на том же самом месте, что и в прошлый раз. Культист в маске, правда, не пожаловал, но вместо него компанию путникам составили воспоминания и гнетущие образы того, что ждало впереди. Шаан всё хотел расспросить Виллема про отзвуки в потоке, о которых говорила загадочная чародейка и которые якобы могли перенести от настоящего Дейермера к воссозданному что-то, чего нельзя было извлечь из памяти северян – но Виллем наконец завладел вниманием Джерваса, и старые друзья отсели подальше от остальных, чтобы наговориться – время от времени ветер приносил оттуда запах табака и звучных хохот пробуждённого. Порой Айдану казалось, что он различает и обрывки фраз, но треск пламени, скрип ёлок и унылое ворчание соседей по костру рвали в клочья фрагменты и так не слишком понятного языка Соединённых провинций. Впрочем, отсутствие Джерваса дало возможность остальным немного пошептать о нём. Кейтлин сразу заявила, что для пробуждённого он слишком жизнерадостный, и намекнула, что хорошо бы от него избавиться. Рыцарь утверждал, что Виллем расстроится, если с его приятелем приключится какая-то неприятность, – да и в целом Вальтера больше беспокоил пропавший ааренданец, который наверняка бродил где-то рядом и затевал недоброе. Брат Ингольберт призывал судить Джерваса по делам, а не по внешности – но почему-то в этот вечер Кейтлин была скептически настроена по отношению к его проповедям. Не сумев разузнать про эхо, инквизитор укрылся от любопытных взоров в щели между камнями, где что-то строчил в своей тетрадке и вынырнул из неё для того только, чтобы шёпотом предложить остальным взглянуть наконец на журнал убитого Гри-

мом Рандом книжника или на странную металлическую коробку. Все тоже притихли и настороженно посмотрели на спину Джерваса, с которым никто не хотел делиться находками. Кажется, что давние друзья совершенно увлечены беседой, поэтому решили рискнуть. Странники сдвинули спины, и на дрожащий, словно от нетерпения, свет костра выползла книжица в кожаном тиснёном переплёте, перехваченная двумя прочными на вид ремешками со сложными застёжками. Брат Ингольберт, которого деяния попутчиков Дейермера несколько не интересовали, вызвался караулить – на случай, если южане пресытятся беседой.

Шаан убрал свои записки и потребовал, чтобы книжицу передали ему – как эксперту по замкам, ни больше ни меньше. Вальтер несмело предложил просто разрезать ремешки и не мучиться, но инквизитор настаивал – и в итоге довольно просидел, теребя застёжки и тыкаясь в них металлическими штырьками с разной формы загострениями на конце – хронист впервые видел отмычки и очень удивился тому, что Шаан носил их с собой. Увы, у инквизитора ничего не вышло, под конец он был весь красный и почти сломал одну из отмычек, после чего вручил строптивую книжку Вальтеру и раздражённо стёр пот со лба. Рыцарь ухмыльнулся и, заявив, что добрая сталь его ещё ни разу не подводила, с силой провёл лезвием поперёк ремешков. Кажется, все в этот момент почувствовали, что всё пошло не так: сквозь запах дыма от костра пробился новый запах – кислый, жгучий – Вальтер ругнулся, скинул книжку с колен и стал трясти пальцем. Переплёт шевелился, словно внутри копошились демоны, чёрная бахрома проступила по краю – Шаан сунул внутрь пару отмычек, но зацепил лишь ключья пепла, лишь со второго раза выхватив несколько обожжённых страниц, которые он разложил прямо на земле, где чернота стала расползаться немного медленнее и в итоге остановилась, оставив на каждом листе по одному-два чистых окошка. Инквизитор болезненно посмотрел на Вальтера, но ничего не сказал – а тот в свою защиту продемонстрировал обожжённый палец и пробормотал:

– Я-то что, моё дело – мечом махать, откуда мне было знать, что там такая зараза? Проклятье, полейте мне кто-нибудь, – он кивнул на бурдюк с водой.

– Вальтер, вас ни в чём не обвиняют, – сказала Кейтлин и, взяв бурдюк, стала капать ему на палец.

– Да, вы правы, я должен был это предусмотреть, – ровным тоном проговорил инквизитор. Один из листов решил упорхнуть – Шаан поймал его и спешно каждый прижал небольшим камешком. – Проверьте, пожалуйста, может быть, там что-то ещё уцелело? – Айдан глянул, но под переплётом были только чёрные струпья. – Очень жаль, но будем работать с тем, что есть, – инквизитор нагнулся и стал изучать уцелевшие фрагменты, на которых порой висел только хвостик слова, но иногда можно было разобрать несколько строк совершенно непонятного текста – очень ровного, без пробелов, и с какой-то ещё особенностью, которую Айдан всё никак не мог ухватить, пока Шаан не воскликнул:

– Здесь всего пять букв используется! Как это может означать хоть что-то?

– Да не кричите! – шепнул Вальтер. – А то услышит.

Но было уже поздно. Брат Ингольберт, наверное, тоже увлёкся происходящим – он предостерегающе кашлянул, когда уже фигура Джерваса нависла над заговорщиками и раздалось:

– А у вас тут весело!

Руки Шаана успели метнуться к листам – собрать их, спрятать – но потом расслабились, он сделал вид, что просто поправляет один из них, чтобы он лежал сообразно с остальными.

– Книжка с сюрпризом? – продолжил Джервас.

– Да, – холодно бросил инквизитор.

– Сочувствую. Гномьи штучки – а, Виллем? – он толкнул плечом приятеля, который тоже подошёл к костру.

– Угу, – ответил тот. Виллем выглядел озадаченным, словно дружеский разговор пошёл не совсем так, как он рассчитывал.

– Они в таких книжках пересылают иногда своим торговым партнёрам ценные сведения. Стоит такая, правда, как полкорабля.

– Если хорошо исполнена, то да, – кивнул Виллем.

– Я бы на вашем месте сохранил замки и попробовал продать где-нибудь на юге. Не факт, конечно, но знающие люди могут неплохо заплатить.

– Чисто теоретически, – так, будто это слова ранили ему язык, проговорил Шаан, – вы могли бы открыть подобный замок?

– Ой, нет! – пробуждённый отмахнулся. – Он ведь на что угодно может быть настроен: особые слова, поглаживание ремешка – порой даже открыть такую книгу может только её владелец.

– Жаль, – с облегчением ответил инквизитор. – А может быть, – со вздохом вытолкнул он, – вы понимаете, что здесь написано?

– Дайте посмотреть, – Джервас присел рядом с ним и нацелился пальцем в один фрагмент, затем в другой, затем присвистнул и, выпрямляясь, молвил: – Не, галиматья какая-то. Завидую вам, интересная будет задачка расшифровать это. Виллем, ты когда-нибудь видел такое?

– Шифр на пяти буквах... – проговорил тот и помотал головой.

– Удачи! – пробуждённый ободряюще качнул вихром. – Кстати, Виллем немного рассказал мне о том, как вы боролись с рыцарями Чаши – о портале, тенях и остальном. Я впечатлён. Это большая удача – увидеть столько всего любопытного, но при этом не погибнуть и не потерять рассудок. Надеюсь, и мне перепадёт немного от вашей неуязвимости, – он рассмеялся.

– Неуязвимости? – Кейтлин прищурилась. – Скажите это Фледе.

– А ей повезло, что у неё такие верные друзья. Не бойтесь, мы поможем ей, – примитивным тоном промолвил Джервас. Девчонка отвернулась. Посмотрев на Айдана, пробуждённый добавил: – Я бы хотел как-нибудь поговорить с тобой о видениях.

Тот кивнул.

Шаан осторожно собрал листы, переложив ими страницы собственных записей. Никто не стал возражать против того, что он присваивает себе находку, но Айдан был уверен, что вопрос дележа добычи ещё возникнет. Сам хронист больше надежд возлагал на содержимое коробки – которую, возможно, отправил сам Дейермер, – чем на мутные откровения покойника. Против воли Айдан прошёл по следам загадочного отряда немного дальше, чем предполагал, но всё равно недостаточно, чтобы выведать, чем кончилось путешествие или хотя бы какой конец ждал Ульриха фон Ланцига – может быть, хоть это послание, вернувшееся из темноты, могло помочь заполнить зияющие лакуны в будущей хронике. Так жаль, что нельзя было расспросить многоножек! Айдан вздохнул и подумал, что, может быть, – не сейчас, но через десять, двадцать лет, зарождающаяся дружба между людьми и сполохами достигнет того уровня, чтобы помятый жизнью, с изрядным уже брюшком хронист по имени Айдан смог вновь спуститься в чёрные залы и запросто поговорить с их обитателями. Так странно: столько веков многоножек считали кровожадным чудовищами, а на деле они вполне нормальные – болтают в коридорах, как сплетники-монахи, закутываются в мох, чтобы выйти из гнезда, и даже любят котиков. Если бы только они могли разговаривать по-человечески – может, и триста лет назад войны бы не было? Хронист представил города, в которых белые купола ротонд соседствовали с чёрными куполами гнёзд сполохов – но уродливым, лишним штрихом в этой прекрасной картинке вылезал маг Хоран, который якобы избавил человечество от многоногой угрозы – или просто не дал двум расам даже попробовать понять друг друга?

Приводя в порядок свои мысли, Айдан перестал следить за происходящим вокруг и лишь чудом очнулся в тот момент, когда южанин снизошёл наконец к просьбам Шаана рассказать про эхо в потоке. Джервас присоединился к ним – обещал, что просто посидит и послушает, но то и дело влезал с комментариями. Айдан плутал среди научной терминологии, но кое-что

всё же понял. Ему уже доводилось слышать, что души – это стоячие волны в потоках силы, что некоторые из них способны влиять на этот самый поток, и, тем самым, колдовать. Но по одной из теорий, которая зародилась в Элринте – оплоте безбожия и науки на юге Соединённых Провинций, – даже самые обычные души воздействовали на силу вокруг, потому что мелкие неоднородности потока разбивались о них, порождая некую рябь, которая несла на себе отпечаток породившей её души. Рябь от разных людей сложным образом взаимодействовала между собой, но едва ли рассеивалась до конца, и поэтому в потоке продолжали существовать следы даже самого ничтожного из смертных – хотя, конечно же, такой исключительный чародей, как Дейермер, наверняка оставил очень ясный, неповторимый след, и в теории с ним даже можно было поговорить через эти отзвуки. Айдана, конечно же, очень вдохновила эта возможность – но Джервас воскликнул, что это всё ещё вилами на воде писано, теория не проработана до конца, а эксперименты неубедительны – впрочем, добавил Виллем, никто не мешает предположить, что некоторые отзвуки настоящего Дейермера действительно повлияли на того, кто был сотворён сказкой.

– Что ж, – усмехнулся Джервас, – почему бы и в самом деле не потешить наши учёные умы такими вкусными предположениями? Айдан, – воскликнул он, – речи Виллема раздражали моё любопытство. Расскажи мне теперь подробнее про свои видения! Хочу всё знать!

Хронист с большим удовольствием повторил свой рассказ. Пробуждённый отреагировал примерно так же, как и Аскольд. «Вам очень повезло! Хотел бы я быть с вами тогда!» – заявил он. Очевидно, подумал хронист, для настоящих исследователей отступничество и риск для жизни где-то на уровне пропущенного завтрака – ничтожные неприятности.

Виллем с Джервасом опять ударились в воспоминания, Шаан пошёл спать, а возле костра кроме Айдана остался только Вальтер. Хронисту совершенно не хотелось спать, и он продолжил сидеть, глядя на звёзды и вдыхая ароматный дым, пока наконец лёгкие, но настойчивые пинки не вытащили его из раздумий.

– Очнулся наконец, – шепнул рыцарь. – Слышь, Гробобой, – он хитро прищурился, – хочу с тобой поделиться кое-чем.

– Что такое?

– Да вот, – Вальтер довольно оскалился, – братец-то наш оказался... сестрицей, – и он, должно быть, очень был доволен шуткой, но Айдан выпучил глаза, и, недовольно махнув рукой, рыцарь объяснил: – Короче, я, кажется, понял, кем он был, пока не напаялил рясю.

– Да? И... как вы догадались?

– Так из-за ружья. Как ты, думаю, понял, в Гевинтере немного умельцев стрелять из ружей, поэтому выбор невелик. Думаю, всё вот как было. До того, как огнестрельное оружие запретили, ребята из Соединённых Провинций успели привезти королю небольшую партию, чтоб познакомиться, но знакомство прошло скверно: маги с клириками в один голос объявили огнестрельное оружие творением Падшего. Из того, что преподнесли Его Величеству, часть поломали, часть переплавили, одно Королевская гильдия забрала для изучения, а ещё одно потеряли.

– Потеряли?

– Ну, не совсем. Один ловкач из придворных забрал себе, но у него вскоре обчистили дом, и ружьишко тоже увели – и так оно меняло владельцев, пока не очутилось в одной отбитой компании наёмников, которая звалась Псы Манфреда – в честь их вожака, понятно. И это, Гробобой были не такие наёмники, которые носят у сердца платок, подаренный прекрасной дамой, и защищают невинных, – Айдан хихикнул: о таких ему слышать не приходилось, – а самые настоящие разбойники, которые сегодня бьются с горцами на Перевале клинков за вайтернахтское золотишко, а завтра поджигают деревню, в которой им не дали попользоваться девицами. Так вот, по поводу ружья. Поскольку Манфред был злобный рубака и предпочитал ходить в рукопашную, оно досталось типу по имени Арнульф Длинный, который даже в этой

банде слыл злодеем – говорили, что его в детстве поцеловал сам Падший, и он отыгрывал своё: распускал кулаки, богохульствовал, а с крестьянками и вовсе не церемонился – но зато палить из своей аркебузы или как там её наловчился очень здорово.

– И вы хотите сказать, что брат Ингольберт был Арнульфом Длинным?.. – сдавленным голосом промолвил Айдан. Звучало дико – но ведь было и то мгновение в подземелье, когда подвижник будто снова стал тем самым человеком, привыкшим и умеющим убивать...

– Да я сам не меньше твоего удивился – но ты ведь помнишь его ответ на мой вопрос о том, как ему удалось так метко засадить многоножке. Он мог бы сказать – сам Владыка пулю направил, и я бы поверил! Но он ведь сам проговорился, мол, как обычное ружьё – выходит, он и раньше палил из ружей.

– По-вашему, брат Ингольберт прикидывается добреньким, но на самом деле?..

– Да нет, – Вальтер покачал головой, – чтобы так прикидываться, нужно, чтобы тебя действительно укусил Падший. Думаю, он в самом деле изменился.

– Но как?

– Ты меня дослушай, а потом спрашивай. Так, – Вальтер нахмурился, отыскивая конец потерявшейся истории. – Сам понимаешь, век таких компаний обычно недолог. За пару лет они всем надоели вусмерть, и без стеснения таскающий ружьё Арнульф тоже намозолил глаза королевским чиновникам – в общем, их решили прижать. Псы Манфреда по-хорошему сдаваться не планировали – вломились в монастырь близ Иммартена, взяли в заложники аббата и решили прорываться через горы на запад. Их окружили в какой-то деревне, но банда укрепилась в амбаре и передала, мол, если не дадите выехать из Гевинтера, святоше не жить. Монах был уважаемый, чуть ли не чудотворец, но главный из поимщиков решил, что клириков ещё нарожают, а с компанией Манфреда пора уже кончать – и он велел поджечь амбар. Мне говорили, что, когда стали разбирать обгоревшие тела, одного недосчитались – и, судя по всему, Арнульфа. Тогда поговаривали, что перед лицом смерти он покался, и аббат вытащил его с помощью святой магии – никто, конечно, не верит всерьёз в святую магию, но после всего, что мы видели, поневоле задумываешься.

– Но брат Ингольберт ведь и не особо длинный, – буркнул Айдан.

– Ой, да ты как будто не знаешь, как наёмникам дают клички! Наверняка он просто в длинном плаще ходил или любит толкать речи – вот и стал Длинным, – Вальтер поворошил угли в костре и требовательно спросил: – Ну, что, скажи, хорошо я додумался?

Хронисту пришлось признать, что неплохо. Сам он сперва расстроился из-за того, что брату Ингольберту приписали такое мрачное прошлое, но потом подумал, что, если Владыка простил известного своими бесчинствами наёмника и даже дал ему творить чудеса именем Своим – то, может быть, у Него найдётся немного милости и для одного запутавшегося монашка?

Звёзды в небе ухмылялись, а Дорога Титанов сияла так ярко, словно на неё и впрямь можно было запрыгнуть с вершины одной из гор и, пройдя до конца пути, постучаться в золотые ворота Светлого Ормэна. Прикрыв глаза, хронист увяз в неглубокой, беспокойной дреме, в которой они с Белым Волком и впрямь бежали по бирюзовым и сиреневым разводам Дороги Титанов, но вместо рая в её конце неизменно ждала ступенчатая пирамида из чёрного камня.

Утром всех растолкала Кейтлин, которая проснулась незадолго до рассвета и не находила себе места, представляя, как далеко убежит Фродвин, пока его поимщики прохладятся. Наскоро поев, странники запрягли лошадей – и стоило последнему из них взобраться в седло, как из деревьев выступила знакомая уже нелепая фигура с прямоугольной башкой. Сейчас культист был уже совсем не страшен и абсолютно нелеп в своих мохнатых штанах и с

выкрашенной неровными мазками, кое-где облупившейся деревяшкой вместо лица. Подойдя поближе, он пробубнил:

– Вас стало меньше.

Айдан едва удержался от смеха. Закусил палец, а живот-то всё равно так и плясал. Как вообще можно было бояться этого несуразного человечка?

– Вы ошиблись, – проговорил Джервас, который как раз поднялся от ручья с усыпанным блестящими каплями бурдюком. – Нас столько же, я буду вместо Бартеля.

– В самом деле, – отозвался культист. – Простите, я не почувствовал вашего присутствия.

– Да меня вообще не разглядишь! – раскинув руки, расхохотался пробуждённый. – Вы же знаете: сегодня я такой, а завтра переменюсь до неузнаваемости – поэтому, должно быть, Нор не замечает меня.

Культист растерянно помотал башкой.

– Проведёте нас через перевал? – продолжил Джервас. – Буду очень признателен, я никак не запомню хорошенько эти козы тропки.

– Да, – промолвил культист, а потом добавил: – Тот, другой, он где-то рядом.

– Бартель? – встрепенулась Кейтлин. – Далеко?

– Не знаю. Но он последует за вами.

– Он ведь волшебник, – Джервас прищурился. – Мы пытались провести волшебника через Искривлённые Пути, последствия были весьма плачевны.

– Он знает это, – глухо промолвил культист. – И всё же он попытается. Он знает, что его жизнь отмерена и его Нор – это путь распада.

– Фу, жутко, – Кейтлин поёжилась. – Давайте уже поедем.

Под копытами захрустели, раскалываясь, белые камни. Культист лез в гору так резво, что всадники едва за ним поспевали, а следом из-за дальних гор, слепя отвыкшие глаза, поднималось солнце. Рассвет казался нарисованным нежными красками на дымчатом холсте – хотелось впитать его, запечатлеть на внутренней стороне век, чтобы посматривать, когда вернётся обычная гевинтерская хмарь.

Пока осторожно, придерживая лошадей за поводья, спускались вниз по склону, Айдану начало казаться, что Искривлённые Пути уже пройдены, так всё переменилось вокруг: ветер трепал серёжки на чахлах берёзках, из опушённых жёлтым кустов доносилось старательное посвистывание – да и сам воздух был сладким, словно в нём, как отзвуки душ в потоке силы, ожил аромат летних цветов. Вальтер начал цокать что-то развязное, и даже у Кейтлин на щеках наметились ямочки. Но мало-помалу дорожка спустилась в глубокую расщелину, свет померк, под копытами захлюпала грязь, упавшее дерево пригрозило изломанными когтями, чей-то череп ухмыльнулся из-под бревна, мухи взвились над сумрачной лужей, окаймлённой засохшими лезвиями ирисов. Путники помрачнели: уже не песни, а кашель и сдавленные ругательства рвались из глоток, замёрзшие пальцы спрятались в рукавах. Подвижник начал без слов мурчать мотив неведомого Айдану гимна – и, хотя хронист не мог не думать об Арнульфe Длинном, песня снимала напряжение, он подъехал поближе, чтобы светлое волшебство действовало верней.

Когда стены ущелья раздвинулись, путники снова вздохнули с облегчением. Культист простился с ними, объявив, что дальше тропа выйдет на ровное место, и там ему не угнаться за конными. Джервас милостиво отпустил его и сообщил, что после перевала и сам окажется надёжным проводником.

– Ну, ты это, бывай, – неловко уронил рыцарь. Айдан подумал, что неплохо бы тоже сказать что-нибудь, но слова нерешительно толкались в горле.

– Да смилуется Владыка над твоей душой! – возвестил подвижник. Маска слегка кивнула в ответ.

Оглянувшись напоследок, Айдан подумал, что всё-таки Нор был очень скверным богом, и хорошо было бы прислать в эти места по-настоящему искусных проповедников – только вот, с досадой заключил хронист, кому это надо? И полуночники наверняка не пустят священников в соседние ущелья – одна надежда, что этот прозреет сам по себе. Он всё стоял зловещим идиолом, словно вырезанным из темноты за кромкой солнечного света. Айдан вздохнул. Слово Владыкино поразительно мало значило в этом мире.

Теперь отряд пробирался краем болота, кривые сосенки зорко следили за ними с ржавых островков, между которыми плескались утки, то и дело переворачиваясь кверху хвостом. К дальнему берегу убегала тропка из тонкооперенных кочек – но, к счастью, Джервас не повёл всех в ту сторону.

Вдали наметилась очередная белая стена, потом её нарушил изъян, превратившийся вскоре в разрыв, ущелье, заслонённое высокой слоистой скалою, напоминавшей не то полосатую башню с дымовой трубой, не то великана с вытянутой кверху ручищей. На осыпи у её подножья странники остановились.

– Вот за этим камнем, – объявил Джервас, – начинаются Искривлённые пути. Я, конечно, уверен, что одной моей воли хватит, чтобы мы попали, куда надо, но можете тоже подумать о Фродвине.

Кейтлин фыркнула.

Перед путниками распахнула объятия слегка изогнутая вправо белокаменная долина. Исчерченные зелёными полосами гребни вздымались коронами, бастионами, пирамидами, по осыпям внизу карабкались расцвеченные жёлтым пушины, в ровные полотна скал вгрызались червоточины пещер. Навстречу тёк, подолгу задерживаясь в лужах и кое-как переваливая через утопленные в размокшей тверди булыжники, мутно-серый ручеёк. У самых ворот долины металось несколько мух, а дальше было тихо, и даже ветер весьма неохотно забредал на Искривлённые пути. Странники подозрительно скользили взглядами по режущим кромкам камней наверху, вперялись в черноту провалов, страшась и будто надеясь встретиться там с чьими-нибудь кровавыми буркалами. Когда болото и великан пропали за поворотом, впереди появились первые лоскуты тумана: сперва она ползла по верхним террасам, лежали на перевалы, и можно было сколько угодно строить иллюзии о том, что всё обойдётся, но кончилось именно тем, чем и должно было: сотканным из солнечных лучей частоколом и молочным морем впереди. Хоть бы там не Белое Безмолвие... Живот закрутило, воображаемые демоны наострили клыки да когти.

– Приехали, – констатировал Виллем.

– Что приехали-то? – огрызнулся рыцарь, вынул из сумки толстый моток верёвки, потряс им и объявил: – Спешивайтесь и давайте свяжемся.

– Вы серьёзно? – холодно промолвила Кейтлин.

Оказалось, да. Впрочем, даже девчонка в итоге признала, что это не такая уж и плохая идея. Туман обнял Айдана своими холодными и влажными крыльями, стены долины сделались тенями, топавший впереди Виллем тоже похож был на мрачное привидение, а зад его лошади – на безголовое чудовище. Откуда-то издалека доносились неразборчивые голоса, однажды Айдану показалось даже, что он снова, как и в самую первую ночь после Торнау, различает далёкое пение – то монотонное, то взвывающееся резкими стонами. Подняв голову, хронист увидел что-то большое и тёмное, нависшее над ними, отчего-то ему показалось, что это Нор злорадно взирает на тех, кого вознамерился погубить, и очень быстро из шальной фантазии это стало почти неоспоримым фактом, хотелось уже скакать прочь с криками «Нор! Это Нор!» – к счастью, туман начал рассеиваться, впереди забрезжило что-то синее – и вот уже странники выбрались на свободу. Каменистое русло сбегало вниз между изжёлта-серых скал, и тонкие струйки скакали по его дну между камешков. У берегов ручья, как любопытные селяне, собрались кусты с гибкими, шипастыми ветвями, на сухощавых коленцах которых распускались

пучки листьев – мелких, сиреневых, словно не осознавших ещё, что листьям положено быть зелёными. Порой эти тоненькие сиреневые ростки просто рассеянно махали путникам, а порой протягивали им плотную шишечку – зародыш будущих цветков. За краем обрыва мелкая рябь бежала по тёмному зеркалу озера, а дальше, клацающая отражёнными зубами, от самого серого берега до объятых голубой дымкой холмов на горизонте тянулся хмурый ельник.

– Вальтер, где мы?

– Да чтоб я знал. Давайте спускаться, что ли.

На счастье, обрыв только издали казался крутым, и странники смогли спуститься к озеру. У подножья на большом, напоминавшем собачью морду камне уселась синица и хитро поглядывала на них, присвистывая и чистя клюв о лапки. Добравшись до озера, путники посмотрели друг на друга, потом на блики, резвившиеся на воде, и потом как-то само собою оказалось, что все отпустили лошадей щипать раннюю траву и расселись на берегу, лениво следя за бегом волн. Смех передавался вместе с последними крохами сыра, и казалось, что всех ждёт сытный ужин и мягкие кровати в замке какого-нибудь щедрого и справедливого властелина. Вода в озере была холодной, но всё же не такой студёной, как в ручьях над Ведером, и странники наконец как следует умылись, а подвижник даже снял сандалии и зашёл по щиколотку в воду. Кейтлин ворчала, что вся чешется, и жалела, что нельзя встать на днёвку – но, увы, Фродвин никого ждать не собирался.

К Айдану, впрочем, быстро вернулась тревога. Может, Вальтер и выживет, месяц плутая по дикоземью, где ужин можно только подстрелить, где за каждым кустом может скрываться волк или алчный разбойник, а вот на свой счёт монашек не питал иллюзий. Чем скорей сомкнутся за спиной надежные городские ворота, тем лучше, думалось ему. Чтобы хоть чем-то отогнать тревогу, он спросил:

– Как думаете, мы в Гевинтере?

– Тут такой удобный перевал... – пробормотал Вальтер. – Будь мы в Гевинтере, на нём наверняка стояла бы сторожевая вышка.

– Это может быть Осевоу Хребет? – задумчиво проговорил Виллем.

– Если это он, то, судя по тому, что горы на востоке, мы на западе от него, – рыцарь нахмурился, и Айдан отлично понимал его: по ту сторону Осевого Хребта простиралась Империя, где все они были бы подозрительными чужаками. – А вы когда-нибудь бывали в Империи? – спросил он у Виллема.

– Нет, и не хотел бы. А вы, Кейтлин, – южанин вдруг приподнялся на локте и внимательно посмотрел на девчонку, – вы что-нибудь чувствуете? Ну, в смысле, она?..

Та поморщилась, но соизволила пробурчать, что и в самом деле чувствует что-то, как будто она узнаёт эти места и рада сюда возвратиться.

– Дурной знак, – уронил Виллем.

– Не каркайте! – одёрнул Вальтер.

– Поедем дальше, – поднимаясь, глухо уронил Шаан.

Рыцарь ворчал, что чернокнижника теперь не сыскать, но, как ни удивительно, его следы обнаружили тотчас же, стоило лишь про них подумать: единственные, наверное, отпечатки лошадиных копыт во всём этом диком краю, да ещё разбитая склянка, должно быть, выпавшая из поклажи. Вокруг осколков трава почернела и скукожилась – похоже, внутри была какая-то алхимическая гадость.

Дорога теперь стала ровной, к тому же Искривлённые Пути остались позади – все успокоились немного, а Джервас пристроился поближе к Айдану и стал расспрашивать про видения. Хронист пересказал ему всё, что помнил, и спросил пробуждённого, что он думает о новом Дейермере. Джервас какое-то время ехал молча, а затем вымолвил:

– Я так понимаю, твой вопрос в том, мог ли этот Дейермер каким-то образом продолжить существование?

Айдан кивнул. Он заметил, что Шаан и Виллем, которые и раньше следили за их беседой, теперь как бы невзначай подъехали ещё ближе.

– Тогда тебе следует задуматься о том, где именно он может быть.

– Ну... на Обратной Стороне?

Виллем кашлянул.

– Едва ли это возможно, – возразил Джервас. – Души не могут существовать на Обратной Стороне, там нет силовых потоков, – Айдан растерянно молчал, и пробуждённый задумчиво промолвил: – Поскольку противопоток, пронизывавший и этот мир, и Обратную Сторону исчез, Дейермер может существовать только здесь, и для этого у него должен быть некоторый носитель.

– Вы имеете в виду, – понизив голос, чтобы девчонка не услышала, сказал Айдан, – вроде того, как Кейтлин и Альмасир являются носителями... – он запнулся. Непонятно было, можно ли вообще рассказывать ему о золотом и белом. Конечно, Виллем мог всё рассказать ему – но вдруг нет? Вдруг скрыл хоть эту, чужую тайну?

– В их случае всё немного сложнее, – ответил Джервас, – но ты можешь представлять это именно так.

– Тогда, наверное, его носителями могут быть лишь те, кто был в видении, да?... – растерянно проговорил Айдан. – То есть я, ещё дознаватель, Байшал и... – он не смог заставить себя назвать имя Этельфледы. Она заслужила того, чтобы не стать частью хотя бы этой истории. Хотя вдруг именно этот, содержащий Дейермера фрагмент Фродвин вытащил из её души? – Но как проверить, что его нет во мне? – Айдан похолодел. Он представил, как дым вырывается из его собственных глаз и звонкий нестройный лязг срывается с языка.

– Будь в тебе Дейермер, полуночные бы вас не отпустили так просто, – Джервас ободряюще улыбнулся. – Им же страсть как хочется поболтать с ним.

– Дознаватель, допустим, и сам почувствует, что в нём кто-то поселился, но как быть с Байшалом?

– Кто такой Байшал? – спросил Джервас.

Айдан коротко рассказал ему, как молодой пробуждённый орк пытался выручить своего наставника и проник за ним даже в видение.

– В итоге он сказал, что поедет проповедовать, но я надеюсь, что брат Багульф отговорил его, – закончил хронист.

– Этот бы, пожалуй, напроповедовал, – фыркнул Вальтер, который тоже подъехал, услышав знакомое имя. – Как будто мало нам святого Дейермера.

– Простите, святого? – Джервас внимательно посмотрел на рыцаря. Тот рассказал о странном поверии, которое вспыхнуло в Оберхайде после победы над чашниками, а хронист добавил, что лично слышал от горожан историю о том, как Дейермер якобы зарубил Чёрного Орка лунным серпом, хотя на самом деле он это сделал с Байшалом в видении. Говоря это, Айдан уже чувствовал, как под ним разверзается пропасть, и хитрый блеск в глазах пробуждённого только укрепил его подозрения.

– Получается... – проговорил хронист, – все эти люди стали носителями Дейермера?

Вальтер выругался. Виллем закашлялся и чуть не выронил трубку.

– Я бы не делал поспешных выводов, – промолвил Джервас, – но это весьма любопытное совпадение, не так ли?

– Чтоб их, – выплюнул Вальтер. – Почему мы раньше не догадались? Почему Ормонт ничего не сказал? Может, мне всё-таки вернуться? – он посмотрел на север.

– Вы даже не знаете, где мы, – вздохнула Кейтлин.

– Может быть, Ормонт об этом и хотел предупредить нас, – проговорил Айдан. – Только Фродвин не дал ему. Слушайте, – вдруг осенило его, – может быть, это Дейермер заставил

Фродвина убить Ормонта и увести Этельфледу? Хотя нет, – он с досадой оборвал себя. – Тогда ведь полуночники не дали бы ему сбежать.

– Очень интересно... – пробормотал Шаан.

– Теперь мне ещё больше захотелось посмотреть, что сейчас творится в Северной Марке, – горько заметил Вальтер. – Этот Дейермер может оказаться ещё похлеще чашников!

– Не падайте духом! – воскликнул Джервас. – Я, конечно, невысокого мнения о Королевской гильдии магов, но, думаю, они разберутся с этим.

– И брат Багульф не уедет, пока не разделается с этим святым Дейермером, – уверил Айдан.

Вальтер кивнул, но вид у него был кислый. Да, впрочем, и у самого хрониста на душе было беспокойно.

Заночевали на последних отрогах повернувшего на восток хребта. Джервас приметил укромную пещеру, и все набились в неё, высматривая, не мигнёт ли огонёк под чёрным пологом недалекого леса – костёр скорохода-Фродвина. Увы, чаща надёжно укрыла беглеца.

– Давайте вскроем коробку, которую мы захватили в архиве Торнау, – предложил Виллем Шаан кашлянул и со значением покосился на пробуждённого.

– Так мы никогда не узнаем, что внутри, – покачал головой южанин. – Знаю, раньше вы не хотели открывать, потому что с нами был Бартель. Теперь его нет, а за Джерваса я готов поручиться.

Путники настороженно молчали.

– Я могу отойти, – предложил пробуждённый. Его глаза смеялись.

– Слушайте, я не против, – подал голос Вальтер. – Хорошо бы там оказались деньги или ещё что-нибудь ценное, а то пока наши похождения не делают меня богаче.

– Хорошо, давайте откроем, – вздохнул инквизитор.

Вальтер кивнул и, достав ларец, положил его на землю перед остальными. Все уставились на эту штуковину – коробка не коробка, сплюснутый гладкий цилиндр без единого шва с закруглёнными стыками граней, на безупречной поверхности которого застарелой раной зияла выемка о шести лепестках, три покороче, а три подлиннее. Приглядевшись, Айдан заметил, что возле неё и ещё в паре мест по краям белели тонкие царапины, словно кто-то пытался вскрыть загадочную шкатулку, а с торца и вовсе обнаружилась небольшая вмятина.

– Это вы пытались её открыть? – пророкотал Виллем и выдул изрядное дымное чудовище.

– Такие дела не по моей части, – хмыкнул Вальтер. – А вот наши приятели чашники, кажется, пытались разломать её молотком.

– Шаан, ваш выход, – улыбнулась Кейтлин.

– Это ведь не обычный замок, – тот покачал головой. – Я начинаю думать, что, м-м, лучше бы мы попробовали открыть её, пока с нами был Бартель.

– Думаете, это альвестское устройство? – спросил Виллем. Инквизитор кивнул. – Джервас, у тебя есть идеи?

Тот не ответил, но шкатулку рассматривал с большим интересом.

– Так, а что это у нас тут? – промолвил рыцарь. Он подхватил чудо-ларец, поднёс к глазам и воскликнул: – Какая-то надпись. Айдан, ты у нас грамотный, посмотри, – под шестичастной выемкой в самом деле обнаружилась четвёрка символов, которые, впрочем, не очень-то были похожи на буквы – уж больно сложные они, целую фразу, казалось, можно было составить, расправив вот этот, похожий на дерево, на ветвях которого повесилось трое человечков, или другой, где словно великан атаковал башню. Крайняя справа, пожалуй, была проще всего: вертикальная палочка, пересечённая тремя разновеликими горизонтальными: средняя подлиннее, нижняя покороче. Айдан понятия не имел, что это такое.

– Руны? – предположил Виллем. – Проклятье для взломщиков?

– Хе, а если подумать: чашники попытались её взломать – и где они теперь? – заметил Вальтер, но, впрочем, в глазах у него блеснули весёлые искорки.

– А что это вообще такое? – поинтересовался Джервас.

Путники смущённо затихли. Наконец инквизитор промолвил:

– Возможно, это, м-м, послание, которое Дейермер отправил из окрестностей Туманного Рва с одним культистом. Оно попало к Рыцарям Чаши, но те, по всей видимости, не смогли его открыть и просто спрятали в архиве.

– Неплохой улов! – присвистнул Джервас.

– Что тогда? – решительно промолвил Вальтер. – Попробуем разломать острым камнем, а если не получится – оставим до ближайшего города.

– Постойте! – воскликнул Айдан, который снова вспомнил о странной пластинке из наследия мастера Бернхарда. – Мне кажется, что я знаю, как её открыть!

– Вот! – рыцарь торжественно воздел палец. – Не зря с нами учёный человек!

Покопавшись в сумке, Айдан извлёк заветный кругляш, который у него сразу же отобрал инквизитор.

– Символы, я бы сказал, похожи, – повертев пластинку и приложив к ларцу, резюмировал Шаан. – И форма та самая.

– Так-так, вы это, поаккуратнее, – подозрительно следя за него манипуляциями, предостерег Вальтер.

– Раньше нам не показывал, – хмыкнул Виллем. – Запомнил?

– Как-то к слову не пришлось.

– Удивительно, – промолвил Шаан, – что ключ от шкатулки всё это время был у хронистов Ланцига. Дейермер же не знал никого из них, правда?

Тут Айдан удачно щегольнул с историей про дружбу Бернхарда с Ульрихом фон Ланцигом. Дела это всё ещё не проясняло. Виллем стал ворчать, чтобы кончали разглагольствовать и открывали скорей.

– И то правда, – кивнул Вальтер. – У кого ключ? Давайте сюда, – он подхватил кругляш и примерился к выемке. – Так... Как это делается. Виллем, хотите вы? – тот ничего не ответил, и Вальтер, пожав плечами, вставил пластинку, вдавил её и слегка повернул. Что-то щёлкнуло внутри, ровную поверхность прорезала прямая черта и шкатулка распахнулась. В её чёрном нутре желтел сложенный вчетверо лист бумаги. – Смотрите, письмо!

– Послание самого Дейермера?

Тут уж никто не остался равнодушен – даже подвижник подошёл поглядеть. Сквозь истончившуюся бумагу проглядывали завитушки. У Айдана сразу возникли нехорошие предчувствия: так никакой из хорошо известных ему языков не выглядел.

– Так, Виллем, – командовал, тыча в разные стороны пальцами, Вальтер, – нет, руки уберите, испортите эту штуку! Нам нужен мастер. Гробобой, подойди сюда. Ну, давай скорее! Сможешь взять эту штуку аккуратно расправить?

Тот и сам себя ощутил значительным и умелым, велел всем разойтись, расстелил на земле плащ, долго думал, чем поддеть бесценный документ, чтобы он не развалился по пути, – в итоге просто подхватил пальцами. Дальше он довольно долго возился, пытаясь ножом разделить склеившиеся половинки, а все стояли над ним, не дыша, и очень смущали. Когда хронист от волнения случайно порезал бумажку, Шаан к нему подсел со своим ножиком, и вдвоём они разделили строптивое письмо, явив человечеству с трудом различимый на фоне жёлтых, рыжих и коричневых разводов частокол из оплетённых закорючками вертикалей. Айдеи, язык альвестцев...

– Молодец, Гробобой! – глухо проговорил Вальтер, который, кажется, только сейчас решил себе выдохнуть. – Ты ведь это сможешь прочесть?

И вот пришлось, смущённо глядя в их маячащие сверху тёмные благоговейные физиономии, признаться, что язык айдеи нынче редко учат по монастырям: ведь кропают на нём одни безбожники-ааренданцы.

– То есть вообще никак? – рыцарь запустил пальцы в волосы.

– Ничего страшного, – пришла на помощь Кейтлин. – Ты ведь сможешь скопировать письмо? Найдём кого-нибудь, кто прочитает.

– Да, смогу, конечно! – обрадовался Айдан.

– Шаан, – воскликнул рыцарь, – вы ведь тоже образованный человек! Может, вы знаете айдеи, а?

– М-м, да... – с опаской проговорил инквизитор, и тут же все на него накнулись: дескать, читай и всё тут. Он побледнел, поправил ворот, прокашлялся и, опустившись рядом с злополучной бумажкой, взялся за работу: – Veivel Kellonen...

– Ну, что, что тут говорится? – азартно прошептал Вальтер.

– Подождите, – досадливо пробормотал Шаан. – М-м, Veivel – это значит «достойный», «уважаемый», а Kellonen... Я не знаю такого слова, но en – это, м-м, на en обычно, м-м, заканчиваются слова, означающие ремесленников. Кузнец, например, портной, сапожник... Хотя нет, кузнец у них на ug... М-м...

– То есть он пишет «дорогой сапожник»? – нахмурился рыцарь.

– Дорогой сапожник, пришли мне ладных сапог и ещё большую шляпу, – улыбнулся Джервас.

– Может, его так зовут? – буркнул Виллем.

– Кого? Д-дейермера? – инквизитор моргнул.

Южанин вздохнул и очень внятно, отдельно проговорил:

– Того, кому он пишет. Дорогой этот... Как его? Колон?

– М-м, – теперь Шаан покраснел и стал водить пальцами по щекам, как будто проверяя, насколько они стали тёплыми от смущения. – Келлонен. Да. Дорогой Келлонен. Или уважаемый Келлонен.

– Дорогой уважаемый Шаан, вы знаете айдеи или нет?

– Я, м-м, учил его когда-то. Довольно давно. Я, м-м, уже забыл многое. Но послушайте, – инквизитор вздохнул и осуждающе посмотрел на бумажку, – тут повсюду пятна, очень сложно разобрать. И он пишет таким цветистым языком, я многих окончаний никогда не видел. К тому же мне редко приходилось видеть тексты, написанные вертикально – так принято у альвестцев, но местные ааренданцы пишут горизонтально. Я, кажется, понимаю, м-м, вот эту фразу. Сейчас... М-м, тут говорится, что Обратная Сторона, м-м...

– Так что с ней?

– М-м, она... жёлтая, – Шаан нахмурился.

– В каком смысле жёлтая? Мы её видели, она чёрная...

– Может быть, – предположил Джервас, – Дейермер описался? Что, если заменить какую-нибудь одну букву?

– М-м, "arnil"... нет. "Ersil"... тоже не складывается, – инквизитор вздохнул и покачал головой. – Простите. Боюсь, что ничего не выйдет. Давайте отложим чтение до момента, когда мы встретим кого-нибудь, кто, м-м, в самом деле знает айдеи.

– Ну, ладно, пусть тогда дорогой Айдан копирует.

– Я помогу ему, – промолвил Шаан. – Вдвоём мы справимся быстрее.

Они присели у костра с чистыми листами пергамента и стали методично перерисовывать прихотливые кудряшки – Шаан первую половину, Айдан вторую. Занятие было не из приятных: словно ловить змей, извивающихся на заборе преисподней, соседние крючки да петельки путались между собой, приходилось по несколько раз перепроверять, что было выше, да и то хрониста не оставляло чувство, что несколько кривулин он всё-таки пропустил, а какие-то

повторил дважды, а ещё его смущало то, что некоторые были, вроде бы, похожи, но различались толщиной линий или, скажем, длиной хвоста – вот как понять, это разные в итоге буквы или одна и та же? Как ни старайся, получалось лишь приблизительное подобие оригинальной картины – и кто-то наблюдательный и вредный наверху порой не упускал возможности это отметить. В довершение всего рыжие и коричневые пятна часть текста сделали совершенно нечитаемой, и тогда приходилось догадываться, что из этих неопрятных помарок принадлежит перу Дейермера, а что начертано разложением. Некоторым утешением было то, что и Шаану приходилось нелегко – губы инквизитора сжались в тесную линию, а на лбу блестели капли пота.

Когда с копированием было покончено, все постановили реплики оставить у их создателей, а оригинал возвратить Вальтеру – но тот и сам понимал, что бумажка рассыплется раньше, чем ему повстречается какой-нибудь ааренданец.

Разговоры понемногу затихали. Инквизитор нырнул под одеяло и завернулся с головой. Джервас присел рядом с Альмасиром и словно что-то рассказывал ему. Хронист никак не мог заставить себя закрыть глаза, будто страшась того, что увидит, – и сон действительно оказался тягостным: Айдан блуждал по спутанным тропинкам, на которых верх то и дело менялся с низом, сотня шагов могла не продвинуть и на волос, а потом одно движение переворачивало весь мир вокруг.

Остальным тоже пришлось несладко. Виллем вспоминал, что будто тяжёлый камень лежал у него на груди, мешая дышать, а Шаан, проснувшись посреди ночи, не увидел у костра часового, но зато услышал далёкое жужжание и жутко перепугался, хотел разбудить всех, да голос ему изменил – так и не поняли, сон это был или нет – по крайней мере, все твердили, что в свою стражу не отлучались. Айдана тошнило, да к тому же словно молоток долбил по затылку – Вальтер тоже ворчал, что чувствует себя, как с перепоя. Один лишь пробуждённый способен был улыбаться жаркой жёлтой полосе, стерегущей вход в пещеру и щебету синиц – но он вскоре напустил на себя унылый вид, чтобы не злить остальных.

Через час после того, как отправились в дорогу, Джервас заметил вдалеке, на склоне между скалами и лесом, тёмный столбик, не слишком похожий на простую каменюку. Вальтер, услышав про это, весьма обрадовался и стал твердить, что это, наверное, межевой камень, а значит, путники вторгаются в цивилизованные земли, где для каждого из них найдётся тёплая постель и тарелка горячей похлёбки – радости его не умаляли даже мрачные пророчества Виллема, намекавшего, что где похлёбка, там и меткая стрела, ждущая непрошенного гостя. В итоге они чуть не подрались – едва их растащили. Айдану вдруг очень захотелось высказать южанину всё, что он думает о его бесконечном ворчании, – кое-что и впрямь просочилось между стиснутых зубов, но по большей части оскорбительные слова удалось удержать в себе, и они теперь жгли хрониста изнутри, обрастая новыми, ещё более злыми – Айдан мог лишь дивиться, откуда это в нём. Следы Фродвина как раз вели к столбу – и все прибавили ходу, надеясь узнать наконец, куда занесло злосчастный отряд. Там в самом деле оказался тёмный и гладко обточенный столб из серо-синего зернистого гранита, восьмиугольный в сечении, с восьмискатным же верхом, и высотой, пожалуй, по плечи Айдану. У земли его опоясывал неглубокий желобок, и мелкие каналы пересекали грани, складываясь в подобие символов: тут вот вроде бы «р» написано, там «и», но они так сглажены, так несмело прорезаны, что уверенно судить об этом не получалось. Если это и был межевой камень, то довольно странный.

– Может быть, это древний идол? – предположил Айдан. Почему-то очень захотелось расшибить о него костяшки кулака и обмазать символы кровью.

– Вы в своём уме? – Шаан презрительно фыркнул. – Конечно, нет, это, м-м, магическое устройство, – Он успел достать песочные часы, оставленные в таверне Фродвином, и звёздочки в них не просто мчали, а слились в трёхцветный вихрь. Инквизитор отодвинул прибор подальше от камня, затем отошёл в сторону – ещё, ещё немного, постоял там и поманил

остальных. Глаза его блестели от возбуждения. – Скорость очень быстро падает с удалением от объекта, – постучав по стеклу, сдавленным голосом сказал он, – Эта стела, м-м, как будто врата на Обратную Сторону.

Айдан прикусил палец, чтобы не думать о жертвоприношении, но слишком сильно стиснул кожу зубами, она поддалась, и теперь хотелось ещё – не жалкие капли, а намного больше – откусить палец или даже отгрызть руку целиком и припасть к обрубку. Он посмотрел на брата Ингольберта, он попробовал понять, слова какой молитвы бормочут губы старого монаха – не разобрал, разумеется, но хоть немного отвлёкся.

– Врата? – буркнул Вальтер. – Что-то я не вижу проёма.

– Вы ничего не понимаете! – голос инквизитора задрожал от гнева. – Это врата немного в другом смысле, м-м, они не пропустят нас с вами, но сила, м-м, сила свободно течёт через них.

– Видимо, это и есть пилон? – спросил южанин. – Что скажешь, Джервас?

– Однозначно, – кивнул тот. – Давайте отойдём, пока совсем не поплохело.

– Нет! Нет! – воскликнул Шаан. – Я должен... должен, – он бросился к пилому – глаза навыкате, лоб в испарине – он извивался и кричал, когда подвижник с пробуждённым тащили его прочь, и засадил брату Ингольберту кулаком в челюсть.

Странники добрались до ближайших деревьев – чёрный столб ещё был виден оттуда, но всем стало легче. Айдан с ужасом пялился на пятна подсыхающей крови у себя на руке. Инквизитор обмяк, а потом стал горячо извиняться перед остальными.

– Я был сам не свой, – дрожащим голосом бормотал Шаан, – как будто что-то, м-м, завладело мной. Это из-за пилона. Я, м-м, читал о них, но никогда не видел сам. Брат Ингольберт, у меня есть лечебная мазь...

– Ничего страшного, само пройдёт, – с улыбкой ответил тот. Синяк обещал быть изрядным.

Инквизитор хотел ещё что-то сказать, но Джервас перебил его:

– Шаан, прекратите. Вы ни в чём не виноваты. Рядом с пилоном каждого разнести может.

– Это из-за той каменюки нам так погано было ночью? – спросил рыцарь. – Может, выкопать, чтобы не портил жизнь путешественникам?

– Боюсь, что даже лежащий пилон остаётся пилоном, – усмехнулся Джервас. – А если его расколоть пополам... – пробуждённый лукаво сощурился, будто всерьёз замислив такой эксперимент. – Как думаешь, Виллем, он испортится или каждая половинка тоже станет пилоном?

– Понятия не имею.

– Боюсь, что пилому лучше стоять на своём месте, – промолвил инквизитор. – Они стабилизируют ток силы вокруг себя и в некотором роде, м-м, упорядочивают воздействие Обратной Стороны.

– Если верить вычислениям старины Драйкамп, то исчезновение пилона увеличит нагрузку на соседние, и там может даже случиться прорыв Обратной Стороны, – поддержал его Джервас.

– Это всё лишь теория, конечно, – горячо откликнулся Шаан, и Айдан сразу вспомнил прорыв в Эорвике и документ с печатью Ордена Святого Пламени – уж не пилон ли везли эти господа? Но зачем он им? И что известно инквизитору?

– Таких, выходит, много? – прокрихтел Вальтер.

– Вероятно, – молвил Виллем. – Этого никто не знает. Сейчас нам известно местоположение примерно десяти, но совершенно точно есть и другие.

– Так уж вышло, – пояснил Джервас, – что пилоны обычно стоят в глухих и труднодоступных местах, и для врат на Обратную Сторону они на удивление слабо фонят. Считается, что первый из них нашёл Арозиус Драйкамп. Он изучал тонкое строение силовых потоков в окрестностях Соединённых Провинций и сделал вывод, что неподалёку, в Чёртовых Утё-

сах должна быть притягивающая точка – в рассчитанном месте его ждало нечто подобное, насколько я понимаю, – пробуждённый смерил каменюку заинтересованным взглядом.

– Чёртовы Утёсы? – переспросил Айдан.

– Хребет к юго-западу от Соединённых Провинцией. Вы, наверное, называете его Демонными Горами или как-то так. Чёрт – это по-нашему демон. Там живут неэРН, как вы можете догадаться.

– Звучит недурно, – кивнул хронист. И в самом деле, ничуть не хуже Полуденного Кряжа, как его называли в Гевинтере.

– Позже Арозиус Драйкамп вычислил местоположение ещё двух пилонов, – добавил Виллем. – Один в итоге нашли, а до другого не смогли добраться.

– В том, что касалось формул, старикан был настоящим волшебником, – Джервас улыбнулся. Хронист же подумал, что Арозиус был ещё и настоящим фанатиком познания и очень удачливым человеком: лишь такой сунулся бы в кишасие лютыми неэРН Чёртовы Утёсы. – Кстати, мы с Виллемом тоже отличились: нашли пилон на юго-западе Кильферетил`инмира.

– Вы даже видели его? – восхищённо выдохнул Шаан.

– Нет, конечно. Но эльфы отправили туда экспедицию и подтвердили, что наши вычисления верны.

Зависти во взгляде инквизитора стало немного меньше.

– Если посмотреть на местоположение известных исследователям пилонов, – продолжил Джервас, – то напрашивается предположение о том, что они покрывают весь мир огромной сетью.

– Знать бы, кто их поставил и зачем, – буркнул Виллем.

– Исчезнувшие? – предположил Айдан.

– Или Дейермер, – пробуждённый рассмеялся. – Предположения ничуть не хуже других. А на Исчезнувших вообще можно свалить всё, что угодно.

– А посмотрите-ка, что это у нас? – там, куда показывал Вальтер, небольшой валун явно перемещали – наверху он был в грязи, а рядом красовалась ямка. Никто не сомневался, что это был тайник Фродвина – приметный камень рядом с пилоном казался неплохим местом для схрона – только вот что могло быть внутри: оружие против преследователей или средство связи с неведомыми покровителями? Рыцарь сбегал туда и подтвердил, что в ямке ничего нет. Напрашивалось предположение, что у Фродвина здесь были союзники, и это делало погоню ещё опаснее.

Вскоре после встречи со столбом след от гор повернул к лесу. Вальтер помрачнел и признался, что всегда недолюбливал леса.

– В нашем-то северном краю, – сказал он, – нелегко устроить засаду. А в чаще никогда не чувствуешь себя в безопасности. Кто там торчит на этих деревьях? Да посади наверху полдюжины стрелков – они нас как детей ...

Было непривычно видеть рыцаря бормочущим какие-то глупости о стрелках на деревьях – да он и сам, кажется, понимал, как это всё выглядит, но сделать ничего с собой не мог.

– Вот вы-то, Виллем, поди знаете, каково сунуться в лес к эльфам, да?

– Я с ними никогда не воевал, – пожал плечами тот. – Но эльфы мастера засад.

– А вот и я о чём! – воскликнул Вальтер и одарил попутчиков историей о том, как он однажды угодил в орочью засаду и потерял шестерых людей.

– Но это же не в лесу было? – уточнила Кейтлин.

– Не в лесу. А будь это в лесу? Да никто бы живым не ушёл! Вы бы и со мной сейчас не разговаривали.

Словом, обильно поросшие деревьями местности представляли явную и недвусмысленную угрозу даже для самых закалённых бродяг – но деваться-то и в самом деле было некуда. Поэтому, собрав покрепче всю свою решимость, двинулись вдоль речки в заросли. Валь-

тер, правда, затребовал прежде стрелу и, окорябав руку, размазал кровь по коре ближайшего дерева. Виллем начал было корить его за суеверие, но быстро понял, что это бесполезно.

Бледно-голубая вода катилась по ржавым камням, берёзы шелестели, перешёптывались наверху, кусты так и норовили ткнуть зазевавшегося всадника в глаз крепким и острым обломком ветки. С облегчением выехали на прогалину, да только радость быстро поутихла: на вытоптанной, вспученной земле валялись вперемешку обугленные жерди, щерились неразборчивые грязно-серые чешуйки, круглыми кучками жались друг к другу камни – и, как вернувшийся из преисподней страж, над пепелищем возвышалось обугленное дерево. На холме по левую сторону от развалин, должно быть, раньше стояло капище: три идола царили на вершине, и резвая спираль выложенной камешками дороги карабкалась к ним от подножья – но тропу раскидали, а вершина теперь ехидно скалилась расщеплённым трёхзубьем. Один из подрубленных, обожжённых столбов сиротливо валялся ниже по склону, а рядом с ним распростёрся ворох серой дранины, который когда-то был человеком – или, вероятнее, половинчиком.

– Проклятье, – вырвалось у Кейтлин.

– Усобицы, – пожал плечами Вальтер. – Всё, как у людей. Так, а куда нашего Альмасира-то понесло?

Оказалось, что мертвец сошёл с коня, доковылял до подножья холма, склонился над поверженным столбом – и, повалившись на колени, испустил ужасный, дикий крик, подобный которому вряд ли можно было бы ожидать от человека – скорее от какого-то чудовища, смертельно раненного охотником, обезумевшего от боли и жаждущего лишь растерзать напоследок своего убийцу. Он и сам был похож на зверя – рыл землю ногтями, брызгал слюной, колотил кулаками землю, ползал и хрипел. Все посмотрели на Кейтлин – уйми, мол, своего дружка, но та и сама выглядела скверно: глаза налились кровью, на лбу выступили крупные капли, и тяжёлое, сдавленное дыхание рвалось из ноздрей. Обнаружив, что на неё пялится добрая половина отряда, девчонка сперва подалась назад, оскалилась, а потом обняла себя за плечи и тихо проговорила:

– Я чувствую такую ужасную ярость, мне хочется вырвать им всем сердца и скормить волкам. Какой кошмар...

– Кому им?

– Я... Я не... Пожалуйста, не подходите ближе, – взмолилась Кейтлин, и брат Ингольберт остановился. – Я знаю, вы хотите помочь, но... я это не я, я не знаю, что она выкинет сейчас. Она... ужасно разгневана.

Подвижник не послушался, подошёл, взял девчонку за руку и просто смотрел ей в глаза, пока наконец она не обмякла и не разревелась – то ли от пережитых чувств, то ли от бессилия. В то же самое время Джервас подобрался к Альмасиру и, держась на расстоянии вытянутой руки, что-то негромко объяснял ему – раза два мертвец огрызнулся, почти кинулся на него, но пробуждённый не отставал и только ладонь перед собой выставил в качестве защиты – понемногу вопли Альмасира становились тише, а движения медленней, в итоге он застыл, сторбившись над столбом, немигающими буркалами уставившись на Джерваса, который продолжал свои речения до тех пор, пока мертвец не кивнул – и тогда оба вернулись к своим лошадям, как союзники. О чём был разговор, никто не узнал – и Виллем странно смотрел на своего друга.

– Ч-что это было? – выдавил инквизитор.

– Там разрушенное капище, – ответил Джервас. – Ваши незримые спутники, очевидно, связаны с богами, которым здесь поклонялись.

– Демонами! – сурово изрёк Вальтер и насмешливо добавил: – Не так ли, Виллем? – тот неодобрительно кашлянул.

– Может быть, они наконец нашли себя? – уронила Кейтлин.

– Звучит правдоподобно, – откликнулся рыцарь. – Здесь точно жили вшивари...

– То есть половинчики? – уточнил Шаан.

– Они самые. Надо думать, мы в Запретных чашкобах. Не лучшее место, но хотя бы не за Осевым Хребтом.

Айдан кивнул. И в самом деле, не лучшее. Запретными чашкобами назывался обширный лес, протянувшийся к юго-востоку от Ведерской Марки, к северу от герцогства Штирен, и населённый довольно свирепыми половинчиками. Гевинтер когда-то пытался покорить их, но скрытные и резвые карлики со своими копьями и луками, с волчьими ямами и падающими на зазевавшихся рыцарей брёвнами, с примитивной, но действенной магией заставили людей призадуматься, так ли им нужна эта глушь, а потом и вовсе не до Запретных Чашкоб стало: Вайтернахт ввязался в бесконечные распри с горцами, Северная Марка едва держалась под натиском клыкачей, а Штирен вдруг решил сделаться самым мирным на свете герцогством и выпустил указ, запрещающий рубить деревья и охотиться в землях половинчиков – отсюда и название «Запретные чашкобы».

Церковь Света, хотя и не сразу пришла к единому мнению по вопросу о том, имеется ли у полуросликов душа, была щедра на проповедников, вместо каждого съеденного неблагодарными слушателями посылая двоих, троих охотников до мученического венца – и вот уже по всему лесному краю пылали идолы, вместо них поднялись округлые навесы, из-под которых новообращённые зывали к милостям Владыки, а кого-то из проявивших рвение карликов даже произвели в помощники священника. Но потом что-то пошло не так: волна мятежей захлестнула леса, всех священников выгнали, некоторых прямо со службы, а кого-то даже и убили на пороге ротонды, и половинчики очень быстро вернулись к язычеству – лишь с десяток из них предпочли оставить родные края, но не отречься от истины – этих пристроили в монастыри, где, не умея ни читать, ни писать, да и вообще не очень-то хорошо изъясняясь по-человечьи, они нашли своё призвание на кухнях да в свинарниках. Почему отношение половинчиков к церкви так резко поменялось, Айдан не знал. Болтали всякое: что один из священников обидел местных, назвав замшелыми пеньками, что вожаки увидели в принятии чужой веры первый этап завоевания. Не обошлось и без обвинений в сторону Штирена, – мол, тамошние чернокнижники натворили дел, недаром их герцог отказался объявить священную войну против лесных отступников.

Вскоре после изгнания клириков – если верить рассказам разбойников и контрабандистов, иной раз пробиравшихся в Запретные Чашкобы – там появилась новая напасть – жуки с горящими глазами, плюющие колдовским огнём. Айдан всё не мог определиться для себя, то ли половинчики и в самом деле наловчились призывать детей преисподней, то ли штиренские мастера собрали для них колдовских защитников, то ли это просто сплетники всё, как обычно, преувеличили, но по дороге из Готбельта в Ланциг таких рассказов можно было насобирать на целую книжку. Айдан тревожно осмотрел пепелище и попросил Владыку избавить его от знакомства с жуками, а потом задумался, не сменить ли рясу на орочий наряд из Оберхайда.

Между тем, Вальтер что-то заметил в небе и, окликнув остальных, провожал пальцем тёмный силуэт с коротким хвостом и двумя длинными крыльями.

– Интересная себе птица, – заметил Вальтер. – Крыльями-то не машет.

– Хищная? – пожал плечами Виллем

– А поворачивает смотрите как ловко. Вы что хотите говорите, а я таких, как эта, птичек не видывал.

– И что?

– Надо валить отсюда, и поскорей, – голос у рыцаря был обеспокоенный.

Айдан кинул последний взгляд на один из поверженных идолов, чёрный и растрескавшийся, в котором лишь одолжив немного чужой фантазии в дополнение к своей собственной можно было бы признать гротескное лицо – с острым носом, впалым ртом и монументальным подбородком. Кто это был: золотая женщина, белый волк или неведомое третье божество?

Пожарище проводило их недобрым безмолвием. Даже река, казалось, притихла и зататорила вновь лишь когда прогалина совершенно скрылась за деревьями. Айдан внимательно обычного вглядывался в частокол стволов – а вдруг там промелькнёт низкорослая тень? – в переплетение ветвей над головой – не сидит ли коротышка-дозорный? – он вслушивался в шорохи, стуки, скрипы, и порой ему казалось, что половинчики уже окружили путников и только дожидаются команды, чтобы перестрелять их.

Остальные тоже беспокоились. Полурослики могли принять их отряд за гевинтерских лазутчиков и расстрелять из луков. Увы, никто не знал, в какой угол Запретных Чашоб их занесло, так что единственным надёжным средством выбраться было найти хоть каких-нибудь коротышек и выпросить у них дорогу. Но половинчики были, возможно, меньшей из проблем: где парила странная, похожая на магического конструкта, птица, там могли шастать и железные жуки – Джервас, правда, твердил, что с альвестским ружьём в руках он уложит хоть жука, хоть паука, но проверять это не хотелось.

Когда пришло время очередного привала, Вальтер всё никак не мог найти безопасное с его точки зрения место – к счастью, странникам попала широкая поляна, посреди которой стояли четыре берёзы – там и остановились. Айдан по дороге вспомнил, что на украденной Фродвином карте одна из загадочных пометок стояла у края Запретных Чашоб, а остальные – тоже в труднодоступных местах, – как и пилоны! – и ему очень хотелось поделиться наблюдением с попутчиками.

– Расстояние между ними вполне соответствует плотности сети пилонов, – выслушав его, проговорил пробуждённый. – Скажи, Виллем?

Тот кивнул.

– Но вы не знаете наверняка, что в степи и в Пиках Потерянных Душ есть пилоны? – спросил Айдан.

– Откуда? В Соединённых Провинциях никогда особенно не интересовались географией севера, да и зачем, если перед нами открыты огромные просторы южных морей?

– А в Полуночном Порту?

Джервас странно посмотрел в ответ, и Айдан поправился:

– В смысле, я думал, Серые Смотрители должны были найти хотя бы один пилон.

Пробуждённый хитро улыбнулся и молвил:

– Парочку действительно нашли. Ладно, так и быть, сознаюсь: возле того, что находится в землях орков, у нас есть даже в некотором роде постоянное представительство. Мы уже давно заметили это место: зеленокожие шептались, что там проще услышать голоса духов. А Пики Потерянных Душ – это слишком скверные края, чтобы туда соваться, к тому же рядом с Вайтернахтом. Тамошний герцог нашего брата терпеть не может.

– Интересно, кто составил карту, – промолвил Шаан. – Сам Дейермер или кто-то из его сподвижников? Среди них были Серые Смотрители? – спросил он у Джерваса.

– Кажется, не было. А кто составил, я не знаю, но подумал бы на Дейермера: он был не только могучим чародеем, но и талантливым исследователем. Если кто-то и мог рассчитать местоположение северных пилонов двадцать лет назад – то это он.

– А как же Вальрафиус Аамстед? – спросил Виллем.

– Да ладно тебе, он был больше по части механики. Если только сам Арозиус Драйкамп не дал ему эту карту, но всё-таки двадцать лет назад даже у Арозиуса было слишком мало данных.

Айдан задумался о том, зачем было оставлять карту мастеру Бернхарду – человеку, который никогда бы ей не воспользовался. Или это был способ избавиться от неё?

– Готов биться об заклад, что в Полуночном Порту давно знали про пилоны, – заявил Вальтер. – Они ведь колдуны – чувствуют вот эти свои потоки силы, как мы с вами дуновение ветра, и могут в любой момент скакнуть на другой конец континента. Что за сложность для

них разыскать хоть все пилоны разом? Джервас – вы ведь с ними на короткой ноге? Скажите, что я прав.

– Почему всем кажется, что раз я Серый Смотритель, то обязательно прихвостень Полуночного Порта? – пробуждённый засмеялся. – Увы, я вас разочарую: если даже кто-то из отцов города знал о существовании пилонов до того, как Арозиус Драйкамп сделал своё открытие – что, в принципе, правдоподобно – мне об этом не докладывали.

– Отцы города? – переспросил Айдан.

– Слишком добропорядочно звучит для Полуночного Порта, – хмыкнул Вальтер.

– Полагаю, многих горожан это тоже забавляет, – улыбнулся и Джервас. – Но, можете поверить, отцы Полуночного Порта меньше всего на свете похожи на почтенных купеческих старейшин, занятых обсуждением, где взять денег на починку мостовых.

– Богиня Воронов одна из них? – предположил Айдан.

– Разумеется.

– Неужели там не только мужики заправляют? – ехидно бросила Кейтлин.

– Представьте себе! Кстати, сладкоречивая волшебница, с которой, как мне поведал Виллем, вы свели знакомство в лаборатории, тоже одна из отцов.

– О, расскажите о ней! – разохотился хронист.

– Если б я ещё знал что-нибудь интересное! – он почесал бровь, потом улыбнулся и молвил: – Вроде бы, никто из нынешних её прислужников не видел свою хозяйку воочию. Некоторые предполагают, что она давно умерла и существует лишь в душах своих последователей – чему бедняги и обязаны сомнительным удовольствием становиться иногда её марионетками.

– М-м, мы видели, да, – Шаан поёжился.

– Имя у неё есть? – поинтересовался Вальтер.

– Последователи называют её «Наша тайная чаровница».

– Как-то двусмысленно, нет? – рыцарь нахмурился. – Словно речь о распутной женщине.

– Вы тоже это почувствовали? – Джервас подмигнул ему. – Им очень нравится. Да и её саму, должно быть, забавляет эта интерпретация, иначе бы она давно отучила всех так называть себя.

– И какие цели у этой, м-м, Чаровницы? – спросил инквизитор. – Зачем ей лаборатория?

– И зачем ей была нужна Этельфледа? – вставил Айдан.

– И существа, которые во мне, – добавила Кейтлин. – Почему она добивается их дружбы?

– Так много вопросов! – рассмеялся Джервас. – А ответ один: власть. Обратная Сторона – это сила, а сила дарует власть. Союз с многоножками...

– Сполохами! – прикрикнул Вальтер.

Пробуждённый шутливо стукнул его кулаком по плечу и продолжил:

– Союз со сполохами тоже может когда-нибудь пригодиться, и с вашими невидимыми спутниками тоже. Впрочем, я бы не стал слишком уповать на логику, когда речь заходит об отцах Полуночного Порта. Они все совершенно безумны, – он улыбнулся – как будто с восхищением.

– А что насчёт Этельфледы? – повторил хронист.

– Простите, друг мой, – Джервас развёл руками. – Я в тупике. Может быть, если вы больше расскажете о ней, то я смогу помочь, но пока я даже не представляю, зачем она могла понадобиться Чаровнице.

Айдан тяжело вздохнул.

Когда уже солнце подмигивало на прощанье сквозь щели между ветками, встали на ночлег. Рыцарь выбрал место подле обрывистого края холма, неподалёку от речки, под охраною пушистой лиственницы с причудливо изогнутыми на концах ветвями. Альмасир опять утопал куда-то и, может статься, приносил очередные жертвы волку, но, по счастью, догадался сделать это подальше от лагеря.

Только устроились – инквизитор уловил далёкий топот копыт – кто-то догонял странников по той же тропе. Все вооружились, но всадник никак не появлялся, и эта неопределённость была хуже, чем самая свирепая атака. Подул ветер, и деревья вокруг загомонили, зашептались – где-то среди этого сонма скрывался и незримый преследователь. Лошади беспокойно фыркали, и Виллем отправился успокаивать их. Вальтер тихо проговорил, что этак нужно будет сторожить по трое, но тут прогремело раскатистое:

– Бартель, хватит вам! Темно же, не ровен час, наткнётесь на сук – поранитесь. Подходите лучше, погрейтесь у нашего костра.

Вальтер зашикал на пробуждённого, но Джервас и бровью не повёл, отправился встречать чародея. Тот вскоре объявился на краю светового пятна, но там и остановился. Выглядел он жутковато: неподвижное землистое лицо пересекали ниточки шрамов с угольной сердцевинкой, торчавшие из-под берета волосы будто покрылись инеем, а левый глаз стал как мраморный.

– Худо вам пришлось на Искривлённых путях? – тоже не подходя к волшебнику, участливо бросил Джервас. – Это ещё повезло: мне говорили, что чародеям там вообще нет ходу. Ну, не стесняйтесь, давайте к нам! – он отодвинулся с пути и радушным жестом поманил мага к костру.

– Может быть, не стоит? – шепнул ему Шаан.

– Если он будет бродить где-то по лесу, я вообще с ума сойду, – пискнула Кейтлин. – Пусть лучше будет под присмотром.

Что-то затрещало, из кустов, натужно пыхтя, вывалился Альмасир – и сперва казалось, что он набросится на чародея, но, порывав и потоптавшись немного, мертвец застыл. Бартель неспешно, словно с трудом повернул к нему голову, посмотрел, потом вздохнул и стал слезать с лошади.

– Расслабьтесь, – молвил попутчикам Джервас. – И дайте кто-нибудь ему воды, – а сам перехватил у волшебника повод и помог привязать лошадь.

Казалось, каждый шаг причиняет Бартелю боль, а уселся он вообще с большим трудом. От воды чародей не отказался и одним махом опростал небольшой бурдюк. Когда он с тяжёлым вздохом возвратил опустевший мех Вальтеру, вода капала у мага с подбородка, а единственный зрячий глаз был почти безумным. Айдану очень хотелось, чтобы волшебник что-нибудь сказал – тогда бы он не так напоминал восставшего покойника – но Бартель, кажется, не хотел говорить первым, а остальные настороженно притихли. Наконец вернулся Джервас, и прозвучало весёлое:

– Ну, расскажите, как вы это провернули? Как выбрались из гнезда? – пробуждённый прихлопнул, предвкушая интересный рассказ. Бартель уставился на него, с усилием разлепил губы, но не издал ни звука – потом посмотрел в костёр и всё-таки прохрипел:

– Вы ещё кто такой?

– И правда, мы не знакомы. Я Джервас, – он поклонился. – Пробуждённый и в некотором роде исследователь Обратной Стороны. Начинал с того, что корпел над книжками в лаборатории, а теперь занимаюсь полевой работой.

– Полуночный Порт? – подозрительно зыркнув на него, спросил Бартель.

– Серый смотритель.

– Он мой друг, – добавил Виллем.

– Пробуждённый? – переспросил волшебник.

– Прежде, чем вы спросите: я умею определять, что близится приступ, и смогу предотвратить его или, по крайней мере, вовремя убегу в сторону, чтобы вас не накрыло, – Джервас ободряюще улыбнулся, но Бартель продолжал смотреть на него – так, будто, на главный вопрос не получил ответа. – Что вам ещё рассказать? Я умею менять лица. В прямом смысле этого слова, – чародей по-прежнему не реагировал. – Показывать не стану, простите! Не привык при зрителях.

– Я не вижу сквозь вас, – наконец уронил Бартель.

– Что бы это ни значило, – взгляд пробуждённого скользнул по зрителям, словно ища у них поддержки, – посмею сказать, что вам и не нужно.

– Не могу рассмотреть вашу душу.

– Ещё одна привилегия дара, я полагаю, – Джервас подмигнул ему.

На лице у Бартеля начала расплываться зловещая ухмылка, словно он узнал об оппоненте что-то интригующее и опасное для него. Пробуждённый сначала округлил глаза и в шутку отшатнулся, но потом как будто и до него дошло что-то: беспомощно разомкнутые губы растянулись в самодовольную гримасу, а глаза недобро заблестели. Эти двое целились друг в друга улыбками, как злейшие друзья, а остальные беспокойно ждали, чем всё кончится. И Айдан подумал сперва, что это логично: аренданец встречает человека, повязанного с Полночным Портом – но поединок взглядов длился, и становилось ясно, что под коркой чисто профессионального соперничества скрывается что-то личное, словно давнее противостояние соединяло их. Костёр мерно потрескивал, отмеряя секунды до развязки.

– Кому солонины? – раздался голос Вальтера. И Джервас, и Бартель вздрогнули, непонимающе посмотрев на рыцаря с нелепой полоской мяса. Пробуждённый взял её, протянул волшебнику, тот покачал головой. Хронист наконец выдохнул.

– Так как вы смогли выбраться? – спросил Джервас. Впившись зубами в мясо, он оторвал изрядный кусок и принялся весело чавкать.

– Атт... ратор, – чародей поморщился, будто это слово оцарапало ему горло. Он попытался что-то ещё сказать, но в итоге сплюнул и стал показывать жестами: ухватив себя за плащ на груди, он изобразил, как что-то тащит его, потом схватился за голову, растерянно посмотрел туда, сюда, плюнул вновь, показал с облегчением на одну из привязанных неподалёку лошадей, обеспокоенно пригибаясь, изобразил, как дёргает за поводья, приставил ко лбу ладонь, прищурился, словно высматривая кого-то, кивнул, обвёл пальцем странников и опять схватился за воображаемые поводья.

– Это просто... просто замечательно, – едва прокряхтел сквозь смех пробуждённый. – Так и будем общаться теперь, – он ткнул себя в грудь и выставил большой палец.

Хронист немного успокоился: Бартеля, конечно, потрепало, но он всё ещё был живым. А то не хватало ещё второго Альмасира!

Джервас показал на ружьё и хитро подмигнул, но, кажется, в этом не было никакого намёка на «Хотите, отдам?» Волшебник присмотрелся внимательнее, скривился и показал, как что-то протирает тряпочкой. Пробуждённый воззрился на ружьё, потыкал пальцем в несколько мелких пятнышек, похожих на отпечатки сальных пальцев, получил подтверждение и размашисто кивнул, – мол, почищу. Он что-то ещё хотел изобразить: обвёл всё вокруг широкими жестами, а потом всплеснул руками и вопросительно посмотрел на Бартеля – но тот ничего не понял, и, вздохнув, Джервас промолвил:

– Кажется, у меня это не так хорошо выходит. Вы уже поняли, где мы?

Бартель кивнул.

– Фродвин забрал часть Флединой души, – сказала Кейтлин. – Мы снова гонимся за ним, чтобы вернуть украденное. Тогда колдуны из Полночного Порта смогут оживить Фледу.

Чародей снова кивнул.

– И вы продолжите с нами путь, зная, что тем самым поможете своим конкурентам? – спросил Джервас. Бартель снова посмотрел на него. – Я так, на всякий случай. Хочу, чтобы между нами не было недопонимания.

Чародей сложил ладони на груди и слегка поклонился.

В дозор Бартеля не поставили – да и всем, пожалуй, казалось, что защищаться скорее нужно будет от него самого. Кейтлин даже подошла к Вальтеру и попросила как-нибудь уговорить чародея лечь спать подальше от остальных – но Бартель и сам устроился под деревом

возле реки. Рыцарь, впрочем, о чём-то шептался с Джервасом – и оба поглядывали на волшебника, словно решали, как от него избавиться. И, казалось бы, что проще – потихоньку прирезать спящего, но Айдан не мог избавиться от ощущения, что нынешнему Бартелю нипочём будет ни кинжал, ни даже его собственное колдовское ружьё. Хоть бы только в него не вселился Дейермер...

Сон долго не шёл: всё время казалось, что чародей встанет и бросится на попутчиков – и раскрашенные отсветами костра силуэты часовых не очень помогали. Но всё же скрипы и шорохи леса, тихое мурчание речи успокоили хрониста – он погружался в дрему, он уходил всё дальше и дальше, пока не очутился вновь на холме с истуканами – только вместо обугленного крошева босые ноги гладила высокая трава, уютный дымок поднимался над крытыми берёзовой корой палатками, и над входом в каждую красовалась нарисованная алым птица или тонконогий олень. Коронованные солнечными лучами, чёрные, как будто уже сожжённые, высились два идола, а между ними стояли, благосклонно взирая на деревню, белый волк и обнажённая женщина с золотыми глазами, с венком из фиалок в пшеничных кудрях, с полными и широкими губами. Слишком коренастая, чтобы быть изящной, широкоскулая, с крупными ладонями, не слишком-то, на взгляд Айдана, и красивая – но как быть, если сердце бьётся скорей, а вздохам тесно в груди? Они оба ждали, но, хотя в положенные дни изваяния увенчивали цветами, хотя кровь проливалась на каменные алтари, хотя губы деревенских помнили заповедные слова, их сердца сделались пустыми, а молитвы лишились смысла. Золотые глаза устало сомкнулись, а волк улёгся на живот, он опустил голову на лапы – и, бросив прощальный взгляд на женщину, тоже погрузился в дрему. Айдан чувствовал обиду, непонимание, в висках стучал вопрос: после стольких лет согласия – почему они забыли? Золотая полоска погасла меж потемневших век.

Айдан дёрнулся и подскочил. Грудь рвали судороги, рот заглатывал воздух, но не мог насытить пустоту внутри. На другом берегу расплывчатые тени ворочались между деревьев. Силой уложил себя обратно, а тени всё не давали покоя. Больше уже не уснул: то что-то хрустнет над обрывом, то снова вспомнится печальная, словно постаревшая морда волка из этого сна. Поворотился на другой бок – и столкнулся с неподвижными, хмурыми и тоже бессонными глазами Вальтера. «Спи давай!» – прошипел тот.

Наутро Бартель поел – чем ещё немного успокоил Айдана – и даже изволил обсудить с остальными ситуацию в Запретных Чащобах. Оказалось, увы, что ааренданцы никогда не интересовались этим глухим уголком, а слухи про плюющихся огнём жуков у них считались глупыми суевериями. Отвести половинчикам глаза и как-нибудь по-тихому переправить путешественников в населённые людьми края – как предлагал Шаан – волшебник тоже не мог. Хотя бы обещал поддержать, если дойдёт до драки – но это не слишком успокаивало.

Сон про волка и золотую женщину видели все, кроме Бартеля с Джервасом – и, само собой, Кейтлин с Альмасиром. Пробуждённый шутивно сетовал, что боги не почтили его вниманием, и заставил два раза пересказать ему видение, после чего промолвил:

– Хотел бы я знать, когда нарушилась их связь с половинчиками, но в целом наши гипотезы подтверждаются, не так ли, Виллем?

– Ты ещё помнишь об этом? – крикнул южанин

– Конечно. Мы с вот этим учёным коллегой, – Джервас ткнул Виллема в живот пальцем, – однажды очень интересовались взаимодействием эльфов с одной местечковой богиней по имени Ирьяль.

– Это нимфа из Долины звёздной росы? – уточнил инквизитор.

– Воистину, – кивнул пробуждённый. – Удивительно, что вы вообще слышали о ней. Культ Ирьяль не связан ни с одним из четырёх великих святилищ Кильферетил`инмира, к тому же её почитатели редко удаляются от своих любимых деревьев, их не встретишь в тавернах Альдонии.

– Мы слышали о ней, – Шаан посмотрел на мертвеца.

– Вот как? И когда это старина Альмасир успел разбросать перед вами перлы своей мудрости?

– Мы тогда, м-м, не знали ещё, что это он. Случайно встретились в дороге.

– Дайте угадаю: он ещё трещал про Зенона? – Джервас хитро сощурился.

– Было такое, – ответил Вальтер.

– Я-асно, – пробуждённый кивнул сам себе. – У нас поговаривали, что в последнее время он изучал богов, будто бы даже ездил в пустыню к этому самому Зенону. Не удивлюсь, если он и разбудил этих двоих.

– Думаю, что это так, – поспешил вставить Айдан. – С ним был очень... начитанный половинчик. Мне кажется, что они хотели воспользоваться могуществом Обратной Стороны, чтобы в каком-то смысле претворить в жизнь легенды о волке и золотой женщине.

Джервас удивлённо возрился на хрониста.

– Айдан мастер по таким делам, – пояснил Вальтер. – Иной раз как начнёт претворять в жизнь легенды – так хоть стой, хоть падай.

– Точно, – улыбнулась Кейтлин.

– Кажется, Виллем не всё поведал мне. Надеюсь как-нибудь услышать более полный рассказ о ваших достославных деяниях, коллега, – проговорил Джервас, и тон его был уважительным, но глаза искрились весельем. – Но занятно, как судьба вознаградила беднягу Альмасира: он стал сосудом для тех, кого изучал.

– А всё-таки, что за гипотеза была у вас с Виллемом по поводу Ирьяль? – перебил его Айдан.

– Как я мог забыть? Дружище, ты расскажешь или?..

– Давай ты, – фыркнул тот.

– Эх, где же твой научный пыл? Бывало, ночи напролёт мы спорили о динамике Обратной Стороны под урчание пустых животов. Куда делся тот неутомимый исследователь? – Джервас негодуяще потряхнул головой.

– Если ты забыл, то не я первым из нас обратился к Свету.

– Ну, и ладно. Расскажу сам. Дело было так. Мы проводили измерения на западе эльфийского края, а там много последователей Ирьяль – отличные ребята, между прочим: весёлые, общительные – в отличие от этого дымного господина, – он кивнул в сторону Виллема, – с проповедями не лезут, но если спросить – с удовольствием рассказывают о своей богине. В мифологию мы не вникали, но нас заинтересовало, что примерно двести пятьдесят лет назад их связь с Ирьяль начала слабеть. Поначалу они придумывали дополнительные ритуалы, проводили больше времени в медитации – а потом бросили это дело и смирились с тем, что богиня едва ли может помочь простому эльфу в его ежедневных тяготах. Какая-то польза от неё всё равно есть – она, как там это формулировали?.. – Джервас посмотрел на своего друга.

– Очищает душу леса и души его обитателей, – буркнул тот.

– Помнишь всё-таки, – пробуждённый ехидно подмигнул Виллему и продолжил: – Ирьяль не была самой могущественной богиней, и на её примере эффект выглядел немного смазанным – но зато её последователи не пытались принести нас в жертву, как сделали бы фанатики Зенона.

– Получается, что примерно в одно время боги самых разных народов, м-м, начали терять силу? – спросил инквизитор.

– Получается, – ответил Джервас.

– Что совпадает по времени с общим ослаблением воздействия Обратной Стороны на этот мир, – задумчиво проговорил Шаан. – Это лежало на поверхности, но я, м-м, никогда не думал об этом.

– Какая, ещё раз, область ваших исследований? – спросил пробуждённый.

– Простите, – инквизитор встрепнулся. – Я не учёный. Просто интересуюсь такими вещами. Совершенно, м-м, частным образом.

– Как скажете. А что Ааренданн думает об этом? А, Бартель?

Тот пожевал губу, подбирая жесты, потом воздел палец, явно призывая следить внимательно, раскинул руки, сделал величественное лицо – изображая, должно быть, бога – скрестил руки на груди, наклонил голову и, закатив единственный зрячий глаз, захрипел с высунутым языком, потом вернул лицу обычное выражение и одобрительно кивнул, затем вновь изобразил бога, на этот раз очень злорадного и пышущего здоровьем, и, снова став собой, обеспокоенно покачал головой и вдруг застонал, схватившись за правый бок – это явно не было частью представления.

– Вы бы поберегли себя, – положив ему ладонь на плечо, промолвил Джервас. – Может быть, лучше пока общаться с помощью магии? – Бартель замахал на него рукой. – В любом случае, разделяю вашу озабоченность: боги – это дополнительный хаос, а хаос мешает работе.

Чародей ответил кривой ухмылкой.

– А теперь боги снова становятся сильнее? – спросил Айдан, хотя уже и сам знал ответ: ведь именно это и говорил когда-то Альмасир.

– Тогда кто идола пожёт? – усомнился Вальтер.

– Свары между богами, – хмыкнул Виллем.

Рыцарь предложил выдвигаться и Кейтлин поддержала его, но прежде велела подвижнику сменить рясу на что-нибудь светское – и в одолженных Джервасом вещах брат Ингольберт стал похож на исхудавшего наёмника, на котором добротные когда-то вещи теперь висели мешком. Хронист не мог отогнать неприятные мысли: Арнульф Длинный, усыпленный аскезой и молитвами, был опасно близок к возвращению. Сам Айдан переоделся ещё с вечера и очень надеялся, что половинчики не станут рыскать по сумкам и не найдут припрятанные рясы.

Беседа о богах продолжилась и в дороге, благо ширина тропы позволяла хронисту ехать рядом с пробуждённым и чародеем, которые держались вместе, как добрые друзья.

– А вы понимаете, почему боги стали слабеть? – спросил Айдан. – Что такого случилось двести пятьдесят лет назад?

– Кстати, очень правильный вопрос, – откликнулся Джервас.

Бартель ткнул в Айдана пальцем, изобразил, что задумчиво читает воображаемую книгу, а потом, захлопнув её, подмигнул хронисту.

– И правда! – рассмеялся пробуждённый. – Ты ведь историк, если я правильно понял Виллема, вот и расскажи нам, что было двести пятьдесят лет назад!

Айдан замялся, не сразу вымолвив:

– Религия Света начала распространяться по Гекатонской империи, – это было именно то, что должен был ответить на его месте любой монах: Владыка призрел на этот недостойный мир, и ложные боги отступили перед силой Его учения – но ведь Церковь Света никуда не делась, почему тогда язычество смогло вернуться? Грехи смертных переполнили чашу Его терпения? Или, может быть, Падший послал к народам собственного пророка – Дейермера?

– Предположение логичное, но...

– Не лишено изъяснов, – поспешил сказать Айдан, чтобы его не сочли узколобым клириком. В глазах пробуждённого заискрился интерес, и хронист пересказал ему свои соображения. Выслушав их с загадочной улыбкой, Джервас повернулся и бросил ехавшему чуть в стороне Шаану:

– А вы что думаете? Вы ведь всё слышали, не так ли?

Взгляд инквизитора испуганно метнулся в сторону.

– Хроники Гекатонской империи действительно утверждают, что к тому моменту жречество, м-м, уже утратило влияние, – наконец ответил он. – Во многом благодаря этому Церковь Света и смогла победить старинные культы.

– Иногда мне кажется, что проще сколотить собственную империю, чем разобраться в гекатонской политике, – усмехнулся Джервас. – Ваше наблюдение вполне характеризует несостоятельность жрецов по части интриг, а не реальную ситуацию с богами. Но если ваша интерпретация верна, то получается, что боги имперского пантеона ослабели раньше, чем Религия Света начала набирать силу. Одно из двух: либо сам Владыка Эрдонарт позаботился о том, чтобы у его проповедников не было достойных соперников, либо нам стоит искать причину дальше – скажем, среди событий трёхсотлетней давности.

Тут уж не нужно было и подсказок. Айдан сразу подумал, что триста лет назад загадочный волшебник Хоран дал императору Ираклию Скипетр Истины, с помощью которого был повержен бог многоножек Ка-Чикчу. Что может быть символичнее? Что может лучше отразить триумф над мраком Обратной Стороны? Хронист отпустил фантазию, и та обрисовала ему, как Хоран сперва является к многоножкам, чтобы с их помощью сотворить существо, которое бы воплотило саму идею могущества Обратной Стороны – или, может быть, саму идею божественности? – а потом приходит к императору, чтобы его руками уничтожить её. Держать это в себе было невозможно, и Айдан поделился с остальными. Шаан так опешил, что не заметил низко висевшую ветку, и ему оцарапало лицо. Джервас целое мгновение смотрел на Айдана с уважением, почти как на коллегу. У Бартеля хронист видел лишь мёртвый глаз, но хриплый смешок, вырвавшийся из покалеченного горла, был вполне одобрительным.

– Я и забыл, что говорю с архитектором видений! – весело промолвил пробуждённый. Впрочем, прозвучало это ничуть не обидно. – Элегантная идея, не стоит сбрасывать её со счетов, но я бы сперва подумал о чём-то более простом. Вот, например: ты ведь знаешь, что Ираклий не мог просто палить из Скипетра Истины в кого пожелает?

– Да, Скипетр нужно было сперва зарядить, и, как я понимаю, это было долго и непросто. Они целый город построили для этого.

– О, да! Ира́клион – город-храм, город-конструкция, созданный всего с двумя целями: служить свидетельством могущества императора и заряжать Скипетр Истины. Или с тремя? – он хитро посмотрел на Айдана.

– Но ведь кто-нибудь заметил бы, что Ираклион служит и другой цели?

– Может быть. А может быть и нет. Мы ведь не знаем, как было организовано строительство. Я слышал, что главный распорядитель сошёл с ума. А если каждый из тысячи людей напишет по несколько букв, разве кто-нибудь из них разберётся, о чём вся книга?

Должно быть, мысли Бартеля были слишком сложными, чтобы их выразить жестами: он пару раз поднимал руки, но так и не вступил в беседу. В голове Айдана теснились ещё вопросы, но деревья стиснули тропу – пришлось пристроиться позади пробуждённого.

К полудню въехали в просторную и светлую дубраву. Слева тянулись черноводные лужи, припорошенные старой листвой, справа у корней трепетные жёлтые звёздочки поднимались над пучками гусяного лука – хронист пялился на них во все глаза, он и забыл, что где-то в мире за пределами скриптория может быть столько ярких цветов.

Лужа вильнула, застоявшаяся вода тускло блеснула из-за кромки мохнатого холма – и вот уже надвинулись шершавые, прошитые корнями стены душного оврага, под копытами заскрипел замусоренный хвоей снег. Внизу, вдоль прорезанного глубоким жёлтым шрамом ручейка тащился лошадиный след – и Вальтер уверял всех, что это мог быть только Фродвин, а в подтверждение стал трясти перед всеми снятой с куста серой ниткой, на что инквизитор вздохнул и твёрдо сказал, что такую же могли оставить и местные половинчики.

Пока они спорили, Кейтлин приподнялась в стременах, покрутила головой и отметила, что вокруг уж как-то слишком подозрительно тихо. Вальтер сначала фыркнул, потом изволил прислушаться, воздел палец – но дальше всё произошло слишком быстро. Наверху раздался шорох, ёлки зашевелились, наставили на бродяг оголовки стрел – инквизитор схватился было за свой арбалет, но потом смирно поднял руки. Вальтер сплюнул и тоже выставил против незримых коротышек пустые ладони. Впереди овраг раздваивался, и на лысую оконечность мыса посередине выдвигались тёмные фигуры – приземистые, словно их расплющило недовольное божество, с щетинистыми лицами, стиснутыми поднятыми воротниками и меховыми ушастыми шапками, с острыми носами. Кто не тянул к уху тетиву короткого, причудливо изогнутого лука, тот наострил копьё – и у каждого на поясе приторочен был кинжал в расшитых красным ножнах.

– Вы поговорите или я? – спросил Джервас.

Рыцарь ткнул себя в грудь пальцем, выехал навстречу тем, что собрались на мысу, поклонился им, поприветствовал благородных жителей чащоб и объяснил, что не желает никому из них зла и готов убраться наискорейшим образом – только вот едва ли кто-то его понял: ни одна бровь не поднялась, ни одна стрела не оставила своей цели. Вальтер шмыгнул носом и добавил, что преследует злодея по имени Фродвин, который гнусным образом вторгся на земли половинчиков. Этот Фродвин, уточнил рыцарь, убийца, похититель и, вероятно, даже чернокнижник – изловить бы его поскорее.

Стрелки раздвинулись, пропуская карлика верхом на белом олене – явно не последнего из коротышек, не в растрёпанных мехах, а в ладном синем тулупе и красной с белыми полосками высокой шапке. Лицом он был изжёлта-тёмен, как подгнивший кленовый лист, а рот его, как лук, сгибался от ярости. Когда Айдан был ещё ребёнком, его отец держал скоморохов: половинчиков ли, просто коротышек, никто не разбирался, да и кому до этого было дело, если можно просто хохотать до колик, когда они изображали боевые сцены, злобно рычали, рубились на своих нелепых деревянных мечях – и этот всадник тоже был слегка нелеп, пожалуй, но смеяться, глядя на него, совершенно не хотелось. Олень под ним был совершенно прекрасен, под стать белому волку из снов: гладенький, чистый, с мягкими на вид кожистыми рогами в три яруса, с умными глазами, с красными повязками на тонких ногах. Вместе со всадником явилось четверо коротышек с копьями и круглыми деревянными щитами, и ещё один безоружный половинчик с рыжей, заплетённой в косицу бородой вёл под уздцы командирского оленя. Оглядев прищельцев и скривившись ещё сильнее, красная шапка обернулся и что-то прокричал своим. Половинчики за его спиной засуетились, пропуская кого-то. Джервас что-то возбуждённо нашёптывал Альмасиру – тот недобро хрипел и дёргал поводья. Бартель сложил пальцы замком и болезненно шурился.

Архикоротышка – почему-то Айдану понравилось называть его так – начал вещать. Он тянул некоторые гласные, а букву «х» выплёвывал, как что-то неприятное. Его голос было высок и неприятен, от него прегадко звенело в голове. Вальтер отступил, он растерянно посмотрел на своих спутников, но те тоже ничего не понимали.

У появившегося рядом с красной шапкой полурослика в жизни явно что-то сложилось не лучшим образом: изрядной части носа не доставало, правую щёку пересекали три глубоких параллельных шрама, на левой темнело клеймо, похожее на две скрещённые кирки.

– А этот явно побывал в Вайтернахте, видите метку, да? – пробормотал рыцарь. – Из рудников сбежал, наверное.

– Так он знает гевинтерский, да? – спросил Айдан.

– «Жрать пора» или «Проваливай с дороги» поймёт, наверное.

– Так это хорошо?

– Ну, как сказать. Едва ли он нас любит. Что ещё напереводит...

Бывший рудокоп и в самом деле стал переводить за командиром, и его познания в гевинтерском намного превосходили те, что требуются в шахте, пусть даже он и путал падежи, а все глаголы у него существовали только в инфинитиве. Общий смысл его речей сводился к тому, что в последнее время люди как с цепи сорвались и лезли в лес, как мухи на помои, – и что с этим, спрашивается, делать воеводе? Накануне в Запретные чащобы пролез контрабандист с огромными коробами всякой дряни, который утверждал, что спасается от ложных обвинений да от злочинства колдунов, а теперь и впрямь целая орда является по его душу – не Запретные чащобы, а проходной двор какой-то! Вальтер попробовал вставить пару слов – но архикоротышка рывкнул на него, и переводчик воскликнул вслед за ним:

– Дослушать сперва, злодеи! Воевода не рубить с плеча, он говорить: не мой дело! Пусть решать Суд Пропавших Людей! Мы доставить и вор, и вы туда.

Альмасир загудел, но Джервас его схватил за руку и продолжил увещевать.

– Какой, простите, суд? – переспросил Вальтер, но архикоротышка снова взял слово: его щетина топорщилась, гневные слова брызгали раскалённым металлом. Он вдруг сорвал с правой руки перчатку и воздел кверху, чтобы все увидели блестящую стальную пятерню, он сжал и разжал её, и торжествующая ухмылка чудовищно исказила его и без того совсем не мирную физиономию. Половинчики вокруг благоговейно переглянулись – затем командир снова приподнял стальную руку, изогнув её, как будто приглашая присесть охотничью птицу, и в самом деле что-то, резко прянув с небес, опустилось к нему, но серый силуэт лишь на первый взгляд напоминал сокола: крылья металлически блестели, глаза же были красными, как у демонов на миниатюрах. Виллем что-то выронил про Тёмного Владыку, а подвижник зашептал охранную молитву. Переводчик воскликнул:

– Воевода прозевать обман. Вас окружить почёт, забота, но знайте: кто честный – тот уйти миром, а кто желать худо – тот ведать ярость Железный Слуга! И колдун пусть повернуть назад. Колдун и жрец тут нет места.

– Да ладно вам! – воскликнул Джервас. – Он почти безобидный.

Бартель мрачно усмехнулся.

– Ну, прощайте, – молвила ему Кейтлин. – Доберётесь до своих?

– Наверняка мудрый воевода знает, как смирить колдовской дар, – не сдавался пробуждённый.

– Да что на вас нашло? – зашипела Кейтлин.

По рядам половинчиков пробежал шепоток, заклеимённый что-то стал шептать воеводе и, получив односложный ответ, прокричал:

– Колдун войти, коль одеть вериги.

Коротышки вокруг одобрительно закивали. Айдан сразу подумал, что речь не про обычные железки для смирения плоти.

– Вы ведь не хотите этого, правда? – спросила у чародея Кейтлин.

Тот пожал плечами и недобро улыбнулся. Девчонка наградила Джерваса холодным, злым взглядом.

– Вас вести! – пообещал переводчик. – Но вы оставить оружие. Ведь вы идти с миром, да? – в его голосе прорезалось злорадство.

С обрыва, ловко цепляясь за корни, посыпались коротышки с луками, они окружили странников и стали делать знаки, чтобы те не стояли на месте, а катили в правый рукав оврага. Архикоротышка поворотил оленя и неспешно почапал прочь.

– Суд Пропавших Людей? Железный Слуга? О чём они вообще? – девчонка растерянно помотала головой. – Вальтер, вы что-нибудь поняли?

– Ни единого слова. Но, можете поверить, будь здесь толковый гевинтерский наместник, нас бы совсем не так встречали. Вот надо было не объявлять их запретными, а... – он покосился на коротышек и предложил обсудить это позже, без провожатых.

За очередным поворотом странников ждал крупный, похожий на бандита половинчик с надвинутым на глаза капюшоном – этот велел гостям бросать всё оружие на разложенные перед ним шкуры, а Бартелю протянул что-то вроде сплетённого из мягкой проволоки ошейника. Чародей повертел обновку в руках, подёргал отдельные нити – ему велели не играть, а надевать – и тот, помедлив лишь мгновение, покорно стал натягивать ошейник на голову.

– И как оно? – спросил Джервас, когда волшебник протащил наконец гибкое кольцо через нос и через подбородок.

Тот потыкал себя пальцами в шею, поморщился, как от укусов, но махнул рукой, – мол, терпимо.

– Я не видел ничего подобного, – признался Шаан. – Можно я, м-м?.. – он потянулся, чтобы потрогать странный ошейник, и Бартель даже кивнул – дескать, не стесняйся – и приподнял подбородок, но инквизитор отдернул руку.

Между тем, половинчик в капюшоне осмотрел груз, покрасовался с ааренданнским ружьём и хотел пальнуть – Джервас уверил всех, что разрядил его и случайный выстрел исключён, но, пожалуй, зря он это сказал во всеуслышание, потому что коротышка разозлился, едва не сорвал одно из колец и велел двум вёртким, похожим на полёвок ребятишкам обыскать гостей – а то мало ли позабыли какой-нибудь ножичек. Айдан очень встревожился, когда эти мелкие разбойники стали ворошить его вещи, чуть не уронив заветный кожаный свёрток в лужу – к счастью, рясы они просто приложили к себе и, посмеявшись вволю, затолкали обратно, а наследием мастера Бернхарда и вовсе не заинтересовались. Девчонку им, кажется, просто хотелось облапать, и в итоге она вlepила затрещину самому бойкому из них, а второму Альмасир едва не сломал запястье. Капюшонщик ринулся на помощь своим, призвав ещё троих коротышек с копьями, но серый росчерк скользнул по небу, пролив на головы драчунов немного командирского лязга – и половинчики тотчас же присмирели, а главный расхититель будто забыл о странниках и стал молча грузить отобранное на телегу, в которую впряглись его помощники. Один из копейщиков учтиво поклонился бродягам и на ломаном гевинтерском попросил следовать за ним. Бартель и Джервас обменялись взглядами, в которых читалась то ли угроза, то ли предложение совместного заговора, то ли всё это вместе.

Порывы ветра срывали тонкие струйки белесой мглы с краёв Туманного Рва, и казалось, что сама твердь здесь была не более чем слежавшейся дымкой. Струйки растерянно закручивались и распадалась на отдельные волокна, которые неспешно плыли вверх и вливались в кружившие над провалом клубы. Дейермер ждал, когда появится Чёрная и Белая Башня, – наконец рукав тумана лизнул её дотолё невидимые стены, и она проявилась, хрупкая, как конструкция из лунных лучей, но в то же время нерушимая. Низ её был стёрт, она висела под небольшим наклоном над дальним краем Рва, похожая больше на сон, чем на реальное сооружение – и, как во сне, она отказывалась подчиняться логике: стены стыковались под невозможными углами, нарушая все законы перспективы, а что до крыши, Дейермер так и не определился, кажется ли она ему выпуклой или вогнутой. Была ли она отражением, образом, посланным сюда сквозь пространство или даже время? Была ли она фантазией Обратной Стороны? Столько прекрасных загадок – но нужно спешить, идти вперёд, пока воздействие Туманного Рва не свело с ума остальных: доработанный Дейермером жутковатый и смешной череп с глазами-гнилушками частично стабилизировал потоки силы вокруг, но мог лишь дать отсрочку – и урон уже начинал проявляться. Старуха шёпотом переругивалась с покойными родственниками, толстяк из Соединённых Провинций то и дело принимался плакать, рога-тый из обрывков слов слагал бессмысленные гимны – рыцарь из Ланцига смотрелся пристой-

нее многих, но так скрипел зубами, что, наверное, стёр их уже наполовину. Впрочем, теперь уже лишь трое имели значение.

Первый – нелепое существо с бородой из водорослей, которое велело звать себя Проводником и растревожило всех своими странными повадками. Оно усердно делало вид, что не чувствует воздействия Обратной Стороны – и это было фальшиво, как и всё в нём. Дейермер не мог понять, к чему вообще этот маскарад, который не мог обмануть никого из действующих лиц грядущего столкновения – разве что запутать статистов.

Тайко была даже бледней обычного, если такое возможно. После Оберхайда она избегала его, лишь порой бросая странные, напуганные взгляды, но на привалах часто садилась одна, в стороне от остальных, словно приглашая поговорить. Утром предыдущего дня рыцарь из Ланцига обмолвился, что ночью эльфийка плакала. В этом могла быть и вина Дейермера – в городе на краю обитаемого мира он позволил себе замечание о том, что ещё можно повернуть и даже – вместе уйти из этого мира. Она фальшиво рассмеялась, бросила несколько резких фраз о нравах северян и, сославшись на головную боль, сбежала. Если бы он мог тогда догнать Тайко, если бы они сумели поговорить... Но нет – в то, что негибкая и немного циничная эльфийка могла раскиснуть накануне ожидаемого триумфа, было сложно поверить. Ей было страшно – разумеется. Она могла отважиться на последнюю попытку растрогать его, заставить примириться с уготованной ему судьбой – почему бы нет. Но раскаться? Или всё же?... Здесь, у последней черты, ещё был шанс поговорить начистоту, предложить ей предать своих эльфийских дружков – и эта мысль мучила Дейермера, но он, увы, слишком многое повидал, чтобы идти на поводу у таких иллюзий. Предатели будут преданы – он уже делал это раньше и повторит сейчас – без колебаний, без жалости – а с воспоминаниями о её слезах он как-нибудь свыкнется.

Оставался и кто-то третий – самый опасный из всех, потому что о его существовании можно было только догадываться: нестыковка здесь, противоречивое свидетельство там – идеальный противник. Его загадка завораживала Дейермера. Будь в запасе ещё хотя бы год – какое это было бы противостояние! Увы, пришлось мириться с неопределённостью, бросаться в темноту без проработанного плана – не зная даже, кто из попутчиков представляет неизвестную сторону. Впрочем, Дейермер пока и о себе не раскрыл всего – самое своё действенное оружие приберёт напоследок.

Он улыбнулся и набрал полную грудь влажного, застоявшегося воздуха. Бесконечность стягивалась. Он чувствовал её, как тонкий звук на самом пределе слышимости – предвестие трещины во льду. Где-то в непредставимой дали вселенная кричала в предвкушении распада, и от этого приятный озноб пробежал по его телу. На мгновение он станет, вероятно, самым могущественным существом в этом мире, и, если всё пойдёт как нужно, этого будет достаточно. Другие что-то чувствовали, не могли не чувствовать – невнятный страх, смутное беспокойство – но всё это можно было списать на воздействие Обратной Стороны. Если только третий... Но откуда ему знать?

Дейермер медлил, дожидаясь остальных, – и отряд действительно растянулся, некоторые едва ковыляли вдалеке, подгоняемые рыцарем из Ланцига, который сам себя назначил замыкающим.

– Наш путь закончится во тьме, – любясь разломом, вымолвил Грим Ранд.

– Внизу нет настоящей тьмы, – возразил шанкара. – Она лишь в сердце идущего.

Дейермер так и не определился, что думать о нём. В длинном, развесистом имени шанкары, которое означало что-то в духе «Тот, кто не жалеет слов на рассвете», трудно было продрапаться дальше первого слога – «Лхи» – это и стало его кличкой в отряде. Как и все шанкары, Лхи считал, что когда-то давно чародеи со своими безответственными экспериментами вывели мир из равновесия – поэтому Обратная Сторона из гармоничного дополнения стала угрозой. Но если его соплеменники воздвигали на пути к избавлению непреодоли-

мые лабиринты из философии, то Лхи стал призывать к реальной борьбе – за что и был изгнан. Занятым образом учение шанкар перекликалось с идеями, которые принёс с собой из западных краёв Тиберий – он тоже говорил о балансе, но не в масштабах всего мира, а на уровне отдельно взятого пробуждённого, в котором этот мир и Обратная Сторона тоже борются за влияние. Тиберий утверждал, что, уравновесив их, можно избавить пробуждённого от неконтролируемых приступов и даже – если Обратная Сторона одарила его магией – усилить колдовской потенциал. Сам этот господин пробуждённым не был, и проверить его рецепты было не на ком. Звучало, впрочем, складно. Мог ли кто-нибудь из Лхи с Тиберием представлять в отряде третьего? Едва ли. Имперец – тот был демонстративно странным – ценителем древней поэзии, почти язычником – слишком грубо для третьего. Лхи можно было бы заподозрить, но шанкару знал Да`ахрир, а на его мнение можно было положиться. Дейермер вздохнул. Да`ахрир... Ты понимал, как выправить этот мир, но язык эльфов был слишком беден, чтобы изложить идею – теперь твоё место занял самозванец, а мы оказались глупыми, мы не способны сами додумать твой план. Ты тоже верил в лучшее для этого мира и тебя тоже предали, только ты принял свою участь с покорностью, а я обращаю планы своих врагов против них самих.

Полуссохшие, гнилые деревья тянули когти в тщетных попытках заслониться от струньев тумана. Бледная Луна безмолвно кричала сквозь облака. Зеленоглазый череп в руках у Дейермера высвечивал начало тропы – широкий карниз, уходивший вглубь разлома, который сейчас казался просто дыркой в земле, безобидной трещиной. Дейермер оглянулся на свой отряд, хотел подбодрить их, но во взгляде Тайко была вина и будто бы надежда – так, может быть, ещё не поздно? Может быть, она успеет передумать? Стоявший рядом с ней имперец ободряюще кивнул – и Дейермер сразу потерял вкус к наставлениям. Как он посмел так покровительственно смотреть – так, словно он не боится, словно он не трепещет перед загадочным и могущественным предводителем?

– Держитесь за мной. Если вы погибнете здесь, то ваши души навсегда останутся в темноте, – вымолвил Дейермер и поспешил отвернуться.

На тропу он ступил первым. Туман ластился, как верная кошка. Лунный свет стекал по стенам Чёрной и Белой Башни. Тихий хруст бесконечности приятно щекотал уши.

Престол над пропастью

Облака то и дело набегали на солнце, и свет причудливыми полосами проливался на свежую траву, соперничая с жёлтыми цветочными островами, – казалось, окуни в него кисть – и можно рисовать ангелов – золотистых, как принято в Аойне. Из-за стволов задорно подмигивала речка. Птицы щёлкали и свистели в пока ещё голых ветвях, и Айдану показалось даже, что он видел шмеля, неспешно пролетающего над дорогой. Если бы не копейщики вокруг и не Суд Пропавших Людей впереди, каким радостным было бы это путешествие!

Половинчики, похоже, никак не могли решить, с кем имеют дело: с пленниками, со злодеями или с почётными гостями – Айдана больно ткнули тупым концом копья за то, что он замешкался в пути, но позже на привале Виллема преспокойно отпустили в кусты одного – и только когда его отсутствие затянулось уж совсем неприлично, за ним отправили двух полуросликов. Оказалось, что южанин увидел за деревьями что-то интересное, пошёл посмотреть и так увлёкся, что забыл обо всём на свете. Остальные странники тоже захотели взглянуть на его находку, а половинчики протестовали не очень активно, так что вся толпа ломанулась к находке Виллема – слегка покосившейся стеле песочного цвета в два человеческих роста высотой.

– Надеюсь, это не очередной пилон? – пробормотал Айдан.

– Да нет! – воскликнул Джервас. – Так близко стоящих рядом пилонов не бывает.

Шаан проверил с помощью песочных часов и подтвердил, что стела не искажает силовой поток вокруг себя. Кейтлин предположила, что это древнее надгробие, но на идеально гладких блестящих гранях не было ни надписей, ни украшений, лишь ряд узких прорезей в верхней части. Вальтер ткнул в одну из таких кинжалом – внутри, похоже, была пустота.

– Ну, точно гробница, – заявила девчонка. – Пойдём отсюда.

– Похоже на руины Исчезнувших, – буркнул Виллем, – тот же материал, те же пропорции, – он вопросительно посмотрел на своего приятеля.

– Очень даже может быть, – откликнулся тот. – Бартель, ваше мнение?

Тот скрестил на груди руки, изображая мертвеца, потом помотал головой и несколько раз хрипло кашлянул, – должно быть, это было смехом.

– Ну, всё, покойников внутри нет! – объявил пробуждённый.

– Смотрите, что там! – Вальтер показал на серого жука, который выбрался из прорези в камне, заполз на квадратную площадку наверху стелы, распушил крылья и неспешно полетел прочь.

– Опять эти жуки! – воскликнул Айдан.

Бартель проводил насекомое взглядом, и на губах его лежала загадочная улыбка.

– Думаете, жуки как-то связаны с похищением части души Этельфледы? – сам не понимая, к кому обращается, спросил хронист.

– А жуков послали Исчезнувшие, – хмыкнул Вальтер.

– Давайте хотя бы им от Фледы ничего не будет нужно, – процедила Кейтлин.

Рыцарь попробовал расспросить половинчиков, но те вдруг очень заторопились и погналы странников дальше.

К вечеру отряд привели в огороженную крепким частоколом деревню, похожую чем-то на ту, сожжённую, какой она предстала во сне, только вот приметный холм рядом с ней был совершенно голым, а чуть поодаль стояло совсем непохожее на крытые корой палатки полуросликов добротное деревянное здание – приземистое, вытянутое, с низкой круглой дверью. На лоскуте коры над входом в каждую хижину было, как и в том видении, нарисовано животное, но кроме красных оленей с птицами попадались ещё синие пауки со стрекозами. Деревенские высыпали встречать гостей, они судачили, показывали пальцами, высокие красно-синие

шапки так и плясали над толпой. На взгляд Айдана здешние половинчики выглядели пестрей их северных собратьев: тут и там шов был прикрыт красно-синей узорчатой вставкой, медные бляхи блестят на поясе, а из-под ворота куртки торчит цветастая рубахи. Вместе с хозяевами явились и крупные улыбчивые собаки – некоторые были лохматыми, а остальных явно недавно остригли – Айдан слышал, что на севере таких разводили ради шерсти, а в голодное время даже и ели.

Странникам объяснили, что ночевать им предстоит в деревянном здании, куда в своё время принесут и ужин, и завтрак, но это ни в коем случае не темница и они могут свободно бродить по деревне, впрочем, не выходя за частокол. Лошадей копейщики привязали рядом, пообещав как следует накормить и напоить их, – и в самом деле, двое половинчиков отправились к реке с ушатом. Один из провожатых полез проверять, готово ли пристанище, и столкнулся в дверях с крупной и носатой старухой, которая отодвинула его с дороги метлой и беспрерывно ворчала, но, увидав Кейтлин с Альмасиром, осеклась и засемила прочь.

Вход был в пору половинчикам, но люди вынуждены были кланяться, а рослый Джервас и вовсе вынужден был ползти на четвереньках. Внутри, впрочем, было светло –протянутая под коньком трубка излучала ровное белое сияние. Хронист ничего подобного не видел раньше, он подумал даже, что этикие светильники могли бы успешно заменить в закрытых северных ротондах магические кристаллы – «Фу, колдовство!» – и свечи – «Адским пламенем пахнет!» Потом, правда, сообразил, что принцип работы этих трубок тоже может быть каким-нибудь зловещим. Одну половину помещения освободили для странников, а на другой были аккуратно расставлены корзины с белой шерстью, с веретёнами, с готовыми нитками, с дощечками и гребнями для тканья. На дощатом полу не было ни соринки, стоявшие вдоль стен лавки с сундуками тоже казались чистыми, – Шаан провёл пальцами по одному из них и воскликнул, что такого порядка не видел с самой Альдонии.

– Для нас, что ли, расстарались? – хмыкнул Вальтер.

– Нет-нет, – инквизитор мотнул головой, – я думаю, они тут, м-м, регулярно всё трут, иначе бы не получилось так чисто.

Виллем хотел выбить на пол трубку, но после слов Шаана присмотрелся, вздохнул и вышел на крыльцо.

– А, может, просто всё новое? – предположил рыцарь.

– Это вряд ли, – возразил Джервас. – Вот тут, смотрите, следы от лавки, а тут, – он постучал по доске возле входа, – похоже, поработал древоточец.

– Ну, вы зрячий! – крикнул Вальтер.

Возле длинной стены были растянuty три шкуры, на которых красными нитками небрежно вышли размашистые картинки – на одной пять капель зависли над разорванной посередине волнистой линией, на другой весьма условный человечек воздевал руки к небу рядом с костром, а на третьей корявая фигурка тыкала другую в глаз заострённой палкой. Айдан подумал, что это могут быть мифологические сюжеты – скажем, какой-нибудь герой похитил у богов огонь, чтобы спасти свой народ от всемирного потопа, и за это его потом убили посланники неба – звучало складно, только тут при чём шерсть? Логичнее было бы изобразить здесь кого-нибудь вроде слепых сестёр из имперских мифов, которые ткали и отмеривали нить жизни. Пробуждённый тоже разглядывал шкуры, и на его лице гуляла хитрая ухмылка.

– Вы понимаете, что тут изображено? – спросил Айдан.

– Понятия не имею! – весело ответил Джервас.

– Как думаете, что это вообще за место? – продолжил хронист.

– Работный дом, – уронил Виллем. Айдан непонимающе посмотрел на него. – В Соединённых Провинциях в такие отправляют бродяг и нищих, чтобы трудились в обмен на крышу над головой.

– Но здесь, кажется, у всех своя крыша, – заметил Вальтер.

– Откуда нам знать? – пожал плечами южанин. – Может быть, всех обитателей этого места выгнали перед нашим приездом.

Стали устраиваться – кто-то на лавках, кто-то на полу. Вальтер пошёл проверить, хорошо ли половинчики стерегут пленников и правда ли ухаживают за лошадьми, – вернулся задумчивый.

– За коней можете не переживать, – промолвил он. – А сторожа больше судачат, чем приглядывают за нами. Пожалуй, если мы соберём трёх-четырёх решительных бойцов, то одолеем ближайшую компанию.

– М-м, и что дальше? – испуганно спросил Шаан.

– Заберём у них копыя со щитами, – решительно предложил рыцарь, – перебьём остальных, кто с оружием, а селяне сами разбегутся.

– А потом что? – одёрнул его инквизитор. – Мы даже не знаем, м-м, далеко ли до границы Запретных Чашоб.

– Это правда, – признал Вальтер. – И, честно говоря, с их оружием мы много не навоюем, нужны нормальные мечи, арбалеты, а воза я что-то уже давно не видел.

– Да успокойтесь, – доверительным тоном промолвил пробуждённый. – Вы хотели догнать Фродвина? Так нас к нему и ведут. А дальше по ходу разберёмся.

Вальтеру такой совет явно не пришёлся по вкусу, но годных идей у него не было. В настороженном, тяжком молчании дождались еду – котёл серой, разукрашенной жирными каплями похлёбки, в которой плавали кусочки рыбы и стояла одна-единственная деревянная ложка. Запах был густой, тяжёлый, после голодного дня нельзя было и помыслить о чём-нибудь более восхитительном. Похлёбка была и в самом деле недурна, хотя костей в ней было больше, чем собственно рыбы.

Когда коротышки забрали пустой котёл, инквизитор предложил поговорить о грядущем – но тут оказалось, что деревенские затопили для гостей баню, и Кейтлин с Шааном наперегонки метнулись туда – девчонка прорвалась первой, и Шаан измотал остальных жалобами на то, как у него всё чешется, пока нетерпеливо наматывал круги в ожидании своей очереди. Когда девчонка наконец вышла, воду нужно было греть заново, но глядя на счастливое лицо Кейтлин, никто из странников не решился упрекнуть её.

Последним из бани вернулся подвижник – мыться ему пришлось почти холодной водой, но он и не думал сетовать. Подозвав брата Ингольберта поближе, все сдвинулись, нацепили серьёзные лица и стали держать совет, но обсуждение застряло на том, что никто не понимал, с чем, собственно, предстояло бороться. Вальтер предположил, что Запретными Чашобами завладел злобный чернокнижник, который каждому из половинчиков заменил какую-нибудь часть тела на металлическую подделку – одному дал железную руку, другому палец, третьей глаз – и через это поработил всех. Странники подивились было живости его воображения, но тот признался, что слышал в детстве подобную легенду, в которой, правда, вместо железных рук фигурировали костяные. Впрочем, после всего, что случилось в последние несколько седмиц, даже и такое звучало правдоподобно, и Айдан, представив, что обнаруживает поутру вместо обычного пальца металлический, не смог сдержать дрожь. Вальтер попытался успокоить всех, сказав, что у чернокнижников есть общий недостаток – они обычно умирают от доброго удара мечом – но ему напомнили, что всё оружие непонятно где, и утешение обернулось тленом. Шаан посоветовал рассмотреть ещё какие-нибудь гипотезы – но альтернативой было, кажется, только вмешательство слуг Падшего, которого никто не хотел поминать, пока наконец Виллем не заметил, что изгнание священников – это именно то, с чего начал бы демон.

– Где же храмы в честь Нергеддеона Заступника? – ехидно спросил пробуждённый.

– Ты не понимаешь, – вздохнул южанин. – И никогда не понимал, поэтому так легко оставил веру. Падшему нет нужды в храмах. Тот, кто отвернулся от Света, уже служит ему.

– Так соскучился по твоим проповедям, – улыбнулся Джервас. – Но я вас оставлю, простите. Нашей с Виллемом очаровательной полемике уже лет пять, не меньше, и новых аргументов в ней пока не прибавляется, – Виллем покачал головой и глубоко затынулся. – А у меня на этот вечер планы. Но вы продолжайте! – он поклонился и зашагал к выходу, но Вальтер схватил его за рукав и попытался выяснить, что это за дела такие. Пробуждённый ответил, что посидит у реки, подумает о своём, и он так безоблачно улыбался, что рыцарь отпустил его.

Вальтер стал припоминать всё, что знает о жителях Запретных Чашоб – выходило, что это скрытный народ, разделённый на множество враждующих между собой племён, которые церковь безуспешно пыталась помирить между собой – доходило до стычек во время богослужения. Впрочем, Вальтер был уверен, что среди бойцов, которые провожали странников к Суду Пропавших Людей, были представители разных племён – об этом ему говорили разные узоры на поясах – а, стало быть, неведомый чернокнижник с его работными домами оказался успешнее проповедников Света.

– Или тот крикливый половинчик, – заметил Виллем.

– Возможно, – откликнулся рыцарь. – Бывало дело, даже клыкачей объединял удачливый и жестокий вожак.

– Как думаете, он может быть тем чернокнижником? – спросил Айдан.

Вальтер посмотрел на Шаана, тот предложил узнать у чародея, который, в свою очередь, жестами объяснил, что воевода не имел и намёка на колдовские способности. Дальнейшие обсуждения ни к чему не привели; нужно было побольше выяснить о происходящем.

Вскоре Бартель тоже оставил странников. Он повесил неподалёку от одного из костров, разведённых проводатыми, большую тряпку, собрал вокруг неё деревенских ребятишек и, ловко орудуя пальцами, изобразил для них сказку из теней – что-то про драконов и кошек, за которых чародей весьма натурально шипел, мяукал и откашливался. Зрители были в восторге и охотно поделились парой собственных сказок – Айдан видел, как чумазый мальчуган, взобравшись на чурбак для внушительности, весьма впечатляюще рычал и выл, подражая волку, а потом ещё лопотал на местном – и хронист не понимал ни слова, но Бартель кивал так, будто прекрасно владел языком половинчиков. Наверняка он этак выяснял про Белого волка – но что бы чародей ни узнал, делиться с попутчиками он не планировал.

Джервас, как потом выяснилось, пошёл в гости к той самой старухе, которую странники встретили у входа в своё ночное пристанище, и просидел у неё до глубокой ночи – когда потом его спросили, о чём был разговор, пробуждённый отделался улыбкой, но подмигнул Альмасиру, из чего все сделали вывод, что речь была о судьбе Волка и Златоглазки, – так Айдан решил называть про себя богиню.

– Между прочим, я имею право знать, – шикнула на пробуждённого Кейтлин.

– У вас, по-моему, есть более надёжные источники, – ухмыльнулся Джервас. Девчонка посмотрела на Виллема, но тот тоже не понимал, как сладить с приятелем.

– Не бойтесь, что мы вам всю, м-м, игру испортим? – спросил Шаан.

– Да нет пока никакой игры, – пробуждённый всплеснул руками. – Мы просто мило побеседовали со старушкой. Когда будет, во что играть, я расскажу вам.

Виллем вздохнул, посмотрел себе под ноги и глубоко затынулся.

– Может, вы хоть узнали, что за Суд Пропавших Людей? – без особой надежды спросил Вальтер. – Кто там заседает, можно ли их подкупить?

– Подкупить? – глаза пробуждённого весело засверкали. – А вы находчивый, не пропадёте. Но всё в своё время, – загадочно закончил он.

Незадолго до рассвета хронист проснулся оттого, что над ним нависала суровая старуха с хищным, закруглённым носом и не улыбочивым безгубым ртом, за которой маячило что-то белое, похожее на привидение. В голове мелькнуло: сейчас принесут в жертву! Надо было кричать, звать на помощь, но звуки околели, набились в рот, а наружу никак не могли вырваться,

да и тело словно было чужим, не пошевелишь и пальцем. Кажется, остальные тоже проснулись, кто-то закричал, Джервас весьма отчётливо произнёс: «Ты зачем притащилась, старая дура? Всё испортишь» – он поднялся, словно неведомое колдовство не придавило его, как остальных, он сделал шаг навстречу карлице, но отступил перед облаком непроглядного мрака, перед сдавленным мертвецким хрипом – от Альмасира веяло гневом и, пожалуй, царственностью. Старуха низко поклонилась покойнику, и привидение тоже сложилось вслед за ней – впрочем, под белыми одеждами Айдан разглядел уже крепко сбитую молодую полурослицу с тяжёлым свёртком в руках. Что было внутри, хронист так и не узнал: когда Альмасиру протянули его, тот не стал разворачивать – уже знакомое чёрное пламя пожрало дар вместе с обёрткой. Должно быть, это значило: пожертвование принято – потому что старуха, пятась к выходу и продолжая отвешивать поклоны, зловеще улыбалась. Как только гости скрылись, странникам полегчало, они повскакивали, Шаан зачем-то выбежал на улицу, но сразу вернулся, брат Ингольберт затянул молитву. Вальтер отчитал Виллема, который стоял на часах, но точно так же, как и остальные, ничего не смог бы сделать – и заявил, что до утра сам будет сторожить, но пробуждённый убедил его, что больше неожиданностей не будет.

Наутро к путникам пришли довольно злые и крикливые половинчики, которые хотели знать, зачем Джервас переполошил жителей деревни, но тот упорно твердил, что всего лишь поужинал со старушкой. Айдан с трудом сдержал смех: когда карлики целились в отряд с гребня холма, они в самом деле выглядели угрожающе, а рядом с великаном-Джервасом вновь сделались играющей во взрослых ребятнёй. Сразу несколько хриплых голосов произнесли: «Акки!» – с угрозой, но в то же время со страхом. Не так ли зовут железнорукого? – подумал Айдан. Этого совсем не хотелось увидеть снова.

Шаан попытался расспросить Кейтлин, знает ли она что-нибудь о планах своих насельников, но та горько спросила в ответ:

– Вы когда-нибудь откровенничали со своей лошадью? Это ведь то же самое.

Инквизитор смущённо затих, а брат Ингольберт подошёл к своей подопечной, чтобы успокоить её – и в самом деле, вскоре она уже хихикала над шутками старика – к большому удивлению Айдана, который ждал бы от него совсем другого утешения. Немного позже Виллем заговорил с подвижником и между делом заметил, что Кейтлин много злится и мало молится, как будто она сама не очень старается разорвать узы с тем, что у неё внутри. Брат Ингольберт молчал, и южанин добавил, что Владыка снисходит лишь к тем, кто в самом деле этого хочет, и хорошо было бы не просто утешать её, а помочь довериться Ему. Подвижник лишь печально улыбнулся в ответ.

В следующем селении рядом с крытыми берестой шатрами тоже стояло довольно свежее и будто чуждое здесь деревянное здание. Как и прошлым вечером, половинчики высыпали навстречу странникам, но что-то новое появилось в их взглядах – сложная смесь надежды и страха, готовая в любой момент прорваться, – и когда Кейтлин с Альмасиром проходили мимо, одна из полурослиц бросилась к их ногам, рыдая, вереща что-то. Сразу трое копейщиков подскочили к ней, один ударил древком, другой сапогом, третий, вроде, пытался остановить их, но не слишком настойчиво – она плевалась кровью, когда её оттаскивали прочь. Кейтлин зажмурилась и что-то бормотала, а мертвец лишь тяжёлым взглядом проводил несчастную. Толпа попятилась, кого-то сбили с ног, один из копейщиков хлестал селян протяжными выкриками, опять звучало имя Акки, – впрочем, не все даже из воителей были рады слышать его. Наконец деревенские рассеялись, а путникам было сказано, чтобы они даже словом не смели перемолвиться ни с кем из местных – а то, мол, мы за себя не отвечаем, приговорим безо всякого суда. У Айдана тряслись руки, а сердце готово было разорваться, он еле совладал с тем, чтобы привязать лошадь. Если бы ещё знать, с кем и когда сражаться, можно было бы вовремя спрятаться – но нет, белое и золотое не спешили делиться планами.

Работный дом встретил странников привычными чистотой и порядком, ощущением, что здесь трудились старательные духи, у которых и грязи на башмаках нет, и ничего из рук не падает, – разве что на этот раз вместо корзин с веретёнами были потемневшие изнутри вёдра и доски, в которые намертво въелось что-то красное, а в углу сушились толстые гирлянды окрашенных кармином и вайдой шерстяных нитей. Хронист не удивился, увидев на стене уже знакомые картинки: вода, пламя, убийство – странные символы здешней веры – или что это было такое?

Только побросали вещи – снаружи раздались голоса, гавкнула собака, потом в дверях показалась согбенная фигура – к счастью, слишком длинная для Акки – ойкнула, скрылась вновь, пропустила внутрь Виллема и проскользнула вслед за ним, обернувшись измождённым небритым мужичком в короткой, явно позаимствованной у половинчиков куртке, и меховой шапке с ушами. Его глаза бегали, он приложил к губам палцы и протяжно просвистел «Тссс!», потом умоляюще сложил перед собой руки и тихим, дрожащим голосом проговорил:

– Я человек, да. Я... Не надо бояться! – он несколько раз провёл по небритой щеке ладонью, словно стирая что-то. Ноги он никогда не разгибал до конца и всё время оглядывался, как будто ожидая удара.

– Ты это себе скажи, – добродушно бросил Вальтер. Гость ошалело уставился на него. – А, кстати, что-то мне твоё лицо знакомо.

– Лицо? Нет, вряд ли!

– Да точно! – воскликнул рыцарь. – Ты же этот... Гизульф, Гизнот, Гизельхер... Да скажи уже, как тебя зовут, возьми тебя преисподняя!

– Я Дитмар, Дитмар, любезный сеньор. Но я вас не помню.

– Дитмар! Ну, точно! – рыцарь хлопнул в ладоши. – Ты ж разбойник, я тебя чуть не повесил года четыре назад. Сказал, если снова свидимся, пощады не жди. Что, вспомнил?

– А... – Дитмар обнажил изрядно порченные зубы и высоко, совершенно не весело хихикнул. – Я... Да.

– А ты, поди, решил укрыться у вши... у половинчиков? И как тут?

– Мне кажется, Дитмар хочет нам что-то сказать, – перебил его Виллем. – Может быть, он даже объяснит там, что такое Суд пропавших людей.

– Да! Да! – закивал разбойник. – Мне сказано приготовить вас. Не приготовить... Объяснить... – не сумев подобрать слово, он совершенно рассыпался, ухватился за голову, захлопнул глаза, присел и начал что-то тихо приговаривать. Айдану это совсем не нравилось, было похоже на одержимость, причём на самую что ни на есть классическую, а не как у Кейтлин. Он посмотрел на брата Ингольберга, потом на Бартеля, но не смог понять, о чём те думают. Вальтер явно готовился к стычке, а Джервас прикусил губу, словно сдерживая улыбку. Кейтлин пожирала разбойника жадным взглядом, а мертвец за её спиной обнажил зубы. Наконец Дитмар пришёл в себя и выпалил: – Суд, да! Пропавших людей? Нет! Суд Исчезнувших! Вот как правильно!

– Не хотите же вы сказать, м-м... – начал инквизитор.

– Послушайте, – разбойник выкатил глаза. – Он... она... нет, оно. Оно! – прозвучало взволнованно, почти страстно. – Древнее божество на светящемся троне. Многорукое, многоликое. Очень древнее, старше всех, из времён Исчезнувших, это точно! – по виску Дитмара скатилась крупная капля, он смахнул её неряшливым движением, но жаркой шапки так и не снял.

У Айдана забилося сердце. Если бы только потолковать с этим божеством – о, что была бы за хроника! Любой из ланцигских монахов удавился бы от зависти! Но потом он представил многорукого бога с множеством зубастых пастей, в каждую из которых можно сунуть по человеку – и дрожь пробежала по спине самоотверженного историка.

– Тыфу, ты пьяный что ли? – Вальтер скривился. – Или у вас тут завелись демонопоклонники. Не могу понять.

– Давайте не будем спешить с выводами, – примирительно промолвил Джервас. – Не слушай его, – сказал он Дитмару, – и расскажи всё по порядку, прямо с самого начала. Откуда взялся этот многорукий, чем занимается, – пробуждённый уселся на лавку, пригласив остальных последовать его примеру. Все устроились, как селяне перед проповедником, а Дитмар растерянно следил за ними, дожидаясь разрешения продолжить.

– Ну, запевай! – воскликнул Вальтер.

– Благодарю вас, – откликнулся разбойник. – Его зовут Железный Слуга. Его разбудили Кальман и Тулле... Вы ведь знаете, кто это? – он обвёл слушателей взглядом. Вальтер кивнул, остальные не отозвались. Молчание затягивалось, и рыцарь воскликнул:

– Давайте я расскажу, так быстрее будет! Тулле был вши... половинчик, а Кальман, кажется, младший сын рыцаря из Райффенталю. Они грабили торговцев на Пустом Тракте, а потом исчезали в Запретных Чашобах, там у них было укрыище, и никакого с ними сладу не было, уж и магов отправляли на поимку, и даже подставные караваны гоняли, а всё без толку. Потом они ещё продали свои мечи Вайтернахту, воевать против горцев за Перевалом Клинков, но там им не понравилось, так они увели подводу с жалованьем для целого гарнизона и были таковы, – в голосе Вальтера слышалась едва ли не зависть, – а потом пропали, не знаю, что с ними случилось. Видимо, это ты нам расскажешь, – он посмотрел на разбойника.

– Ну, так вот! Так во-от! – взвился Дитмар. – Половинчики нашли в лесу пирамиду. Ни входа, ни выхода, запертые ворота. Долбились в них, долбились – ничего. Тогда наняли Кальмана и Тулле. Сказали: вдруг там золото, каменя. А что? В Гевинтере все хотели им смерти. Так они сидели там месяц, другой, но всё-таки расковыряли пирамиду. Золота внутри не было. Разбитые жуки, железные, больши-ие, – он размахнулся руками, очерчивая нечто и в самом деле крупное, – да. А в самой середине – пропасть, а над пропастью оно. Потом оно проснулось и разбудило жуков, железных птиц и невидимых пожирателей. Оно спросило у них: что вы такое? А потом оно сказала: вы будете делать, как я говорю, а я сделаю вас счастливым народом. А кто скажет иначе, того сбросим вниз.

– Это тот самый, многорукий и многоликий?

– Да-а!

– Точно демон, – констатировал Виллем. – Престол над бездной, жуки, – он осуждающе покачал головой.

– Воистину бесчисленны обличья Падшего! – согласился подвижник.

Айдан закатил глаза. Прошлое готово было распахнуть перед ними закрытые, казалось бы, навечно двери, а у этих одно в голове – Падший...

– Да подождите вы! – перебил их Вальтер. – А что оно им сказала? Что надо делать?

– Что? – разбойник судорожно сглотнул и принялся было загибать пальцы, но потом быстро забросил это дело: – Трудиться вместе и на совесть, беречься от пожара и болезней, беречься от того, чтобы не пораниться во время работы, беречь то, с чем работаешь, а если испортил что – возместить, сообщать, коли едешь куда, и когда захворал – сообщать тоже, уважать старшего, помогать младшему, подменять, коли кто занемог, и никому не говорить про Железного Слугу.

– Полагаю, что некоторые из этих мудростей изображены там на шкурах, – заметил Джервас.

– Да-да! – подтвердил Дитмар. – Вот эта – не давай влажности попортить нитки, вторая – берегись пожара, а третья – не поранься за работой, – он смотрел на эти бесхитростные картинки с наивным восхищением, как новообращённый орк на священные чаши.

– Любопытные заповеди, – молвил пробуждённый.

Бартель показал большой палец.

– Но вы, м-м, уже сказали нам про Железного Слугу, – обеспокоенно произнес инквизитор. – Это разве не противоречит правилам?

– Он заставит вас забыть, – ответил Дитмар.

– Как мило, – хмыкнул пробуждённый.

– Ты назвал его божеством. Он заставляет поклоняться себе? – спросил Виллем.

– Поклоняться? Нет. Некоторые пытаются. Всё время кто-то тащит ему приношения, некоторые вырезают кумиров в его честь. Оно этого не любит. Гневается, если узнаёт. Ругает. Но не обрекает бездне, нет. За это нет.

– Что ещё за бездна?

– Под его тронем. Там обитают невидимые пожиратели.

– Кто, прости?

– Я никогда не видел их. Но слышал. Хруст, скрежет, стоны обречённых душ. Всегда в бездне.

Айдан вздрогнул. Демоны там или нет, звучало весьма пугающе.

– Кажется, Падший действительно сплёл здесь гнездо, – промолвил Виллем.

– Но его имя, Железный Слуга, довольно странно для приспешника Нергеддеона, – отметил брат Ингольберт.

– Почему? Слуга Падшего, нет?

– Демон горд, слугой он себя назовёт лишь перед более могущественным бесом, а своих собственных прислужников он заставит пресмыкаться перед собой.

– Это вы хорошо подметили, – согласился Айдан.

Виллем ничего не ответил, но, кажется, остался при своём мнении.

– А священников из-за него разогнали? – спросил Вальтер. Дитмар кивнул. – Идолы тоже он велел порушить?

– Ему нет дела, кто во что верит, – ответил разбойник. – Но ежели хотят идолов строгать или приносить жертвы, Железный Слуга не разрешает.

– Что так?

– Говорит: скверный способ потратить время, хороший лес и своё добро. Коли остались силы – поработайте подольше, а коли осталась еда – раздели с соседом, нечего кормить суеверия.

– Интересно придумано, – Вальтер дёрнул себя за бороду.

– Я слышал, что имперцы называют Падшего Князем Мира Сего, – Виллем фыркнул, выпустив мохнатое облачко дыма. – Кажется, мы в его владениях.

– А мне вот кажется: как будто в Элринт вернулся, – Джервас возвёл глаза к небу и приторным голосом пропел: – Чем класть поклоны, лучше поработай ещё часок, у Владыки зачтётся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.